

Гейнц Гудериан Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945

Серия «За линией фронта. Мемуары»

Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3119865 Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939— 1945: Центрполиграф; М.:; 2012 ISBN 978-5-9524-4990-9

Аннотация

В своих мемуарах Гейнц Гудериан, стоявший у истоков создания танковых войск и принадлежавший к элите высшего военного руководства нацистской Германии, рассказывает о планировании и подготовке крупнейших операций в штабе Верховного командования сухопутных сил Германии. Книга является интереснейшим историческим документом, где знаменитый немецкий генерал делится своими знаниями и опытом.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	8
Глава 2	10
Танковая атака – огонь и движение	25
Бронезащита	26
Движение	27
Огонь	29
Глава 3	32
1938 год. Кризис Бломберга – Фрича. Присоединение к рейху	32
Австрии и Судет	
Аншлюс Австрии	34
Присоединение к рейху Судет	40
Обстановка снова накаляется	42
Глава 4	45
Все ближе к войне	45
Польская кампания	47
Меж двух кампаний	61
Глава 5	64
Подготовка	64
Прорыв к Ла-Маншу	71
Захват портов Ла-Манша	82
Роковой приказ Гитлера – прекратить наступление!	84
Прорыв к швейцарской границе	87
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Гейнц Гудериан Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945

Эти блестящие мемуары просто гипнотизируют... Это великая книга великого солдата.

Стивен А. Амброз

Знаменитые мемуары Гудериана остаются одним из самых честных и откровенных рассказов о том, что происходило в решающие моменты Второй мировой войны в штабе немецкого Верховного командования. Он описывает также и свою роль в создании бронетанковых войск, которые наряду с авиацией люфтваффе составляли ядро блицкрига. Эта книга знакомит нас с личностными качествами Гудериана, с его идеями, а также с операциями бронетанковых войск против превосходящих сил противника.

Кеннет Макси, автор биографии Гудериана

Предисловие

Один из людей, творивших историю – в мировом масштабе! – предлагает нам ознакомиться в этой книге со своим представлением о том, как его действия влияли на события истории и к каким совершенно неожиданным для него результатам это привело. Гудериан оказал огромное воздействие на ход войны своего времени. Без него воинственные настроения Гитлера могли бы оказаться очень быстро пресеченными при первой же попытке развязать войну. Ведь в 1939—1940 годах вооруженные силы Германии были еще не в состоянии одолеть войска какой-либо из крупных держав. Триумфальные победы, с которых началась для Германии Вторая мировая война, стали возможными только благодаря наличию бронетанковых войск, которые создал и обучил Гудериан, и его смелому командованию этими войсками вопреки осторожности вышестоящего командования и страхам Гитлера. Прорыв Гудериана в Седане и молниеносный бросок к Ла-Маншу практически решили исход войны с Францией.

Год спустя его натиск на востоке чуть было не привел к разгрому русских армий, но снова нерешительность вышестоящих лиц привела к торможению кампании вплоть до наступления зимы, которая дала русским передышку. Сталин смог подвести новые армии и возвести новые военные заводы взамен захваченных. Россия принялась набирать силу, а вот Германия уже не была так сильна, как в первую кампанию. Вторая попытка Гитлера, в 1942 году, хотя и представляла для России опасность, но имела более ограниченные масштабы. После поражения под Сталинградом всему миру стало ясно, что мощь Германии ослабевает, а вступление в войну Америки окончательно ускорило исход войны.

Таким образом, одержанные Гудерианом победы принесли его стране больше вреда, чем если бы он потерпел поражение. Ранний цвет принес горькие плоды.

Он и сам успел распробовать этот горький вкус, будучи отправленным в отставку еще в конце 1941 года за то, что осуществил временное отступление, вместо того чтобы потворствовать иллюзиям Гитлера. Он был вновь призван на службу лишь тогда, когда положение

Германии стало уже отчаянным, и стал в конце концов начальником Генерального штаба, когда оно превратилось в безнадежное. Так что эту горечь он испил до дна.

Однако плачевные последствия его работы нисколько не умаляют ее исторического значения – сотворения истории посредством новой идеи, выразителем и исполнителем которой он был. Германия не сохранила своих завоеваний, но эти завоевания перекроили карту Европы и повлияли на будущее всего мира.

Книга Гудериана представляет собой большой интерес еще и с точки зрения познания того, как работает мозг специалиста. Сильно развитое воображение Гудериана работало только в рамках профессиональной тематики, причем силу его концентрации многократно увеличивал горячий энтузиазм.

Гудериан был профессиональным солдатом в самом высоком смысле этого слова. Он, как и подобает мастеру, полностью посвятил себя техническому прогрессу. Он не думал ни о карьерных амбициях, ни о необходимом для их осуществления такте, ни о том, каким целям послужат технические нововведения. Понять его — значит понять страсть к идее в ее чистом виде. В этом лежит и объяснение его отношения к Гитлеру — более благосклонное, чем у большинства генералов старой закалки. Гитлер заявлял о своей приверженности новым военным идеям, в том числе идее оснащения танковых войск, так что Гудериану он не мог не понравиться. Гитлер конфликтовал с Генеральным штабом и существующей военной системой, и Гудериан, по своим причинам, тоже, и это вначале сблизило их, хотя по мере развития дальнейших отношений с фюрером Гудериан лишился своих иллюзий.

Читателям его мемуаров станет ясно, что он не задавался вопросом, кому и чему служит он сам и его солдаты. Для него достаточно было того, что страна воюет, а значит — находится в опасности. Выполнение долга было для него несовместимо с сомнениями. Как дисциплинированный солдат, он молча признавал, что его страна вправе защищаться от потенциальных противников. Читателей по всему миру, осведомленных о том, какую опасность несла Германия их странам, такая позиция может, конечно, привести в раздражение. Но установки Гудериана соответствуют установкам любого солдата любой страны в любое время. В мемуарах британских и американских командиров XIX века тоже редко когда мелькают тени сомнения по поводу участия их стран в войнах по довольно спорным поводам. Ход мыслей и способ их выражения носят у Гудериана довольно «викторианский» оттенок.

Более того, солдаты во всем мире привыкли принимать на веру, что «нападение — это лучшая защита», так что разницу между нападением и обороной они считают тактическим различием между двумя альтернативными действиями, и вопрос об агрессии в этом случае не встает. Крупнейшие специалисты в области международного права затрудняются дать безошибочное определение агрессии, а агрессивно настроенные государственные деятели всегда умело сваливают вину на плечи своих иностранных оппонентов. Самые ясные случаи всегда можно затуманить призывами к патриотизму, и чем больше в людях чувства долга перед своей родиной, тем легче обмануть их и заставить замолчать. Солдат не учат расследовать, кто прав в международных спорах, а если они позволят себе увязнуть в этом вопросе, то окажутся неспособными выполнить свой долг. Для военного философа есть место при разработке стратегии войны, но слишком уж вдумчивый ум не годится для самой военной службы.

Из соображений практической необходимости командир на поле боя должен действовать без размышлений, и, даже если у него есть на это время, он не должен каждый раз просчитывать отдаленные последствия выполнения полученного приказа, иначе его действия будут парализованы. Это правило не касается лишь самых высокопоставленных военачальников (Веллингтон тому примером). Так что пока продолжается бой, для выполнения своих задач военные обязаны ограничить сферу своего мышления обдумыванием того, как эффективнее выполнить приказ. «Их дело – не размышлять, а действовать и умирать!» Ни одна

страна, имеющая собственную армию, не может позволить себе пренебрегать этим правилом. Там, где солдаты начинают задумываться о том, за правое ли дело они сражаются, армии терпят сокрушительное поражение.

Легко считать Гудериана упорствующим милитаристом, но лучше признать, что его базовые воззрения – необходимые установки военного. То, что он не отказывается от них при написании мемуаров, дабы снискать одобрение судей, говорит лишь о его непоколебимой честности, которая так часто приводила его к конфликту с вышестоящими командирами и с Гитлером, да еще, пожалуй, о боевитости характера, которая сделала его таким выдающимся военным реформатором и командиром.

Не следует отказываться от ознакомления с мемуарами Гудериана из-за неприятия его стиля — это так же неразумно, как если бы его вышестоящие командиры игнорировали его военные предложения из-за нелюбви к нему лично. Эта книга — самый полный фактологический отчет о войне со стороны немцев из всех изданных до сих пор. Подробнейшая картина, делающая книгу ценным источником, хорошо дополняется энергичными и точными комментариями.

Откровения первых глав книги, которые свидетельствуют о том, какое сопротивление Гудериан испытывал при внедрении идеи развития бронетанковой техники и обеспечении методики блицкрига, могут удивить многих читателей, представляющих себе немецкий Генеральный штаб как единый прозорливый организм, состоящий из мыслителей, только и думающих, как бы им получше подготовиться к новой войне. (То, что он рассказывает, не будет таким уж откровением для тех, кто знает, что такое армия и как консервативна она по своей природе.)

Его рассказ о кампании 1940 года не только вскрывает все проблемы форсирования Мёза под Седаном, но и описывает всю гонку последующего броска на побережье Ла-Манша. Вы как будто сидите в автомобиле Гудериана во время этого безостановочного движения и видите, как он управляет своими танковыми дивизиями. Для меня это было как сон с продолжением, потому что до войны я так и представлял себе правильно организованный танковый бросок, но тогда меня уверяли, что я мечтатель. Когда Хобарт на учениях в 1934 году продемонстрировал возможности такого броска, солдаты старой школы заявили, что на настоящей войне такое не пройдет.

Рассказ Гудериана о наступлении на Россию в 1941 году дает нам самую подробную картину этого вторжения, какая вообще доступна на данный момент. Если кажется, что подробности замедляют темп повествования, то должен сказать, что оно очень оживляется историями о конфликтах в немецком командовании, а его описания страшного последнего этапа — зимнего броска на Москву по грязи и снегу — чрезвычайно живописны. Затем следует рассказ о смещении его самого и о повторном вызове на службу в 1943 году с целью реорганизации танковых войск после поражения под Сталинградом. В последних главах он по-новому освещает провал планов по отражению высадки союзников в Нормандии.

Когда ситуация стала отчаянной, Гудериану приказано было заступить на пост начальника Генерального штаба, на должность, полномочия которой были в тот момент ограничены Восточным фронтом и еще более ограничены — стремлением Гитлера контролировать все самому. Такие рамки оставляли Гудериану не много свободы действий, но зато новое назначение предоставило ему прекрасную возможность непосредственно наблюдать за процессом мышления и эмоциями Гитлера на последних этапах войны. Вряд ли можно представить себе более удручающую картину деградации больного диктатора и его деморализованного окружения. Завершает Гудериан свои мемуары набросками-описаниями характерных черт личности Гитлера и прочих вершителей судеб Третьего рейха, — и эта глава кажется мне самой интересной.

Острота и объективность этих описаний крайне примечательны. В этой главе чуть приоткрывается одно из качеств самого Гудериана, не проявляющееся в книге напрямую, но поражающее каждого, кто общался с ним лично, — его чувство юмора. Юмор тем более приятно отметить в данном случае, что для людей его круга это не типичное явление.

Однако Гудериану не удалось исправить то положение, которому он сам ранее и поспособствовал, находясь на более низких должностях. Когда речь заходит о людях действия, то их место в истории определяется тем, насколько они эту историю изменили. Достижения Гудериана — его влияние на ход Второй мировой войны и на способ ведения войны вообще — говорят о нем как о военачальнике высочайшего класса. Он настолько новаторски и решительно применял разработанную им идею независимого использования бронетанковых войск, что это приносило ему несравнимые ни с чем в анналах военной истории победы.

Ясно, что он в полной мере обладал качествами, отличающими «великих капитанов» истории, – острой наблюдательностью, уверенной интуицией, быстротой мысли и действия, не оставлявшей противнику шанса оправиться, даром тактического и стратегического мышления, способностью завоевывать сердца своих солдат и добиваться от них выполнения задуманных им задач. Непонятно только, в какой мере обладал он классическим чувством реализма. Впрочем, он умел делать нереальное реальным.

Помимо этих качеств, у Гудериана имелось и творческое воображение – главная черта гения как в военной сфере, так и во всех остальных. Большинство признанных мастеров военного дела использовали, как правило, традиционные средства и методы. Лишь немногие разрабатывали что-то новое. Изобретения в области вооружений приходили, как правило, извне, обычно от кого-то из гражданских. Изобретения в области тактики принадлежали, как правило, кому-нибудь из военных мыслителей и постепенно распространялись через прогрессивно мыслящих офицеров нового поколения. Редко кому из изобретателей удавалось самим воплотить в жизнь разработанные ими теории. Гудериану, однако, представилась такая возможность. И он воспользовался этой возможностью с революционными результатами.

Капитан Б.Х. Лиддел Харт

Глава 1 Семья, юнОСТЬ

Я появился на свет воскресным утром 17 июня 1888 года в городе Кульм (Хелмно) на берегу Вислы. Мой отец, Фридрих Гудериан, был в то время обер-лейтенантом во ІІ Померанском егерском батальоне. Он родился в 1858 году, 3 августа, в Гросс-Клоне, под Тухелем. Моя мать, в девичестве Клара Киргофф, родилась 26 февраля 1865 года в Немчике, под Кульмом. Оба моих деда были помещиками-землевладельцами. И все мои предки, о которых я смог что-нибудь узнать, были помещиками или адвокатами и жили либо в Варте, либо в Восточной или Западной Пруссии. И только мой отец, единственный из всех близких родственников, был офицером регулярной армии.

2 октября 1890 года родился мой брат Фриц.

В 1891 году мой отец по долгу службы переехал в Кольмар, в Эльзас. Там я пошел в школу, когда мне исполнилось шесть лет, и учился до 1900 года, когда отца перевели в Лотарингию – в Санкт-Авольд. Санкт-Авольд был слишком маленьким городком, и в нем не было средней школы, поэтому родителям пришлось отправить нас в пансион, в другой город. Стесненность нашего отца в средствах и страстное желание его обоих сыновей стать офицерами предопределили выбор учебного заведения – и мы продолжили обучение в кадетском корпусе. 1 апреля 1901 года нас с братом послали в кадетский корпус в Карлеруэ, в Бадене, где я и учился вплоть до 1 апреля 1903 года, когда меня отправили в старший кадетский корпус в Гросс-Лихтерфельд, что под Берлином. А через два года за мной последовал и брат. В феврале 1907 года я сдал итоговые экзамены – райферпрюфунг. До сих пор, когда я вспоминаю своих учителей и наставников тех лет, меня переполняют глубокая благодарность и уважение. Наше обучение в кадетских корпусах было, конечно, по-военному строгим и простым. Но оно строилось на принципах доброты и справедливости. Учебный курс основывался на предметах гражданских школ того времени. Как и в реальной гимназии, большое внимание уделялось языкам, математике и истории. Эти знания очень пригодились нам в жизни, причем они давались нам в том же объеме, что и студентам гражданских учебных заведений.

В феврале 1907 года меня, в ту пору курсанта второго курса — фенриха, распределили в 10-й Ганноверский егерский батальон, располагавшийся в Биче, в Лотарингии. До декабря 1908 года батальоном командовал мой отец. Это был настоящий подарок судьбы, потому что мне снова представилась счастливая возможность пожить в семье своих родителей после шестилетнего обучения в пансионе. Окончив военную школу в Меце (где проходил обучение с апреля по декабрь 1907 года), я был произведен в чин младшего лейтенанта 27 января 1908 года — за выслугой лет, начиная с 22 июня 1906 года.

С этого момента и вплоть до начала Первой мировой войны я наслаждался счастливой жизнью младшего офицера. 1 октября 1909 года наш егерский батальон получил назначение в свой родной район — провинцию Ганновер. Там мы встали гарнизоном в Госларе, в горах Гарц. Именно там я обручился с Маргаритой Гёрне, ставшей моей дорогой женой. Мы поженились 1 октября 1913 года, и с тех пор она была моей постоянной подругой, делила со мной все радости и печали разнообразной и, конечно, нелегкой военной жизни.

Но не успели мы насладиться нашим счастьем, как его грубо оборвала вспыхнувшая 2 августа 1914 года война. И следующие четыре года мне редко выпадала счастливая случайность побыть с семьей.

23 августа 1914 года Бог послал нам сына, Хайнца Гюнтера, а 17 сентября 1918 года – второго сына, Курта. Мой дорогой отец умер в начале войны, через год после тяжелой опе-

рации, которую ему сделали в мае 1913 года и из-за которой ему пришлось оставить службу по состоянию здоровья. Эта смерть унесла человека, который был для меня примером как военной, так и просто человеческой доблести. Мать пережила его на 16 лет. Она ушла из жизни в марте 1931 года, завершив свою жизнь, полную любви и доброты.

В 1918 году, когда было подписано перемирие, я поступил на службу в пограничные войска на востоке, сначала в Силезии, а потом – в Прибалтике. В конце этой книги вы найдете подробный послужной список, с необходимыми комментариями о личной жизни. Из него видно, что до 1922 года я оставался пехотным офицером и выполнял то полевые, то штабные обязанности. Но прикрепление к 3-му телеграфному батальону в Кобленце и работа с радиотехникой в первые месяцы Первой мировой войны дали мне возможность приобрести некоторые знания о системе передачи сигналов, что сослужило мне добрую службу в дальнейшем, когда я стал у истоков создания совершенно нового рода войск.

Глава 2 Становление танковых войск Германии

Весь период от одной войны до другой я был занят созданием бронетанковых войск Германии. Хотя я был егерским офицером (легкая пехота) и технического образования у меня не было, мне пришлось вплотную заняться проблемой моторизации.

Вернувшись из Прибалтики осенью 1919 года, я некоторое время служил в 10-й бригаде рейхсвера в Ганновере. В январе 1920 года мне поручили командование моим родным егерским батальоном в Госларе. В то время я еще не думал о возвращении к работе в Генеральном штабе, которой занимался до января 1920 года. Во-первых, мое возвращение из Прибалтики было обусловлено не самыми приятными обстоятельствами, а во-вторых, в столь маленькой армии, вся численность которой была сокращена до ста тысяч человек, оставалось крайне мало надежд на то, чтобы сделать быструю карьеру. Поэтому я очень удивился, когда осенью 1921 года мой батальонный командир, очень уважаемый мной человек, полковник фон Амсберг, осведомился о моем желании вернуться к работе в Генеральном штабе. Я ответил, что желание такое есть, и больше эта тема не поднималась. Лишь в январе 1922 года мне вдруг позвонил подполковник Йоахим фон Штюльпнагель из Труппенампта (Генерального штаба армии) министерства обороны (РВМ) и спросил, почему я до сих пор не прибыл в Мюнхен. От него я узнал, что меня должны перевести в отделение моторизованного транспорта в инспекторате транспортных войск, поскольку инспектору, генералу фон Чишвицу, потребовался на службу офицер из Генерального штаба. Официально я должен был вступить в эту должность 1 апреля, но было решено, что перед тем, как приступать к штабной работе, мне стоит набраться опыта на полевой работе в автомобильных войсках, для чего меня направили в 7-й (Баварский) моторизованный транспортный батальон в Мюнхене, куда я и должен был отбыть немедленно.

Новая работа заинтересовала меня, и я тут же отправился в путь и прибыл в Мюнхен, к батальонному командиру майору Лутцу. С этим офицером мне предстояло проработать плечом к плечу несколько лет, и этот добрый и отзывчивый человек всегда вызывал у меня чувство глубокого уважения. Мне было предписано остановиться в Мюнхене и записаться в 1-ю роту, которой в то время командовал Виммер, бывший офицер воздушных войск, который впоследствии еще вернется к полетам. Майор Лутц объяснил мне по прибытии, что я буду заниматься в министерстве организацией и эксплуатацией войск моторизованного транспорта. Деятельность, которой я посвятил себя в Мюнхене, стала подготовкой к основной работе в этой области. Майор Лутц и капитан Виммер сделали все, чтобы я узнал как можно больше об особенностях моторизованных войск, и я приобрел много нужных знаний.

1 апреля 1922 года я приехал к генералу фон Чишвицу в Берлин, ожидая получить указания по работе в Генеральном штабе. Он сообщил, что первоначально намеревался поручить мне решение вопросов эксплуатации автомобильных войск. Однако начальник штаба, майор Петтер, отдал иное распоряжение: мне поручили техническое обеспечение ремонтных станций, оснащение запасами топлива, ведение строительных работ и заботу о техническом персонале. Помимо этого в сферу моей деятельности включались дорожные и другие виды сообщения. Я был ошеломлен и ответил генералу, что учился совсем другому, что мне незнакома техническая сторона дела и вряд ли моих знаний хватит, чтобы справляться с обязанностями работы в министерстве. Генерал фон Чишвиц ответил на это, что первоначально хотел поручить мне те обязанности, о которых говорил со мной майор Лутц. Но начальник штаба представил приказ о производстве дел, составленный в императорском военном министерстве Пруссии в 1873 году, – дополненный, разумеется, некоторым количеством исправ-

лений и добавлений. Согласно этому документу, именно начальник штаба, а не инспектор, обладает правом определять круг должностных обязанностей офицеров. Инспектор выразил сожаление по поводу того, что не может повлиять на решение начальника штаба, но обещал, что постарается добиться, чтобы я мог заниматься и тем, к чему изначально готовился. Я подал прошение о возвращении в егерскую роту, но получил отказ.

В общем, я вплотную занялся технической стороной дела, с которой мне предстояло связать свою карьеру. Если не считать нескольких документов, находящихся в состоянии разработки, мой предшественник не оставил ничего достойного внимания. Я мог положиться лишь на нескольких старых сотрудников министерства, которые хорошо знали бумажную сторону дела и весь процесс нашей работы — они помогали мне изо всех сил. Эта деятельность оказалась для меня чрезвычайно полезной с точки зрения обучения — приобретенный на ней опыт в дальнейшем мне очень пригодился. Самым же ценным стало для меня порученное генералом фон Чишвицем изучение вопроса транспортировки войск на автомашинах. В результате этой работы, к которой я приступил сразу же после недолгой практики в Гарце, я впервые узнал о тех возможностях, которые открывало использование моторизованных войск, и смог самостоятельно судить об их особенностях. Генерал фон Чишвиц оказался очень строгим начальником. Он замечал малейшую мою ошибку и придавал огромное значение аккуратности в работе. Работа с ним многому меня научила.

Первая мировая война дала уже множество примеров того, как для переброски войск использовалась моторизованная техника. Передвижения воинских подразделений таким образом осуществлялись чаще всего в тылу, за более или менее фиксированной линией фронта, и никогда – в сторону противника. Теперь же Германия оказалась беззащитной, и было маловероятно, что война будет позиционной, с фиксированной линией фронта. Мы должны были полагаться на мобильную оборону в случае войны. Проблема транспортировки моторизованных войск во время маневренной войны в конечном счете свелась к вопросу о защите транспортных средств. Надежной защитой могли служить только бронированные машины. Поэтому я занялся изучением прецедентов того, какие эксперименты с бронетехникой проводились ранее. Так я сошелся с лейтенантом Фолькхаймом, который собирал и изучал немногочисленные сведения об использовании Германией бронемашин, а также более богатый опыт использования во время войны вражеских танковых частей, который тоже мог пригодиться нашей маленькой армии. Лейтенант предоставил мне достаточно литературы по этому предмету. Теория в этих книгах была разработана слабо, но мне, по крайней мере, было от чего оттолкнуться. Англичане и французы имели более богатый опыт, и именно ими была написана основная часть книг. С этих книг я и начал изучение вопроса.

Я читал в основном книги и статьи англичан — Фуллера, Лиддела Харта и Мартела. Они подогрели мой интерес и дали пищу для размышлений. Авторы, дальновидные солдаты, уже тогда видели в танках нечто большее, чем просто вспомогательные средства для действий пехоты. Они рассматривали танк как элемент стремительной моторизации нашего века, став, таким образом, пионерами нового способа ведения крупномасштабных военных действий.

Из их книг я узнал о концентрации бронетехники в битве при Камбре. Именно Лиддел Харт делал упор на применении бронетанковых войск в наступлениях на большие расстояния, в операциях, направленных на разрушение коммуникаций вражеской армии, и именно он предложил формировать дивизии бронетехники из сочетания танков и бронированных машин пехоты. Находясь глубоко под впечатлением этих идей, я пытался адаптировать их для нашей собственной армии. Поэтому многими идеями, определившими наше дальнейшее развитие, я обязан капитану Лидделу Харту.

Среди слепых и одноглазый – король. Так как больше этой темой не занимался никто, я очень скоро оказался единственным специалистом. Несколько небольших статей, которые я писал в газету «Милитер вохенблат» («Военный еженедельник»), укрепили за мной эту

репутацию. Редактор газеты, генерал фон Альтрок, часто навещал меня и просил писать еще и еще. Это был солдат высшего класса, и он был озабочен тем, чтобы материалы газеты освещали самые современные проблемы.

В ходе этой деятельности я познакомился с Фрицем Хайглем, австрийцем, автором «Справочного пособия по танкам». Я смог предоставить ему некоторую информацию по тактическим вопросам, а он произвел на меня впечатление истинного немца.

Зимой 1923/24 года подполковник фон Браухич, который позже станет главнокомандующим армией, устроил маневры с целью проверки возможностей моторизованных войск в части координации их действий с авиацией; эти упражнения привлекли внимание управления военной подготовки, и в итоге мне предложили должность преподавателя тактики и военной истории. Успешно пройдя тесты, я был отправлен на так называемую «инструкторскую стажировку». В рамках этой стажировки осенью 1924 года я попал в штаб 2-й дивизии в Штеттине (Щецин), которой командовал в то время генерал фон Чишвиц, снова ставший таким образом моим непосредственным командиром.

Однако перед тем, как попасть туда, я нес ответственность, под командованием преемника Чишвица на посту инспектора полковника фон Натцмера, за ряд занятий, как теоретических, так и полевых, целью которых являлось изучение возможностей применения танков, особенно по части разведывательных действий — во взаимодействии с кавалерией. Все, что у нас для этих целей имелось, были «бронетранспортеры пехоты», неуклюжие машины, дозволенные нам по Версальскому мирному договору. Они имели полноприводный двигатель, но ввиду большого веса использовать их на бездорожье было проблематично. Я результатами занятий остался доволен и в своем заключительном слове выразил надежду, что в наших силах превратить моторизованные части из вспомогательных в боевые. Правда, мой инспектор придерживался прямо противоположного мнения, заявив мне: «Какие к черту боевые? Они муку должны возить!» Да, так и было.

Итак, я отправился в Штеттин, чтобы обучать офицеров, которым предстояла штабная работа, тактике и военной истории. Новая должность подразумевала массу работы; аудитория была такая, что палец в рот не клади, поэтому все занятия надо было продумывать очень тщательно, принимая только взвешенные решения, а материал лекций должен был быть четким и ясным. Что касается военной истории, то я особое внимание уделял наполеоновской кампании 1806 года, которая в Германии незаслуженно игнорируется, несомненно, только из-за того болезненного поражения немцев, которым она завершилась; однако что касается командования войсками в условиях мобильной войны, это была очень поучительная кампания. Затрагивал я также и историю немецкой и французской кавалерии осенью 1914 года. Это тщательное изучение кавалерийской тактики 1914-го впоследствии оказалось полезным для развития моих теорий, в которых большое внимание уделялось тактическому и оперативному аспектам перемещений.

Поскольку я часто имел возможность выносить свои идеи на тактические учения и военные игры, мой непосредственный командир, майор Хёринг, упомянул об этом в моей характеристике. В результате после трех лет работы инструктором меня перевели обратно в военное министерство, в транспортное управление Труппенампта, под командование полковника Хальма, позже – подполковников Вегера и Кюне, являвшееся на тот момент частью оперативного управления. Моя должность была новой: я отвечал за перевозку солдат грузовиками. В общем, это и были все возможности наших военных машин на тот период. Мои работы над темой вскоре вскрыли ряд проблем, возникающих при такого рода транспортировке. Да, действительно, французы, особенно во время Первой мировой войны, достигли на этом поприще больших успехов, например в Вердене, но они при этом осуществляли переброску войск за линией более или менее статичного фронта, когда не требовалась одновременная переброска всей дивизии, включая конный транспорт и в первую очередь артил-

лерию. А в условиях мобильной войны, когда на грузовики пришлось бы грузить все имущество дивизии, включая артиллерию, их потребовалось бы огромное количество. На эту тему вспыхивало немало жарких споров, и скептиков было больше, чем тех, кто верил в разумное рабочее решение.

Осенью 1928-го ко мне подошел полковник Штоттмайстер из учебного отдела моторизованных войск с просьбой прочесть его людям что-нибудь по танковой тактике. Мое начальство не возражало против такой дополнительной нагрузки. И я вернулся к своим танкам, пусть и в чисто теоретическом аспекте. Мне очень не хватало практического опыта обращения с танками; на тот момент я еще ни одного танка не видел изнутри. А теперь вот мне приходилось учить. Это в первую очередь требовало от меня тщательной подготовки и подробного изучения доступных материалов. Литература о последней войне была теперь доступна в огромных количествах, а в иностранных армиях материал ее был уже достаточно разработан и отражен в соответствующих руководствах¹. Это облегчило мне изучение теории танкового дела по сравнению с тем временем, когда я впервые попал в военное министерство. Что же касается практики, то полагаться приходилось в первую очередь на учебные упражнения с макетами. Сначала это были тряпичные макеты на каркасах, которые переносили пешие солдаты, но теперь это были уже макеты на колесах, с мотором, из листового металла. Так мы смогли проводить учения с макетами, спасибо подполковникам Бушу и Лизе и III (Шпандаускому) батальону 9-го пехотного полка, которым они командовали. Именно на таких учениях я и познакомился с человеком, с которым впоследствии мне предстояло очень тесно сотрудничать, – с Венком, который был тогда адъютантом III батальона 9-го пехотного полка. Мы приступили к систематической работе по изучению возможностей танка как отдельно действующей машины, возможностей танкового взвода, роты и батальона.

Как бы ограниченны ни были наши возможности практического обучения, но мы все равно получали все более ясное представление о роли танка в современной войне. Особенно меня порадовала возможность съездить на четыре недели в Швецию и увидеть там в действии последний немецкий танк, «LK-II», и даже самому поуправлять им. (Немецкий танк «LK-II» производился в конце Первой мировой войны, но на фронт до конца войны попасть не успел. Его по частям продали в Швецию, где из этих частей и был собран в 1918 году первый шведский танк.)

В Швецию мы с женой ехали через Данию, где провели несколько захватывающих дней в Копенгагене и его прекрасных окрестностях. Большое впечатление на нас произвела красота скульптур Торвальдсена. А стоя на террасе в Эльсиноре, мы не могли не вспомнить гамлетовское «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!». Мы стояли на террасе, солнце золотило окрестности и рождало зеленоватый отсвет на бронзовых стволах старинных пушек. А призрак так и не появился.

Отчалив от Мотала на корабле, мы пересекли канал Гота и шведские озера. Вечером мы сошли с палубы, чтобы осмотреть красивый древний монастырь Врета Чирка. На следующий день нас встречала гордая архитектура Северной Венеции – Стокгольма.

Я был откомандирован в Стриджсваньский батальон. II батальон гвардейцев Гота, командир которого, полковник Бурен, был чрезвычайно дружелюбен. Я попал в роту капитана Клингспора, офицера, с которым у меня вскоре завязалась тесная дружба, продолжавшаяся до самой его смерти. Все шведские офицеры, с которыми я познакомился, относились к немецким гостям открыто и дружелюбно. Похоже, от нас ожидали, что их гостеприимство

¹ Английское учебное пособие того времени по бронированным боевым машинам было переведено на немецкий и много лет служило теоретическим руководством для развития наших идей.

мы воспримем как должное. На полевых учениях нас всегда самым дружеским образом приглашали на постой.

С удовольствием и благодарностью я всегда буду вспоминать то приятное и полезное время, которое мне посчастливилось провести в Швеции.

В это же время, в 1929 году, я пришел к убеждению, что, действуя сами по себе или совместно с пехотой, танки никогда не приобретут решающего значения. Изучение военной истории, проводимые в это время в Англии учения и наши собственные тренировки с муляжами убедили меня, что танки не смогут в полной мере проявить всех своих достоинств, пока той же скоростью и проходимостью не начнут обладать и другие виды оружия, на поддержку которых танки могли бы полагаться. Танки играли бы в этих соединениях главную роль, а все прочие подчинялись бы их требованиям. Включать танки в пехотные дивизии было бы неправильно; требовалось создание бронетанковых дивизий, в которые входили бы и все вспомогательные части, необходимые для полноценного действия танков.

Во время летних учений без войск в 1929 году одно из упражнений я провел на тему применения такой воображаемой бронетанковой дивизии. Упражнение было выполнено успешно, я убедился, что стою на верном пути. Однако инспектор транспортных войск — в ту пору это был генерал Отто фон Штюльпнагель — запретил мне теоретизировать на тему бронетанковых соединений крупнее полка. По его мнению, танковые дивизии — это утопия.

Осенью 1929 года начальник штаба инспекции моторизованных войск, мой старый друг по Мюнхену полковник Лутц спросил, не хочу ли я стать командиром моторизованного батальона. Я согласился и 1 февраля 1931 года получил под командование 3-й Прусский моторизованный батальон в Берлин-Ланквитце. Этот батальон состоял из четырех рот: 1-я и 4-я находились там же, где и штаб батальона – в Берлин-Ланквитце, 2-я – в учебном округе Дёбериц — Эльсгрунд, а 3-я — на Нейссе (Ниса). 4-я рота была сформирована на базе эскадрона 3-го конно-транспортного батальона. Как только я заступил на должность, полковник Лутц помог мне с переоснащением: 1-я рота получила разведывательные бронеавтомобили, а 4-я — мотоциклы, так что вместе они составили ядро разведывательного батальона бронетехники. 2-я рота получила муляжи танков, а 3-я, на Нейссе, была реорганизована в противотанковую, причем в роли вооружения на этот раз снова выступали муляжи — деревянные орудия. 1-я рота обладала настоящими старыми бронемашинами, дозволенными нам по условиям Версальского договора, но во избежание износа на учениях мы использовали муляжи. Только мотоциклетная рота пользовалась реальной техникой и была вооружена пулеметами.

Вот с таким импровизированным подразделением я и занялся полевыми упражнениями. Я был рад действовать самостоятельно, пусть даже и командуя столь малым соединением. И солдаты и офицеры с энтузиазмом отнеслись к своим новым задачам — несомненно, это внесло приятное разнообразие в их жизнь после ежедневной монотонной службы по снабжению стотысячной армии. А вот мое руководство таким энтузиазмом не пылало. Инспектор транспортных войск настолько не верил в возможности нового соединения, что запретил нам проводить совместные учения с другими размещенными поблизости батальонами. На маневрах 3-й дивизии, в которую мы входили, нам не разрешалось действовать подразделениями более взвода. Единственным исключением был командир 3-й дивизии генерал Йоахим фон Штюльпнагель, который несколько лет назад звонил мне по поводу перевода меня в Мюнхен. Этого выдающегося офицера интересовали наши занятия, и он был к нам расположен. Он нам во многом помог. По окончании учений он настаивал на том, чтобы критика наших действий была конструктивной. К сожалению, весной 1931-го генерал Йоахим фон Штюльпнагель по собственной воле ушел в отставку из-за разногласий с военным министерством.

Той же весной нас покинул и наш инспектор, генерал Отто фон Штюльпнагель. На прощание он сказал мне:

– Вы слишком спешите. Поверьте, нам с вами немецких танков в действии не увидеть. Он был умный человек, но слишком уж скептически настроенный. Он мог разглядеть проблему, но оказался не способен найти отправную точку, чтобы ее решить.

Его сменил бывший начальник его штаба генерал Лутц. Это тоже был умный человек с хорошим знанием тактики и блестящими организаторскими способностями. Он признал преимущества тех тактических новшеств, которые я отстаивал, и всецело встал на мою сторону. Он назначил меня начальником своего штаба, и осенью 1931-го я вступил в новую должность. За этим последовали годы тяжкой работы, иногда в стрессовых условиях, но годы эти оказались чрезвычайно плодотворными. Именно в эти годы появились наши бронетанковые войска.

Мы были абсолютно убеждены, что развивать бронетанковые войска следует в направлении создания из них решающего оружия. Соответственно, они должны составлять бронетанковые дивизии, а впоследствии и бронетанковые корпуса. Теперь проблема заключалась в том, чтобы убедить в верности нашего пути представителей других родов войск и главнокомандующего армией. Это было трудно, поскольку никто не верил, что моторизованные войска — которые выполняли служебные функции, и не более того! — способны играть серьезную роль в тактическом и даже оперативном отношении. Более старые рода войск, особенно пехота и кавалерия, оценивались как самые важные составляющие армии. Пехота все еще считалась «царицей полей». Нашей стотысячной армии не позволено было иметь танков, поэтому никто этого вида оружия, о котором было столько разговоров, не видел. А когда мы появились на маневрах со своими муляжами, они произвели на опытных бойцов столь убогое впечатление, что нас просто жалели и не принимали всерьез. В результате наши танки готовы были принять лишь как элемент поддержки пехоты, а не как новый полноценный род войск.

Основным нашим противником выступала инспекция кавалерии. Мой генерал осведомился, каким кавалеристы видят свое будущее — в роли разведывательных войск для других частей или в роли тяжелой кавалерии, сражающейся самостоятельно. Инспектор кавалерии, генерал фон Хиршберг, ответил, что планирует организацию тяжелой кавалерии. А вот оперативную разведку он явно хотел перепоручить моторизованным войскам. Поэтому для выполнения именно этой задачи мы и стали тренировать наш разведывательный бронетанковый батальон. А параллельно с этим мы боролись за создание танковых дивизий. В конце концов мы потребовали создания противотанкового батальона в каждой из пехотных дивизий, исходя из того, что если будет создаваться противотанковое оружие, то ему придется не уступать танкам в скорости и мобильности.

Однако генерала фон Хиршберга сменил генерал Кнохенхауэр, в прошлом пехотинец, и он явно не считал те уступки, на которые пошел по отношению к нам его предшественник, неисправимым шагом. Он создал кавалерийский корпус из трех кавалерийских дивизий стотысячной армии и попытался вернуть ведение оперативной разведки в сферу компетенции кавалерии, прибрав при этом к рукам наши технические нововведения. В ходе этого в наши подразделения должно было внедриться множество кавалерийских офицеров. Споры между нами иногда доходили до точки кипения. Но в конце концов новаторы победили реакционеров, двигатель внутреннего сгорания – лошадь, а пушка – пику.

Не меньшую важность представляла собой проблема материального оснащения, что позволило бы сменить теорию на практику. С технической стороны была проведена большая подготовительная работа. Начиная с 1926 года за рубежом существовал испытательный полигон, где можно было испытывать новые немецкие танки. Управление по делам вооружений армии заключило контракты с различными фирмами на производство двух типов сред-

них и трех типов легких танков по тогдашней классификации. Было произведено по два образца каждого типа, так что всего мы имели десять танков. Средние танки имели в качестве вооружения 75-миллиметровые орудия, легкие — 37-миллиметровые. Эти образцы были выполнены не из броневого листа, а из малоуглеродистой стали. Максимальная скорость этих машин составляла 20 километров в час.

Ответственный за производство танков офицер, капитан Пирнер, немало вытерпел, чтобы добиться соответствия этих новых моделей современным требованиям, таким, как газонепроницаемость, эффективность работы двигателя, возможность кругового обстрела как для орудия в башне, так и для пулеметов, достаточно высокая посадка и хорошая маневренность. И в этом он по большей части преуспел. С другой стороны, плохо было то, что командиру танка приходилось сидеть рядом с водителем, откуда он не имел обзора назад, да и по бокам обзор частично закрывали передние траки: сиденье было расположено слишком низко. Радиосвязи тогда еще не было. В общем, хотя, с одной стороны, танки, построенные в 20-х годах, сильно отличались по техническим характеристикам от используемых в Первую мировую, но пока еще не соответствовали тактическим требованиям, предъявляемым к танкам для успешного выполнения предназначенной для них роли. Поэтому было нецелесообразно начинать массовое производство существовавших на тот момент моделей; требовалась разработка новых.

По нашему мнению, для оснащения танковых дивизий нам нужны были танки двух типов: легкие танки с бронебойной пушкой и двумя пулеметами, одним в башне и одним в корпусе, и средние танки с орудием большого калибра и двумя пулеметами, такими, как у легких танков. Легкие танки составляли бы три роты танкового батальона; средние – одну роту и выполняли бы двойную роль: поддержки легких танков в бою и расстреливания целей, находящихся вне досягаемости орудий легких танков. По поводу калибра орудий мы расходились во мнениях и с начальником управления по делам вооружений армии, и с инспектором артиллерии. И тот и другой считали, что 37-миллиметрового орудия вполне достаточно для легких танков, а я хотел, чтобы они укомплектовывались хотя бы 50-миллиметровым, потому что в ближайшем будущем можно было ожидать появления более тяжелой бронезащиты у иностранных танков. Однако, поскольку пехота уже укомплектовывалась 37-миллиметровыми противотанковыми орудиями, а выпускать два типа противотанковых орудий и снарядов было бы нежелательно с производственной точки зрения, нам с генералом Лутцем пришлось уступить. Для средних танков сошлись на 75-миллиметровом орудии. Полный вес этого танка не должен был превышать двадцати четырех тонн. Фактором ограничения в данном случае служила грузоподъемность мостов в Германии. Скорость, заложенная в технических характеристиках, составляла 40 километров в час. Экипаж танков обоих типов состоял из пяти человек: стрелок, заряжающий и командир – в башне (причем командир должен был сидеть над стрелком и иметь специальную командирскую башенку с круговым обзором), водитель и радист – в корпусе танка. Отдача команд экипажу должна была осуществляться посредством ларингофона. Планировалось также обеспечение радиосвязи между танками на ходу. Если сравнить эти требования с теми предыдущими, в соответствии с которыми были созданы вышеописанные модели, становится ясно, что необходимость этих серьезных конструктивных перемен была вызвана новым осмыслением тактической и оперативной роли танков.

Выдвигая эти долгосрочные планы, мы прекрасно понимали, что на то, чтобы получить боеспособные танки, потребуются годы. А пока нам нужен был учебный танк. Для этой цели нам послужили закупленные в Англии шасси «Карден-Ллойд», изначально предназначенные для установки на них 20-миллиметрового зенитного орудия. На башню, которую могла выдержать эта машина, ничего тяжелее пулемета установить нельзя было. Но зато уже в 1934 году мы имели бы готовый танк, хотя бы для того, чтобы было на чем тренироваться,

пока не появятся настоящие танки. Поэтому был отдан приказ о поточном производстве этих машин, получивших название «Т-I». Никто и не думал в 1932 году, что когда-нибудь нам придется воевать силами этих маленьких учебных танков.

Трудности с производством основных типов танков, которые мы заказали, затянулись дольше, чем мы на то рассчитывали. В конце концов генерал Лутц согласился на промежуточный вариант — танк «Т-П» с 20-миллиметровой пушкой и одним пулеметом, производства компании «МАN».

Летом 1932 года генерал Лутц впервые организовал учения с участием как усиленных пехотных полков, так и танковых батальонов (укомплектованных конечно же муляжами) в учебных округах Графенвёр и Ютербог. Впервые после подписания Версальского договора на маневрах того года появились немецкие разведывательные бронеавтомобили, построенные, согласно нашим спецификациям, из стального броневого листа на шасси от трехосного грузовика. Школьников, привыкших уже протыкать брезентовые стенки наших макетов карандашами, чтобы посмотреть, что там внутри, на этот раз постигло разочарование, впрочем, как и пехотинцев, которые для обороны от наших предыдущих «танков» уже наловчились использовать палки и камни, а теперь почувствовали на себе, как презираемые ими машины вытесняют их с поля боя. Против бронированных машин бессильными оказались даже штыки.

Эти маневры стали испытанием готовности бронированных и моторизованных частей к оперативным действиям. Со стороны кавалеристов было много необоснованной критики, но в целом наш успех был столь очевиден, что ей не придали значения. Да и среди кавалеристов многие из тех, кто помоложе и подальновиднее, стали проявлять интерес к нашему нововведению и принимать нашу сторону, понимая, что в наше время старые добрые принципы ведения кавалерийских сражений применимы лишь в том случае, если кавалерия примет новое вооружение и новые методики.

Маневры 1932 года оказались последними, на которых присутствовал престарелый фельдмаршал фон Гинденбург. На окончательном разборе он произнес короткую речь, и я был поражен той точностью, с которой старик указал на все совершенные ошибки. Когда речь зашла о кавалерийском корпусе, Гинденбург сказал так:

 На войне побеждает простота. Я был в штабе кавалерийского корпуса – простотой там и не пахнет.

И он был совершенно прав.

В 1933 году Гитлер стал канцлером, и в политике рейха, как внешней, так и внутренней, наступили перемены. Впервые я увидел и услышал Гитлера на открытии Берлинской автомобильной выставки в начале февраля. Странно было, что канцлер лично открывал выставку. И слова его шокировали непохожестью на привычные речи министров и канцлеров по подобным поводам. Он объявил об отмене налога на автомобили, говорил о новых автострадах и о «фольксвагене» – будущем дешевом массовом «народном автомобиле».

Назначение военным министром генерала фон Бломберга, а начальником министерского управления генерала фон Рейхенау тотчас же сказалось на моей работе. Оба этих генерала благоволили нововведениям, так что идея создания бронетанковых сил была встречена с симпатией, по крайней мере в высших кругах вермахта. Кроме того, вскоре стало ясно, что и самого Гитлера интересуют вопросы моторизации и бронетехники. Первое тому подтверждение я получил в Куммерсдорфе, где проводилось собрание под эгидой управления по делам вооружений армии с целью продемонстрировать новинки вооружения; мне предоставили полчаса для описания канцлеру положения дел с моторизованными частями. Я показал мотоциклетный взвод, противотанковый взвод, экспериментальный на то время взвод танков «Т-I» и по одному взводу легких и тяжелых бронеавтомобилей разведки. На Гитлера

скорость и точность передвижения наших частей произвели большое впечатление, и он все повторял: «Вот что мне нужно!» По итогам этой демонстрации я был убежден, что глава правительства одобрит мои предложения по организации современного вермахта, если мне только дадут возможность изложить ему свои взгляды. Препятствовали этому главным образом жесткость армейских протоколов и противодействие высших армейских чинов — стоявших между мной и Бломбергом офицеров Генерального штаба.

Кстати, о немецких политиках: примечательно, что последним канцлером, у которого имелось достаточно интереса к вопросам развития военной техники, чтобы приехать в Куммерсдорф, был князь Бисмарк в 1890 году. С тех пор до Гитлера ни один канцлер вообще не появлялся здесь. Это подтвердили и записи в книге посетителей управления по делам вооружений армии, когда глава управления, генерал Бекер, попросил Гитлера расписаться в ней. Да, «милитаристской» политика Германии явно не была.

21 марта 1933 года рейхстаг открылся церковной службой в Потсдамской гарнизонной церкви.

23 марта за службой последовал знаменитый Акт о власти, принятый с одобрения Национального фронта и Партии Центра, по которому новый канцлер получал все права диктатора. С похвальной храбростью депутаты от социал-демократов голосовали против; не многие понимали тогда, какие несчастья принесет впоследствии этот акт. На тех же, кто голосовал за Акт о власти, лежит полная ответственность за все, что произошло впоследствии.

Летом 1933-го глава моторизованного корпуса национал-социалистов Адольф Хюнлейн пригласил меня на праздничную встречу лидеров его организации, на которой ожидался сам Адольф Гитлер. Мне показалось интересным увидеть Гитлера в кругу поклонников. Поскольку сам Хюнлейн был достойным человеком, с которым легко было работать, я принял его приглашение. Гитлер произнес речь об истории революций, блеснув при этом неплохим знанием истории, и в своей речи, длившейся несколько часов, наглядно показал, что каждая революция, по достижении своих целей и прошествии времени, должна смениться процессом эволюции. Именно сейчас, утверждал он, и настал такой момент для революции национал-социалистов. Он призвал своих последователей иметь это в виду. Оставалось только надеяться, что его указания будут приняты к выполнению.

Процесс создания бронетанковых войск уже пошел, и за 1933 год был достигнут значительный прогресс. Экспериментальные и тренировочные учения с муляжами в большой степени прояснили вопросы взаимодействия между различными видами вооружений и укрепили меня в убеждении, что танки только в том случае смогут полностью выполнить свою роль в современной армии, если их рассматривать как часть главного оружия и снабдить полной поддержкой вспомогательных моторизованных частей.

Если тактическое развитие было налицо, то ситуация с техническим оснащением беспокоила все больше. Одним из последствий нашего разоружения по Версальскому договору стал тот факт, что наша промышленность вот уже много лет не производила военной продукции; в результате не хватало не только опытных рабочих, но и производственного оборудования, чтобы воплотить наши намерения. Особенно большой проблемой было производство достаточно прочного броневого листа. Те, что были выпущены, сразу разлетались, как стекло.

Немало времени заняло и выполнение наших требований по части радиосвязи и оптики – надо признать, самых технически сложных областей. Однако я никогда не пожалею об усилиях, затраченных на то, чтобы обеспечить нашим танкам качественный визуальный обзор и радиосвязь. В отношении последней мы до конца превосходили противника, и это в некоторой степени компенсировало наше отставание по другим аспектам.

Осенью 1933 года командующим сухопутными войсками был назначен генерал барон фон Фрич. Во главе армии встал человек, которому полностью доверял офицерский корпус. Это был человек благородной, рыцарской души и вместе с тем умный, осторожный солдат с основательными тактическими и оперативными взглядами. Он не очень хорошо разбирался в технике, но всегда был готов без предрассудков воспринимать свежие идеи и принимать их, если они казались ему правильными. В результате мне было легче обсуждать с ним вопросы развития бронетанковых войск, нежели с кем-либо еще из Верховного командования армии. В бытность начальником 1-го управления Труппенамта стотысячной армии, он уже проявлял интерес к бронетехнике и моторизации и посвятил некоторое время изучению танковых дивизий. На той высокой должности, которую он занимал теперь, он продолжал выказывать не меньшую заинтересованность в нашем деле. Вот показательный эпизод, говорящий о его манере вести дела. Я изложил ему некоторые технические проблемы производства танков. Он недоверчиво сказал мне:

– Вы ведь должны знать, что техники всегда врут.

Я ответил:

– Вполне возможно, но, когда они врут, это обнаруживается уже через год-два – после провала попыток реализовать их идеи. А тактики тоже врут, только вот их ложь обнаруживается после поражения в войне, когда уже слишком поздно.

Фрич покрутил в руках монокль, как он это часто делал, и ответил:

– Может быть, вы и правы...

На больших собраниях он был чрезвычайно сдержан и даже застенчив, но, будучи среди друзей, которым он полностью доверял, Фрич был открыт и доступен. У него было замечательное чувство юмора, когда он того хотел, и очаровательная манера поведения.

Вот новый начальник Генерального штаба, генерал Бек, был куда более трудной для общения личностью. Это был благородный человек, спокойный, даже чересчур спокойный по характеру, рассудительный офицер старой школы, ученик Мольтке. Именно по инициативе Бека и с одобрения Мольтке в новой армии Третьего рейха был возрожден Генеральный штаб. Технических требований современности он не понимал. А поскольку на наиболее важные должности в Генеральном штабе он неизбежно отбирал людей со схожими взглядами, а в свое близкое окружение – тем более, то со временем, сам того не желая, он воздвиг реакционный барьер в самом сердце армии, преодолеть который оказалось крайне сложно. Он не одобрял планов создания бронетанковых войск, считая, что танки должны использоваться в первую очередь для поддержки пехоты, и соглашался на создание танковых подразделений не крупнее бригады. В формировании танковых дивизий он заинтересован не был.

Мне пришлось долго воевать с генералом Беком, прежде чем он согласился учредить бронетанковые дивизии и издать печатные учебные пособия для танковых войск. В конце концов он дошел даже до того, что согласился на создание двух танковых дивизий, хотя я к тому времени настаивал уже на трех. Я описал ему преимущества этих новых соединений в самых радужных тонах, особенно их оперативную ценность. На это он ответил: «Нет, не хочу иметь с вами никакого дела. Вы для меня слишком шустрые». Когда же я объяснил ему, что радиосвязь позволяет командовать войсками при любой скорости их продвижения, он мне не поверил. В наших учебных пособиях неоднократно подчеркивалось, что командиры подразделений должны находиться как можно ближе к месту боев. Ему это тоже не нравилось. «Невозможно командовать, не имея карт и телефона. Вы что, никогда Шлиффена не читали?» То, что даже командир дивизии должен находиться по возможности впереди, едва не сталкиваясь с неприятелем, было для него уж чересчур.

Даже если забыть про все связанное с танковыми войсками, Бек тормозил решение всех военных и политических вопросов. Его участие парализовывало любое дело. Он всегда предвидел все трудности и требовал времени на обдумывание. Показательна в этом смысле

придуманная им тактика «сдерживающей обороны». О «сдерживающем бое» мы что-то читали в учебниках еще перед Первой мировой; в стотысячной же армии принцип «сдерживающей обороны» стал главенствующим. «Сдерживающая оборона» Бека изучалась в обязательном порядке всеми подразделениями вплоть до стрелковых. Это был поразительно бестолковый способ ведения боя, и случаев, когда он приносил бы успех, мне не встречалось. После создания бронетанковых дивизий Фрич устранил всю эту концепцию.

Весной 1934 года был учрежден командный штаб моторизованных войск; начальником службы был назначен генерал Лутц, а я взялся за обязанности начальника его штаба. Кроме того, Лутц продолжал оставаться инспектором моторизованных войск, а также начальником 6-го оружейного управления общеармейской службы министерства обороны (Waffenabteilung In 6 im Allgemeinen Heeresamt dew RWM).

В это время Гитлер нанес свой первый визит Муссолини, в Венецию, и результаты были явно неудовлетворительными. По возвращении он выступил перед собранием генералов, лидеров партии и СА² в Берлине. Лидеры СА отреагировали на его речь довольно холодно. Уходя, я слышал фразы типа «Адольфу надо от этого отучаться». Таким образом я, к собственному изумлению, обнаружил, что внутри партии существуют свои глубокие разногласия. 30 июня эта загадка разрешилась. Начальник штаба СА Рём и многие другие лидеры СА были убиты, а с ними заодно – еще множество мужчин и женщин, не имевших с СА ничего общего, чьим единственным преступлением, насколько мне известно, было оппозиционное отношение к партии. Среди убитых были бывший министр обороны и канцлер, генерал фон Шлейхер, его жена и его друг и коллега генерал фон Бредов. Попытки открытого оправдания убитых генералов результатов не дали. Лишь старик фельдмаршал фон Макензен объявил в 1935-м на Шлиффеновском ужине (ежегодной встрече действующих и бывших офицеров Генерального штаба), что честь обоих была незапятнанной. Заявления Гитлера в рейхстаге по поводу произошедшего были явно недостаточными. Надеялись на то, что партия скоро выйдет из периода «болезней роста». Сейчас, задним числом, остается только пожалеть, что руководство армии не потребовало полного удовлетворения. Если бы они это сделали, то оказали бы огромную услугу не только себе, но и всем вооруженным силам и всему немецкому народу.

2 августа 1934 года Германия понесла тяжелую утрату. Умер фельдмаршал Гинденбург, покинув свой народ в разгар внутренней революции, последствий которой тогда никто не мог предугадать. Я в тот день писал жене:

«Старика больше нет. Мы все опечалены этой непоправимой утратой. Он был отцом для всей страны, а для вооруженных сил – в особенности, и нам предстоит нелегкий и долгий период, пока не заполнится эта брешь в жизни нашей страны. Само его присутствие значило для иностранных держав больше, чем любые письменные договоренности и красивые слова. Мир верил ему. Все мы, любившие и уважавшие Гинденбурга, много потеряли с его смертью.

Завтра нам предстоит присягать Гитлеру. Нелегкие последствия может иметь эта присяга! Дай Бог, чтобы она в равной степени обязала обе стороны служить благу Германии. Армия привыкла хранить верность своим клятвам. Да удастся же ей и в этот раз сдержать свое слово! [...] Сейчас требуется честно и много работать, соблюдая умеренность в словах».

Эти слова, написанные 2 августа 1934 года, выражают не только мое мнение, но и мнение множества моих товарищей и большой части всего немецкого народа.

7 августа 1934 года немецкие солдаты принесли гроб с телом бессмертного фельдмаршала и президента на кладбище Танненберга. Прозвенели прощальные слова Гитлера: «Павший воин! Вальхалла принимает тебя!»

² SA – Sturmabteilungen, штурмовики нацистской партии.

Уже 1 августа на основании Акта о власти канцлер и его кабинет объявили, что в случае смерти Гинденбурга администрация президента сольется с администрацией канцлера. В результате 2 августа Гитлер стал одновременно и главой государства, и главнокомандующим вооруженными силами. Поскольку поста канцлера он не терял, то вся власть объединилась в его руках. Так началась не ограниченная ничем диктатура.

Упорно проработав в течение всей зимы, в марте 1935-го мы узнали, что Германия вновь обрела право на военное самоопределение. Эта новость, означавшая отмену унизительных положений Версальского договора, обрадовала каждого солдата. День памяти героев в тот год начался с парада представителей всех родов войск в присутствии фельдмаршала фон Макензена, и там впервые появилось несколько батальонов новоявленных бронетанковых войск, правда, без танков, поскольку парад был пеший. При подготовке к параду участие в нем танкистов было под вопросом, поскольку, по словам ответственного офицера, «у них карабины короткие, они не смогут правильно взять на караул». Несмотря на этот вопиющий недостаток наших солдат, я все же смог добиться их участия в церемонии.

16 марта того же года меня пригласил к себе на званый вечер английский военный атташе. Незадолго до выхода из дома я включил радио и услышал трансляцию правительственного сообщения. Это был указ о введении снова всеобщей воинской повинности в Германии. Беседа моя в тот вечер с английским другом и его шведским коллегой выдалась особенно оживленной. Оба этих господина с пониманием отнеслись к тому удовлетворению, с которым я воспринял эти прекрасные для немецкой армии новости.

Теоретически целью нашего ускоренного вооружения было достижение паритета с тяжеловооруженными соседями. Практически же — по крайней мере, что касается танковых частей — о том, чтобы даже приблизиться к их уровню, пока и речи быть не могло, ни по количественным, ни по качественным показателям. Поэтому компенсировать эту слабость нам приходилось превосходством в организации и управлении. В частности, мы рассчитывали, что нашу малочисленность компенсирует концентрация всех небольших пока сил в крупные соединения, скажем, в дивизии, и объединение этих соединений в танковый корпус.

Прежде всего предстояло убедить свое военное начальство, что предлагаемое нами не только осуществимо, но и достойно осуществления. С этой целью командование моторизованных войск, учрежденное в июне 1934-го, с генералом Лутцем во главе, устроило четырехнедельные учения импровизированно собранной из имеющихся соединений танковой дивизии.

Учения должны были состояться летом 1935-го. Командиром этой учебной дивизии должен был стать генерал барон фон Вейхс. Дивизии предстояло собраться в тренировочном округе Мюнстер-Лагер и проводить систематические тренировочные занятия в четырех различных тактических ролях. На этот раз мы намеревались не обучать командиров подчиненных соединений решать собственные тактические задачи, а просто показать, что перемещение и боевое применение крупных танковых частей, вместе с сопутствующим оружием, возможно в принципе. Генералы фон Бломберг и барон фон Фрич с большим интересом следили за ходом этих учений. Гитлера, которого генерал Лутц тоже приглашал поприсутствовать на учениях, удержало пассивное сопротивление его военного адъютанта.

Результаты как самих учений, так и произведенного ими впечатления оказались весьма удовлетворительными. Когда желтый шар, знаменующий окончание учений, взмыл в небеса, подполковник фон Фрич шутливо заметил: «Не хватает одной детали. Надо было на шаре написать «Танки Гудериана лучше всех!». Генерал Лутц был назначен командующим новоучрежденным командованием бронетанковых войск. Мы думали, что наше командование получит те же права, что и верховные командования других родов войск, но этого не дал сделать начальник штаба армии генерал Бек.

15 октября 1935 года были сформированы три танковые дивизии:

- 1-я бронетанковая дивизия в Веймаре под командованием генерала барона фон Вейхса;
- 2-я бронетанковая дивизия в Вюрцбурге под командованием полковника Гудериана;
- 3-я бронетанковая дивизия в Берлине под командованием генерала Фессмана.

Более подробно об организации танковых дивизий в 1935 году см. приложение 24.

В начале октября я уехал из Берлина, сменив положение в центре событий на практику войсковой службы. Я знал, что оставляю командование бронетанковых войск в надежных руках генерала Лутца. Однако можно было с уверенностью заявить, что противодействие со стороны определенных лиц Генерального штаба будет возрастать и неизвестно, справится ли с этим давлением мой преемник на посту начальника штаба³. Оставались сомнения и насчет того, сможет ли инспекция бронетанковых войск в Верховном командовании сухопутных войск (ОКХ), на котором теперь лежала ответственность за отстаивание наших интересов перед начальником Общего управления ОКХ, и дальше держаться выбранной линии. В обоих случаях произошло именно то, чего я боялся. Начальник Генерального штаба восторжествовал, и стали вместо дивизий формировать танковые бригады с целью обеспечения непосредственной поддержки пехоты. Уже в 1936 году с этой целью была создана 4я танковая бригада. Кроме этого, препятствием на пути дальнейшего формирования танковых дивизий стало создание под давлением со стороны кавалерии, стремившейся сохранить управление и танковыми частями, трех так называемых «легких» дивизий, каждая из которых состояла из двух мотострелковых полков, разведывательного полка, артиллерийского полка, танкового батальона и массы вспомогательных подразделений.

Помимо «легких» дивизий были сформированы также и четыре мотопехотные дивизии – это были обычные пехотные дивизии, только полностью моторизованные, для чего потребовалось большое количество автотранспорта. Так появились XIV армейский корпус мотопехотных дивизий и XV армейский корпус «легких» дивизий, а бронетанковые войска преобразовались в XVI армейский корпус, состоящий из трех танковых дивизий. Все эти три корпуса в итоге были объединены в 4-ю командную группу под командованием генерала фон Браухича, на которого и легла ответственность за их дальнейшее развитие.

Представители различных ветвей рода войск получили собственные цвета, которые использовались для окантовки погон и т. д. До сих пор для всех бронетанковых войск этот цвет был единым — розовым, теперь розовый цвет остался только цветом танковых полков и противотанковых батальонов. Цвет разведывательных батальонов бронетехники сменили сперва на желтый, а затем на коричневый; солдаты стрелковых полков и мотострелки бронетанковых дивизий получили зеленый цвет; полки кавалерийских стрелков «легких» дивизий продолжали носить кавалерийский желтый, а бойцы мотопехотных полков — пехотный белый. Естественно, что это привело к увеличению трений с пехотной и кавалерийской инспекциями.

Я глубоко сожалел о таком разбросе наших моторизованных и бронетанковых войск, но в тот момент ничего не мог сделать, чтобы предотвратить подобное развитие событий. Лишь позже можно было частично исправить нанесенный этим вред.

Ограниченность наших ресурсов в сфере моторизации еще больше усугублялась различными организационными ошибками других родов войск. К примеру, начальник общевойсковой службы генерал Фромм издал приказ, что все четырнадцать противотанковых рот всех пехотных полков должны быть моторизованы. Когда я попытался объяснить, что эти роты, которым приходится взаимодействовать с пешими солдатами, лучше оставались бы со своей конной тягой, он ответил: «Солдатам тоже надо предоставить машины». Моя просьба

³ Преемником этим стал полковник (позже фельдмаршал) Паулюс, командовавший немецкими войсками под Сталинградом в 1942-м и захваченный там в плен.

о том, что лучше бы вместо этих четырнадцати рот моторизовать батальоны тяжелой артиллерии, была отвергнута. Тяжелая артиллерия так и осталась на конной тяге, что очень тяжело сказалось в последующей войне, особенно на территории России.

Развитие гусеничной техники для вспомогательных частей никогда не шло теми темпами, как нам бы того хотелось. Ясно было, что эффективность танков значительно возрастет, если пехота, артиллерия и прочие дивизионные части смогут наравне с ними продвигаться по пересеченной местности. Нам требовались легкие бронированные автомобили на полугусеничном ходу для стрелков, военных инженеров и медиков, самоходные орудия с бронезащитой и различные типы танков для разведки и связистов. Этой техникой дивизии так никогда и не были до конца оснащены. Несмотря на рост производства, возможностей немецкой промышленности так никогда и не хватило на то, чтобы полностью удовлетворить требования и моторизованных частей вермахта, и ваффен-СС, и самого народного хозяйства. Несмотря на все предостережения специалистов, Верховное командование ни разу не попыталось наложить ограничения на жадность отдельных лиц, облеченных властью. Я еще вернусь к этому вопросу при рассказе о военных событиях 1941-го.

Я в это время находился со своей дивизией в Вюрцбурге и ко всем этим вопросам имел лишь косвенное отношение. Моя работа состояла в комплектации и обучении моих новообразованных подразделений, которые представляли столь различные между собой области военного дела. Зима 1935/ 36 года особыми событиями отмечена не была. Вюрцбургский гарнизон под командованием генерала Брандта принял меня дружелюбно, как и жители города и окрестностей. Я получил маленький домик на Бёкельштрассе с прекрасным видом на город, раскинувшийся в долине Майна; из наших окон видны были форт Мариен и Кеппеле, шедевры архитектуры барокко.

Весной 1936 года мы были удивлены решением Гитлера занять Рейнскую область. С военной точки зрения эта операция представляла собой лишь жест, так что танковые войска там не требовались. Моя дивизия все же была поднята по тревоге и переброшена в учебный округ в Мюнзигене, но танковой бригады это не касалось, и она осталась на месте во избежание ненужных трений. Через несколько недель вся дивизия вернулась в свое прежнее расположение.

1 августа меня удостоили звания генерал-майора. Единственным танковым подразделением, допущенным к осенним маневрам в том году, стал 4-й бронетанковый полк из Швайнфурта. Использование одного-единственного полка в общем составе пехотной дивизии конечно же не дало четкого представления о наших боевых возможностях.

Одним из гостей, приглашенных на маневры, был генерал-полковник фон Зеект, недавно вернувшийся с Дальнего Востока; я имел честь рассказать ему о новых бронетанковых войсках, о которых он раньше никогда не слышал. Также мне удалось пообщаться и с представителями прессы, которых тоже пригласили, и рассказать им об организации и боевых методах нового рода войск.

1937 год прошел мирно. Мы занимались учебной программой, кульминацией которой стали маневры дивизионного масштаба в учебном округе Графенвёр. Под руководством генерала Лутца за зиму 1936/37 года я подготовил книгу, которая была опубликована под названием «Achtung! Panzer!» («Внимание, танки!»); в ней описывалась история развития бронетанковых войск и излагались основные представления о том, какими должны быть будущие бронетанковые войска Германии. Мы надеялись, что книга пробудит интерес к нашим планам у более широкого круга общественности, а не только у тех, кому приходится иметь дело с танками по долгу службы. Кроме того, я побеспокоился о том, чтобы наша точка зрения попала в специализированную военную прессу с опровержением аргументов наших противников. Вскоре статья с выражением наших взглядов появилась в журнале Национального союза немецких офицеров от 15 октября 1937 года. Я хотел бы привести ее здесь,

Г. Гудериан. «Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945»

потому что она хорошо показывает наши усилия и господствовавшую в тот период борьбу мнений.

Танковая атака - огонь и движение

У неспециалистов, представляющих себе танковую атаку, тут же встают перед глазами стальные чудовища Камбре и Амьена, какими их изображала пресса того времени: вспоминаются километры проволочных заграждений, смятых, как соломенные; снесенные блиндажи, раздавленные пулеметы и тот ужас, который внушали танки, пропахивая поле боя, полыхая пламенем из выхлопных труб. Так этот «танковый террор» описывали в качестве причины нашего поражения 8 августа 1918 года. Такая «тактика парового катка» – это лишь один, причем не самый основной, способ применения танков, но события последней войны настолько прочно засели в умах многих критиков, что возник совершенно фантастический образ танковой атаки, при которой танки собираются вместе в огромном количестве и равномерно едут вперед, перемалывая врага гусеницами (и представляя собой идеальную мишень для артиллерии и противотанкового огня), везде, где бы ни приказало командование, вне зависимости от характера местности. Огневую мощь танков принято недооценивать; танки принято считать слепыми и глухими и отказывать им в способности отстаивать захваченную местность. А вот противотанковую оборону, с другой стороны, принято оценивать чрезвычайно высоко: считается, что танки никогда не захватят обороняющихся врасплох, что противотанковая артиллерия всегда будет подбивать танки, вне зависимости от собственных потерь, дыма, тумана, деревьев или иных препятствий и рельефа местности. Почему-то подразумевается, что танки пойдут именно там, где оборудованы рубежи противотанковой обороны, что бинокли бойцов противотанковых частей помогают им видеть сквозь темноту и дымовую завесу, а каски не мешают им слышать каждое слово.

Из вышеописанной картины несложно сделать вывод, будто бы у танковых атак будущего нет. Стоит ли отбросить танки, и, по словам одного из критиков, считать «танковый период» делом прошлого? Если да, то вместе с танками можно отбросить и беспокойство по поводу новых тактик для старых родов войск и вернуться к старой доброй позиционной войне образца 1914—1915 годов. Только не очень-то разумно прыгать в темноту, не зная, куда приземлишься. Пока наши критики не придумают лучшего способа успешной наземной атаки, который не был бы самоубийственным, мы будем продолжать утверждать, что танки – при правильном их применении, естественно, – являются сегодня наилучшим средством наземной атаки. Чтобы с большим основанием рассуждать о перспективах танковой атаки, приведем некоторые принципиальные характеристики современных танков.

Бронезащита

Все танки, предназначенные для серьезных боевых действий, имеют бронезащиту, как минимум, достаточную для того, чтобы быть непроницаемой для бронебойных пулеметных пуль. Но чтобы противостоять противотанковым орудиям и неприятельским танкам, такой защиты мало; поэтому в так называемых «странах-победительницах» Первой мировой войны и наращивают броню своих танков. К примеру, чтобы пробить броню французского танка «2С», требуется орудие, как минимум, 75-го калибра. Если армия окажется способной пустить в первой волне атаки неуязвимые для оборонительных орудий противника танки, то самый опасный противник окажется поверженным, будут разгромлены и пехота, и инженерные части неприятеля, поскольку, после уничтожения противотанковой артиллерии, последних смогут расстрелять и легкие танки. Однако если у обороняющихся окажутся орудия, способные пробивать броню имеющихся у нападающей стороны танков, и эти орудия будут правильно и вовремя использованы, то за свою победу танкам придется дорого заплатить, а возможно даже, что этой победы и не будет, если оборона достаточно сконцентрирована и эшелонирована. Борьба брони и снаряда идет уже тысячи лет, и с ней знакомы не только танковые войска, но и гарнизоны крепостей, моряки, а в последнее время – и летчики. Сам факт существования этой борьбы, идущей с переменным успехом, еще не говорит о бесполезности танков как средства ведения наземной войны, потому что иначе нам придется просто бросать солдат в атаку без какой-либо иной защиты, кроме суконных мундиров времен Первой мировой войны, а эта защита уже тогда доказала свою несостоятельность.

Движение

Было сказано, что «лишь в движении – победа»⁴. Мы с этим совершенно согласны и хотим доказать истинность этого утверждения с помощью современных технических средств. Движение приводит войска в контакт с неприятелем: для этой цели можно использовать ноги людей или лошадей, рельсы железной дороги или – в последнее время – моторы автомобиля и аэроплана. Когда контакт с неприятелем уже установлен, движение обычно останавливает его огонь. Чтобы этого не происходило, противника следует либо уничтожить, либо подавить, либо выбить со своих позиций. Это можно сделать путем артобстрела, более мощного, чем противник сам может себе позволить. Обстрел со статичных позиций имеет строго установленный сектор поражения. В этом секторе пехота может чувствовать себя под прикрытием; когда доходит до действий за его пределами, артиллерия должна переместиться, чтобы можно было продолжать наступление. Для такого ведения боя требуется много орудий и еще больше боеприпасов. Подготовка к такого рода атаке занимает много времени, и замаскировать ее очень сложно. О такой важной составляющей успеха, как внезапность, можно просто забыть. Причем даже если подготовка к атаке и пройдет не замеченной неприятелем, все равно с момента ее начала противник успеет подтянуть к месту ее проведения резервы, – ведь резервные войска стали моторизованными, и создание новых оборонительных рубежей облегчилось; получается, что шансы на успех у наступления, основанного на взаимодействии по расписанию артиллерии и пехоты, сейчас еще меньше, чем в последнюю войну.

Поэтому все сейчас зависит от следующих факторов: двигаться быстрее, чем раньше, уметь продвигаться, несмотря на оборонительный огонь противника, не давать ему создавать новых защитных позиций и проникать как можно дальше в глубь его укреплений. Сторонники развития танковых войск считают, что при благоприятных обстоятельствах у них есть все данные для достижения этих целей; скептики же утверждают, что, поскольку, в отличие от 1918 года, элемент неожиданности в применении танков сейчас отсутствует, то вместе с ним исчезли и «условия для успешного проведения танковой атаки»2. Но действительно ли танковая атака сейчас не способна застать противника врасплох? Разве внезапность атаки зависит от того, старыми или новыми техническими средствами она осуществляется? В 1916 году генерал фон Куль предложил Верховному командованию при совершении прорыва придавать первостепенную важность элементу внезапности при начале наступления3, и никаких новых методов ведения боя к этому привнесено не было, однако мартовское наступление 1918 года имело выдающийся успех. Если же к обычным методам обеспечения внезапности при атаке добавить новые виды вооружений, то элемент внезапности многократно возрастет; но сам факт наличия нового оружия этого не гарантирует. Мы полагаем, что танковое наступление позволит перемещаться с большей скоростью, чем ранее, и, это еще важнее, движение можно будет продолжать и после осуществления прорыва. Мы считаем, что движение можно не останавливать при соблюдении нескольких условий, от которых зависит успех современной танковой атаки, среди них - концентрация войск в подходящей местности, наличие бреши в обороне противника и отсутствие у противника танковых войск равной силы. Когда нас обвиняют в том, что далеко не во всех условиях мы можем успешно атаковать, например, не можем с помощью вооруженных одними лишь пулеметами танков штурмовать крепости, нам остается только развести руками, упомянув о том, что другие

⁴ 1-ю Militär-Wissenschaftliche Rundschau («Обзор военной науки») за 1937 год, том 3, с. 326, 362, 364, 368, 372, 374. Авторство этой публикации принадлежит Генеральному штабу.

рода войск обладают во многих отношениях еще меньшей атакующей способностью. Мы не говорим, что мы всемогущи.

Утверждается, «что оружие наиболее эффективно, лишь пока оно новое и пока против него не придумано эффективных контрмер» 4. Бедная артиллерия! Ей уже сотни лет. Бедная авиация! Возраст и ей дает о себе знать, поскольку появились зенитные орудия. На наш взгляд, эффективность любого оружия – относительное качество, которое зависит от эффективности принимаемых против него контрмер. Если танки встретятся с превосходящим противником – в лице вражеских танков или противотанкового оружия, – то будут разбиты, их эффективность окажется недостаточной; если произойдет обратное - они одержат победу. Успех каждого оружия зависит не только от силы, ему противостоящей, но и от решимости его владельца извлечь моментальную, наибольшую пользу из последних достижений техники и пребывать, таким образом, на высоте своего времени. С этой точки зрения танки не превзойдены. Сказано: «Снаряды артиллерии обороняющихся летят быстрее атакующих эту артиллерию танков»5. С этим никто не спорит. Еще не так давно, в 1917-м и 1918 годах, можно было сконцентрировать сотни танков непосредственно позади передовых линий пехоты, чтобы они прошли сквозь линию оборонительного огня противника, расчистили путь для десятков пехотных и кавалерийских дивизий противника, и, более того, проделали все это безо всякой предварительной артиллерийской подготовки, то есть при действующей артиллерии противника. Лишь при наличии чрезвычайно неблагоприятных условий артиллерия обороняющихся могла нанести танкам сколько-нибудь серьезный ущерб, а когда танки достигали артиллерийских позиций, пушки вскоре замолкали и не могли повредить уже и наступающей вслед за танками пехоте. Даже распределение орудий по всем опасным местам без исключения не помогло в последней войне. Оборонительный обстрел поднимал в воздух кучи пыли и дыма, что мешало обзору танков, но это было всего лишь неудобство, с которым приходится сталкиваться и в мирное время. А сейчас танки могут двигаться и ночью, и в тумане – они снабжены компасами.

В наступлении, основанном на успешном танковом броске, «творцом победы» является не пехота, а сами танки, поскольку если танковый бросок оканчивается неудачей, то и вся операция становится провальной, а если танкам сопутствует успех, то вот она – победа!

Огонь

Бронезащита и движение – это лишь две боевые характеристики танка как оружия; третьей, самой важной, является огневая мощь.

Танковые орудия способны стрелять как на ходу, так и с места. В обоих случаях орудие наводится напрямую. Если танк стреляет с места, то можно быстро определить расстояние до цели и поразить ее с минимальным расходом боеприпасов. Если же танк находится в движении, то из-за проблем с обзором распознавание целей затрудняется, но до определенной степени это компенсируется высоким положением орудия относительно земли, что особенно ценно на заросшей местности; так что высокий силуэт танка, который так часто подвергался критике как «легкая мишень», имеет свои преимущества для стрелка-танкиста. Если необходимо стрелять на ходу, то на небольшом расстоянии точность стрельбы достаточно высока, но она уменьшается с увеличением расстояния до цели, увеличением скорости движения танка или на неровной местности.

В любом случае в наземных сражениях танк обладает уникальной возможностью одновременно и наступать на врага, и нести с собой свою боевую мощь, несмотря на то что вражеские пушки и пулеметы не смолкают. Мы не сомневаемся, что статично закрепленные орудия стреляют точнее, чем находящиеся в движении; мы имеем хорошую возможность судить об этом, так как нам доступно и то и другое. Однако – «Лишь в движении – победа!». Так следует ли танковой атаке быть лишь паровым катком, прокладывающим пехоте путь сквозь оборонительную линию противника, которую удерживают пехота и артиллерия с полным набором противотанковых средств наготовеб, на манер того, как это делалось в «битвах железа» в последнюю войну? Нет, конечно. Так можно поступать лишь в случае, если видеть в танке лишь бронированную машину, единственным предназначением которой является тесное взаимодействие с пехотой и настроенную поэтому на скорость передвижения пехоты. Мы слишком долго придерживались именно такого представления. Мы не можем и не хотим тратить на разведку недели и месяцы; мы не хотим полагаться на расточительную трату боеприпасов; мы хотим добиться в короткий срок подавления обороны противника на всем ее протяжении. Мы хорошо знаем об ограниченности огневой мощи наших танков, которая не позволит нам провести полноценную артиллерийскую подготовку; наши намерения прямо противоположны – поражать избранные цели единичными точными снарядами. Потому что мы помним, что во время войны неделями длящиеся обстрелы мощнейшей в мире артиллерии не могли обеспечить пехоте достижение победы. Наши враги преподали нам урок того, что успешная, быстрая танковая атака, достаточно проникающая вглубь и вширь в оборонительную систему противника, помогает подойти к победе ближе, чем система принятых в мировую войну ограниченных наступлений. Наши снаряды, направленные в конкретные цели, не будут свистеть у врагов над головой, как это было в тех дорогостоящих бессмысленных обстрелах; вместо этого если атака будет проводиться с достаточной концентрацией, глубиной проникновения и широтой охвата, то мы поразим все заслуживающие этого цели и проделаем таким образом брешь в обороне противника, через которую смогут проникнуть и наши резервы – быстрее, чем это было возможно в 1918-м. Мы хотим, чтобы этими резервами были танковые дивизии, поскольку считаем, что любые другие соединения не имеют нужной боеспособности, скорости и маневренности, необходимых для полноценного использования достигнутого прорыва. Поэтому мы не считаем танковые войска «вспомогательным средством для одержания победы в бою, которое во многих случаях может, в сочетании с другими видами оружия, помочь продвижению пехоты»7. Если бы это было все, на что годятся танки, то ситуация сейчас не отличалась бы от ситуации в 1916 году, и если бы это было так, то все были бы с самого начала обречены на позиционную войну, и никакой

надежды на быстрое решение проблемы в будущем не осталось бы. Но ни предполагаемое превосходство противника в вооружении, ни возросшая точность орудий всех калибров, ни технический прогресс артиллерии не изменят наших убеждений. Напротив! Мы видим в танке наилучший из всех возможных видов наступательного оружия, и мы не изменим своего мнения, пока техники не покажут нам чего-нибудь получше. Мы ни в коем случае не согласны тратить время на артиллерийскую подготовку из опасения потерять элемент внезапности только потому, что есть старая максима, утверждающая, что «лишь огонь открывает дорогу» В. Напротив, мы считаем, что комбинация из двигателя внутреннего сгорания и броневого листа позволяет нам доставить наш огонь прямо к врагу безо всякой артиллерийской подготовки, при наличии важных условий для такой операции — подходящего характера местности, неожиданности и массовости применения.

«Сама идея о массовом применении танков приводит наших критиков в дрожь. Они пишут: «Встает также и вопрос об организации; вопрос о том, нужно ли собирать всю танковую мощь в единый кулак или следует органично распределить все танки между пехотой, чтобы она могла успешно атаковать, не заслуживает даже серьезного рассмотрения» 9. Из этого замечания можно сделать вывод, что без танков пехота теперь успешно атаковать не может; а отсюда следует, что оружие, которое атаковать может и может помочь делать это другим родам войск, и должно быть признано главным оружием. Вопрос же о том, следует ли распределять танки между пехотой, хорошо проясняет следующий пример.

Воюют красные и синие. У каждой стороны по 100 пехотных дивизий и по 100 танковых батальонов. Красные раскидали свои танки по пехотным дивизиям, а синие сформировали из них танковые дивизии, напрямую подчиняющиеся верховному командованию. Между ними лежит линия фронта протяженностью, скажем, 300 километров, 100 из которых – непроходимая для танков местность, 100 – труднопроходимая и 100 – удобная. Тогда в бою мы будем иметь следующую картину. Красные разместили в пропорциональном отношении столько же своих дивизий, включая танки, сколько и синие, в той местности, где танки действовать не могут и являются потому бесполезными; другую часть своих танков они разместили там, где возможности танков ограниченны. Получается, что на той местности, для которой танки предназначены, красные могут использовать лишь часть своих танковых сил. Синие же, с другой стороны, собрали все свои танки в одном месте, где может решиться исход войны и где местность идеально подходит для танков; соответственно, они имеют преимущество, как минимум, вдвое перед противником на этом участке фронта, а на остальных им достаточно лишь обеспечить оборону от слабых танковых атак красных. Пехотная дивизия, в распоряжении которой имеются, скажем, 50 противотанковых орудий, с гораздо меньшим трудом отразит атаку 50 танков, чем 200. Мы делаем вывод, что предложение разделить наши танки между пехотными дивизиями представляет собой лишь возврат к изначальной тактике англичан в 1916—1917 годах, которая уже тогда доказала свою порочность, поскольку танки не приносили англичанам успеха, пока их массово не применили под Камбре.

Мы планируем побеждать быстрой атакой в гущу войск противника, точной стрельбой наших бронированых моторизованных орудий. Было сказано, что «мотор не есть новое оружие, это просто новый способ двигать старое оружие вперед» 10. Никто и не спорит с тем, что двигатель внутреннего сгорания стрелять не умеет; говоря о танках как о новом оружии, мы имеем в виду, что необходимо учреждение нового рода войск, как это было сделано на флоте в отношении подводных лодок. Мы убеждены, что танки — это оружие, причем такое, что его будущие успехи оставят неизгладимый след на всех битвах, которым суждено состояться. Чтобы наши атаки увенчались победой, нужно, чтобы другие виды оружия подстраивались под нашу скорость. Поэтому мы требуем, чтобы для развития наших успехов создавались и другие, вспомогательные виды вооружения, такие же мобильные, как и наши

танки, которые даже в мирное время находились бы в нашем подчинении. Потому что для проведения наших решающих операций потребуются не крупные пехотные, а крупные танковые соединения».

В конце осени 1937-го проводились крупномасштабные военные маневры, на которых присутствовал Гитлер, а ближе к концу — и многие иностранные гости, среди которых были Муссолини, английский фельдмаршал сэр Сайрил Деверелл, итальянский маршал Бадольо, венгерская военная миссия. Из танковых войск участие в маневрах принимала 3-я бронетанковая дивизия под командованием генерала Фессмана и 1-я танковая бригада. Я отвечал за судейство танковых маневров.

Позитивным результатом маневров оказалась уверенная демонстрация того, что танковую дивизию можно использовать как самостоятельное соединение. Ресурсов же, выделенных на снабжение и ремонт, оказалось явно недостаточно. Требовалось резкое увеличение этих ресурсов. Я сделал несколько предложений на этот счет командованию бронетанковых войск; к сожалению, они не были тут же приняты, и наша слабость с этой стороны в полной мере проявилась на ставших предметом внимания широкой общественности маневрах весной 1938-го.

В последний день маневров в честь иностранных гостей была развернута завершающая атака; в ней приняли участие все имевшиеся в нашем распоряжении танки под моим командованием. Это было внушительное зрелище, хотя располагали мы на тот момент только танками «T-I».

После маневров в Берлине состоялся парад, а за ним — праздничный обед, который устроил в честь иностранных гостей генерал-полковник фон Фрич. Я был на него приглашен. Там у меня была возможность провести ряд интересных бесед, в частности, с фельдмаршалом сэром Сайрилом Девереллом и с итальянским маршалом Бадольо. Бадольо рассказал о своем опыте абиссинской кампании, а сэр Сайрил Деверелл спросил, что я думаю о моторизации. Молодых британских офицеров интересовало, можно ли применять на поле боя столько же танков, сколько их появилось перед Муссолини на маневрах. Они с трудом готовы были поверить, что это так, и, кажется, придерживались старой теории о том, что танк — это оружие поддержки пехоты. Беседа была очень оживленной на всем протяжении.

Глава 3 Гитлер на вершине власти

1938 год. Кризис Бломберга – Фрича. Присоединение к рейху Австрии и Судет

Насыщенный событиями 1938 год начался с того, что меня неожиданно произвели в генерал-лейтенанты. Я получил это известие в ночь со 2 на 3 февраля, а вместе с ним приказ явиться на собрание, проводимое Гитлером в Берлине 4 февраля. Утром, уже в Берлине, я шел по улице, и знакомый, проезжавший мимо в трамвае, поздравил меня на ходу с назначением на должность командующего XVI армейским корпусом. Это было для меня полнейшей неожиданностью; я тотчас же купил утреннюю газету, где с удивлением прочел в новостях о том, что ряд офицеров высшего командного состава, в том числе Бломберг, Фрич и мой хороший друг генерал Лутц, отправлены в отставку. Объяснения этому были частично даны на совещании в канцелярии. Все командующие вооруженными силами выстроились полукругом в большом зале; вошел Гитлер и объявил, что он снял с поста военного министра, фельдмаршала фон Бломберга, ввиду женитьбы последнего, а одновременно с этим был вынужден отстранить от должности главнокомандующего сухопутными силами генерал-полковника фон Фрича вследствие выдвинутых против него уголовных обвинений. О других отстранениях ничего сказано не было. Мы были просто ошеломлены. Эти серьезные обвинения против офицеров высшего эшелона, которых мы знали как людей с безупречной репутацией, задели нас за живое. Они казались совершенно неправдоподобными, однако не могли мы допустить и мысли о том, что высший государственный чин Германии выдумал все эти истории безо всяких на то оснований. Выступив, Гитлер покинул комнату, и нас распустили. Ни один из нас не сказал ни слова. Да и разве можно было что-либо сказать в состоянии шока, не имея никаких возможностей судить о случившемся?

С Бломбергом все было ясно. Естественно, о том, чтобы он продолжал оставаться на посту министра, речи уже не шло. Но вот что касается генерал-полковника барона фон Фрича, тут ситуация была совершенно иной. Расследованием его дела занялся военный суд. Председательствовал на этом суде Геринг, но, вопреки мнению своего председателя, суд вынес вердикт о полной невиновности обвиняемого. Было доказано, что все обвинения против генерала – беспочвенная клевета. Спустя несколько месяцев после того, как эта клевета была признана ложной, нас снова собрали – на этот раз на аэродроме, – где глава высшего военного суда, генерал Хайц, зачитал вердикт с долгим вступлением. Перед оглашением решения суда выступил Гитлер, коротко выразил сожаление и пообещал нам, что такого больше не повторится. Мы потребовали полного восстановления генерал-полковника барона фон Фрича во всех правах; однако главнокомандующему армией, генерал-полковнику фон Браухичу – которого Бломберг сам предложил на это место – удалось назначить генерал-полковника лишь почетным полковником 12-го артиллерийского полка в Шверине. Фон Фрич был таким образом восстановлен на армейской службе, но ни разу больше не получал приказов. Это была слабая компенсация за тот ущерб, который был ему нанесен. Человек, который непосредственно оклеветал фон Фрича, по приказу Гитлера был осужден, но более опасные фигуры, стоявшие за этим трусливым ударом, остались безнаказанными. Смертный приговор, вынесенный клеветнику, был лишь ширмой. 11 августа на территории, где проходили военные учения, в Гросс-Борне, генерал-полковник принял командование над

12-м артиллерийским полком. 13 августа Гитлер посетил там учения. Но они так и не встретились.

Достойная сдержанность, с которой генерал-полковник барон фон Фрич вел себя в последующие месяцы, вызывала восхищение. Неизвестно, было ли это правильным поведением по отношению к его политическим врагам; но такое мнение основывается на фактах, полученных впоследствии от людей, напрямую вовлеченных в это дело.

4 февраля 1938 года Гитлер присвоил себе звание Верховного главнокомандующего вооруженными силами. Пост военного министра оставался свободным. Временно обязанности министра выполнял генерал Вильгельм Кейтель, начальник военно-политического управления военного министерства; позже эти обязанности были разделены среди командующих трех служб. Однако власти отдавать приказы Кейтель не имел. Он называл себя начальником Верховного командования вермахта (ОКВ). Новым командующим 4-й группой, в которую входили три моторизованных корпуса, стал генерал фон Рейхенау, прогрессивно настроенный, интеллигентный военный, к которому я вскоре стал питать дружеские чувства.

4 февраля 1938 года стало вторым — после 13 июня 1934 года — черным днем для высшего командного состава армии. Генералов германской армии впоследствии не раз обвиняли в недееспособности в обоих этих случаях. Но это обвинение справедливо распространить только на нескольких человек в высших эшелонах военной власти; для большинства же реальное положение дел было просто неизвестным. Даже в деле Фрича, обвинение против которого с самого начала казалось не только невероятным, но и безумным, пришлось ждать обнародования судебного решения, прежде чем могли быть предприняты какие-либо шаги. Нового Верховного главнокомандующего просили и даже умоляли, чтобы он предпринял эти шаги, но тот так и не решился. А между тем дело Фрича отошло на задний план перед лицом такого масштабного международного события, как аншлюс Австрии. Благоприятный момент для действий прошел. Дело Фрича свидетельствовало о существовании серьезного недоверия между главой рейха и командующими армией; я понимал это, хотя в силу своего положения не знал, что стоит за всем этим.

Я принял командование от своего благородного предшественника, генерала бронетанковых войск Лутца. Начальником штаба XVI армейского корпуса был полковник Паулюс, которого я знал много лет; это был умный, сознательный, трудолюбивый и талантливый офицер, и просто невозможно было сомневаться в его чистом и возвышенном патриотизме. Спустя несколько лет на него, к тому моменту командующего 6-й армией, потерпевшей поражение под Сталинградом, был обрушен поток грязной клеветы и обвинений; но до того момента, пока Паулюс сам не сможет высказаться в свою защиту, я не приемлю никаких обвинений против него.

Тем временем бронетанковые войска получили новых командующих:

- 1-я бронетанковая дивизия генерала Рудольфа Шмидта;
- 2-я бронетанковая дивизия генерала Фейеля;
- 3-я бронетанковая дивизия генерала барона Гейра фон Швеппенбурга.

Аншлюс Австрии

10 марта в 16.00 за мной послал начальник штаба армии генерал Бек, и от него, под большим секретом, я узнал, что Гитлер обдумывает планы присоединения Австрии к рейху и в связи с этим нужно сформировать войска для наступления.

– Вы снова примете командование над своей 2-й бронетанковой дивизией, – сказал мне генерал.

Я заметил, что это может задеть моего преемника, генерала Фейеля, который был отличным офицером.

– Все равно, – отвечал Бек, – это приказ, руководить моторизованными частями, принимающими участие в этой операции, будете вы.

Тогда я предложил мобилизовать XVI армейский корпус и включить в него, помимо 2-й бронетанковой дивизии, и другие войсковые соединения. Генерал Бек согласился и предложил войсковую дивизию СС лейб-штандарт «Адольф Гитлер», которую также планировалось включить в состав оккупационных войск. В завершение беседы он сказал мне:

Если аннексии Австрии суждено произойти, то самый подходящий момент для этого
 сейчас.

Я вернулся на свое рабочее место, отдал распоряжения в соответствии со сложившейся ситуацией и принялся обдумывать, какие следует предпринять меры для проведения подобной операции. В восемь часов вечера Бек снова послал за мной, и после недолгого ожидания, где-то между 21.00 и 22.00, он отдал мне приказ привести в боевую готовность 2-ю бронетанковую дивизию и дивизию «Адольф Гитлер» и собрать оба подразделения в окрестностях Пассау. Я узнал также, что общее руководство войсками, отобранными для вторжения в Австрию, возложено на генерал-полковника фон Бока. Южнее расположения моего корпуса пехотные части должны были форсировать реку Инн; другие подразделения должны были направиться в Тироль. Между 23.00 и 24.00 я по телефону отдал приказ о приведении 2-й бронетанковой дивизии в боевую готовность; с Зеппом Дитрихом, командиром дивизии СС, я общался лично. Все подразделения были готовы выступить в пункт назначения Пассау. Трудностей в выполнении приказа в отношении дивизии «Адольф Гитлер» не возникало; со 2-й бронетанковой дивизией все было чуть сложнее, так как офицеры ее штаба во главе с командующим дивизией находились на учениях в Триере, в Мозеле. Их надо было сначала всех доставить обратно на машине. Однако, несмотря ни на что, приказы быстро выполнялись, и вскоре войска были уже на марше.

Расстояние между расположением 2-й бронетанковой дивизии в Вюрцбурге и Пассау составляло приблизительно 400 километров; от Пассау до Вены – еще 272 километра; 672 километра от Берлина до Вены.

Перед уходом Зепп Дитрих сказал мне, что собирается к Гитлеру. Я считал, что воссоединение должно было произойти без борьбы. Я понимал, что для народов обеих стран это было желанное событие. В связи с этим мне пришла в голову мысль, что в знак наших дружеских чувств танки должны быть украшены флагами и зеленью. Я попросил Зеппа Дитриха узнать, согласится ли с этим Гитлер, и через полчаса мне сообщили, что тот дал согласие.

Войска XVI корпуса прибыли в Пассау в 20.00 11 марта. Здесь мы получили приказ выступить по направлению к Австрии в 8.00 на следующий день. К полуночи в Пассау прибыл генерал Фейель во главе своих войск. У него не было ни карт Австрии, ни горючего для дальнейшего пути. Вместо карты я смог снабдить его лишь простым туристическим справочником Бедекера. Проблему с горючим решить оказалось немного сложнее. В Пассау имелся военный склад горючего, но он имел строгое предназначение использоваться только для развертывания войск на западе и для обороны западной линии (так называемой

линии Зигфрида); было приказано давать топливо только в случае мобилизации и исключительно для этой цели. Местным офицерам не сообщили о нашей операции, и с ними нельзя было связаться среди ночи. Начальник склада, исполняя приказ, отказался выделить мне даже немного своего драгоценного горючего; в конце концов я смог добиться своего только угрозой применения силы.

Транспортировать запасы нам было не на чем, пришлось решать эту проблему на ходу. Мэр Пассау помог нам, снабдив грузовиками, из которых мы на скорую руку сколотили необходимые колонны для перевозки горючего. Вдобавок к этому пришлось запросить, чтобы австрийские заправочные станции, располагающиеся на дальнейшем пути следования, были готовы к обслуживанию наших колонн.

Несмотря на усилия генерала Фейеля, пересечь границу ровно в восемь оказалось невозможным. Только около 9 часов первые части 2-й бронетанковой дивизии проехали под поднятыми пограничными шлагбаумами, и народ Австрии радостно встречал их. Авангард дивизии состоял из V (Корн-вестхаймского) и 7-го (Мюнхенского) разведывательных батальонов и 2-го (Киссингенского) мотострелкового батальона. Этот авангард быстро проскочил Линц, до которого добрался к полудню, и направлялся в Санкт-Пёльтен.

Я находился вместе с основным составом 2-й бронетанковой дивизии, а дивизия СС «Адольф Гитлер», только что присоединившаяся к нам после долгого марша из Берлина, двигалась позади нас. Идея с флагами и украшениями на танках оказалась удачной. Народ видел, что у нас дружеские намерения, и нас везде встречали радушно. Ветераны Первой мировой войны с наградными знаками на груди приветствовали нас, когда мы проезжали мимо. На каждой остановке танки засыпали цветами, а солдатам давали хлеб. Им пожимали руки, целовали, люди плакали от счастья. Не случилось ни одного неприятного инцидента, омрачившего бы событие, которого долгие годы с нетерпением ждали обе стороны. Дети одной нации, в течение многих десятилетий разделенной нерадивыми политиками надвое, наконец-то смогли объединиться.

Мы продвигались по одной дороге — дороге, ведущей через Линц. Незадолго до двенадцати часов я приехал в Линц, отдал визит уважения местным властям и принял участие в совместном обеде. Я уже собрался покинуть город, направляясь в Санкт-Пёльтен, как мне встретился рейхсфюрер СС Гиммлер в сопровождении австрийских министров Зейсс-Инкварта и фон Глайзе-Хорстенау. Они сообщили мне, что фюрер приедет в Линц около 15.00 часов, и попросили меня проследить, чтобы были закрыты дороги в город и на торговую площадь. Я отдал приказ своему авангарду остановиться в Санкт-Пёльтене, а сам, посредством находившихся в моем распоряжении основных войск, произвел все необходимые приготовления в самом Линце и его окрестностях. Войска австрийского гарнизона попросили разрешения принять участие в этих действиях: им это было дозволено. Вскоре 60 000 человек заполнили улицы и площади города. Народ был очень возбужден. Немецких солдат громко и радостно приветствовали.

Было уже почти темно, когда Гитлер появился в Линце. Я ждал его за пределами города и стал свидетелем его триумфального въезда. Я также слышал его речь с балкона ратуши. Никогда ни до, ни после того случая я не видел такого энтузиазма, как в те несколько часов. После своей речи Гитлер посетил нескольких человек, раненных во время предшествовавших аншлюсу волнений, а затем вернулся к себе в отель, где я доложил ему, что выступаю дальше в направлении Вены. Было видно, что он глубоко тронут тем, как его приветствовала толпа на рыночной площади.

Я покинул Линц около 21.00 и прибыл в Санкт-Пёльтен в полночь. Своему авангарду я сразу же приказал выступать и лично возглавил колонну, продиравшуюся сквозь ночную метель в Вену, куда мы и прибыли в час ночи 13 марта.

В Вене только что закончилось факельное шествие в честь празднования аншлюса, и улицы были полны счастливых и возбужденных людей. Поэтому неудивительно, что появление первых немецких солдат послужило сигналом к всеобщей бурной радости. Авангард промаршировал мимо Оперы вслед за австрийским военным оркестром и в присутствии командира Венской дивизии австрийской армии генерала Штумпфля. По окончании марша военных на улице снова началось массовое веселье. Меня несли на руках, пуговицы с моей шинели оторвали на сувениры. Нас встречали очень дружелюбно.

После недолгого отдыха я снова занялся делами. Рано утром 13 марта я нанес ряд визитов командирам австрийской армии; все без исключения приветствовали меня очень учтиво.

14 марта было полностью посвящено приготовлениям к грандиозному параду, который должен был состояться на следующий день, 15 марта. На меня возложили ответственность за подготовку, и для меня первая работа с новыми товарищами стала поистине удовольствием. Вскоре мы пришли к соглашению о том, как организовать парад, и на следующий день нам было приятно видеть, как проходит первая демонстрация в Вене, ставшей частью Германского рейха. Войска Австрии открыли парад; за ними вперемежку шли немецкие и австрийские подразделения. Народ приветствовал всех с энтузиазмом.

В один из вечеров я пригласил несколько австрийских генералов, с которыми недавно познакомился, на ужин в отель «Бристоль», надеясь таким образом укрепить наши новые отношения. Затем я отправился в инспекционную поездку по стране. Моей целью был осмотр различных механизированных частей австрийской армии; мне предстояло решить, как лучше интегрировать их в наши новые объединенные войска. Я особенно хорошо помню два из совершенных мной визитов. Один – в Нойзидлер-Зе, где располагался гарнизон моторизованного егерского батальона, второй – в город Брук на реке Лайта, в танковый батальон австрийской армии. Последним руководил генерал-полковник Тейсс – отличный офицер, у которого было увечье, полученное в танке. Его подразделение произвело на меня великолепное впечатление, и я быстро наладил отношения с его молодыми офицерами и солдатами. И боевой дух, и дисциплина в этих двух подразделениях были настолько сильны, что их присоединение к армии рейха было и выгодным и приятным.

Мы хотели показать австрийцам Германию, а не только немцам Австрию, чтобы таким образом еще больше усилить чувство единения. Группы солдат из бывшей австрийской армии отправлялись с короткими визитами в рейх. Одна из таких групп попала в мой бывший гарнизон в городе Вюрцбурге, где моя жена организовала все, чтобы их хорошо встретили и чтобы они не скучали.

Немного спустя моей дорогой жене удалось приехать в Вену, и мы смогли отпраздновать вместе день ее рождения – 25 марта.

Из оккупации Австрии немецкие войска извлекли для себя несколько важных уроков. Марш прошел в целом спокойно. Поломки среди колесной техники были небольшими; среди танков это число было, однако, намного больше. Я не могу припомнить точных цифр, но они никак не могли составлять больше тридцати процентов. До парада 15 марта почти все танки были в хорошем состоянии. Учитывая скорость марша и огромное расстояние, которое они преодолели, поломок было не так уж много; но для того, чтобы понять это, надо было иметь определенные знания о танках, которых генерал-полковник фон Бок, например, не имел. Поэтому после парада наш молодой род войск подвергся резкой критике со стороны определенных структур. Было заявлено, что танки показали полную неспособность к долгому непрерывному наступлению. На самом же деле критику следовало бы направить на более заслуживающие ее цели. Чтобы по достоинству оценить продвижение бронетанковых войск к Вене, нужно было учесть следующее:

а) войска не были готовы к такой операции. Когда начался марш-бросок, подразделения находились еще в процессе обучения. Офицеры 2-й бронетанковой дивизии интенсивно

проходили теорию предыдущей зимой; закрепить эти знания планировалось на учениях в Мозеле, о которых я упоминал ранее. Никто не предполагал неожиданной зимней операции дивизионного масштаба;

- б) высшее командование тоже не было готово. Решение было принято только по личной инициативе Гитлера. Все было сплошной импровизацией; для бронетанковой дивизии, которая существовала с осени 1935 года, это было трудное задание;
- в) импровизированный поход в Вену означал, что 2-я бронетанковая дивизия должна была преодолеть расстояние в 672 километра, дивизия СС «Адольф Гитлер» в 960 километров за сорок восемь часов. В целом задача была выполнена удовлетворительно;
- г) самым уязвимым местом было неудовлетворительное состояние техники, особенно танков. Это стало очевидным еще на осенних маневрах 1937 года. Обещание исправить такое положение дел не было выполнено к марту 1938 года. Эта ошибка больше никогда не повторялась;
- д) особенно значимой проблемой оказался вопрос поставки топлива. Вопрос о его нехватках был на будущее улажен. Боеприпасов мы в этот раз не расходовали, поэтому проблема о поставках боеприпасов возникла лишь по аналогии с проблемой о поставках топлива. Этого хватило, однако, чтобы и здесь были приняты меры;
- е) в любом случае наши надежды в отношении возможностей бронетанковой дивизии были оправданны;
- ж) этот марш-бросок показал нам, что вполне допустимо передвижение более одной моторизованной бригады по одной дороге. Наша точка зрения на оперативные возможности моторизованных войск получила весомые подтверждения;
- з) следует, однако, отметить, что весь полученный опыт лежал в сфере передвижения и снабжения танковых частей; опыта ведения военных действий в этот раз мы не приобрели. Однако будущее показало, что немецкие бронетанковые войска и здесь были на правильном пути.

В своих воспоминаниях, кстати весьма ценных и значимых, Уинстон Черчилль описывает аншлюс совершенно иначе⁵. Его стоит процитировать целиком:

«Триумфальный вход в Вену был давней заветной мечтой капрала-австрияка. Ночью в пятницу 12 марта нацистская партия провела в столице заранее запланированное приветственное факельное шествие в честь героев-завоевателей. Но герои не прибыли. Поэтому троих баварцев из интендантской службы, которые приехали на поезде, для того чтобы решить вопрос о размещении солдат, пришлось, как единственных представителей, нести по улицам на руках, чему сами они были сильно удивлены... Сами же виновники торжества продвигались весьма неторопливо. Немецкие боевые машины неуклюже перешли через границу и остановились возле Линца. Несмотря на хорошую погоду и отличные дорожные условия, большая часть танков сломалась. Поломки имелись также и у моторизованной тяжелой артиллерии. Дорога от Линца до Вены была забита тяжелой колесной техникой, отказавшейся двигаться дальше. Ответственность за поломки, которые показали неподготовленность германской армии на данной ступени реформ, возложили на генерала фон Рейхенау, фаворита Гитлера, командующего 4-й группой армий.

Гитлер сам, проезжая через Линц, видел эти заторы и пришел в ярость. Легкие танки смогли выбраться из затора и вошли в Вену рано утром в воскресенье. Колесную технику и моторизованную тяжелую артиллерию доставили по железной дороге на открытых платформах, и только таким образом они успели к церемонии. Известно много картин, изображающих, как Гитлер следует через Вену посреди ликующей или испуганной толпы. Но у

⁵ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 1. «Гроза собирается». С. 242. Лондон: Cassel & Co, 1948.

этого мистического триумфа была неспокойная подоплека. Фюрер еле скрывал бешенство, в которое привело его свидетельство явных недостатков германской военной техники. Он отчитал генералов, а те не промолчали в ответ. Они напомнили Гитлеру о том, что он отказался слушать Фрича, предостерегавшего о том, что Германия не в том положении, чтобы пойти на риск серьезного конфликта. Однако внешние приличия были соблюдены. Официальные празднования и парады состоялись...»

Уинстона Черчилля, очевидно, дезинформировали. Насколько я знаю, из Баварии до Вены поезда 12 марта не ходили⁶. «Троим сильно удивленным баварцам» пришлось бы лететь туда. Немецкие боевые машины задержались в Линце по моему приказу для встречи Гитлера, и ни по какой другой причине. В любом случае они достигли Вены тем же днем. Погода была плохая; к полудню начался дождь, а ночью была сильная вьюга. Единственную дорогу из Линца в Вену ремонтировали, и отдельные ее участки находились в очень плохом состоянии. Большинство танков добрались до Вены без поломок. Дефектов в тяжелой артиллерии не проявилось, по той причине, что у нас не было тяжелой артиллерии. И заторов на дороге не было никогда. Генерал фон Рейхенау только что получил командование над 4-й группой армий 4 февраля 1938 года, и едва ли он мог отвечать за снаряжение своих войск, которыми командовал только пять недель. И его предшественник, генерал-полковник фон Браухич, занимал свою должность еще столь недолго, что его тоже нельзя было винить в чем-либо.

Как уже было сказано, я лично встретил Гитлера в Линце. Его можно было назвать каким угодно, только не разъяренным. Это был, пожалуй, единственный случай, когда я видел его глубоко тронутым. Пока он обращался к взволнованной толпе внизу, я стоял рядом с ним на балконе ратуши в Линце и видел его вблизи. Слезы текли у Гитлера по щекам, и слезы эти были искренними.

На тот момент у нас были только легкие танки. Тяжелых танков не существовало, так же как и тяжелой артиллерии, и потому их никак нельзя было перевезти на открытых железнодорожных платформах.

Насколько мне известно, ни один офицер не был «отчитан». Не было выдвинуто никаких возражений; а даже если и были, я об этом ничего не знал. Что касается меня, то в эти майские дни Гитлер относился ко мне неизменно учтиво, как в Линце, так и в Вене. Единственным человеком, который выдвинул против меня какие-то обвинения, был генерал-полковник фон Бок, главнокомандующий оккупационными силами, – и то лишь из-за украшений, которые я приказал поместить на танки и которые он признал противоречащими правилам. После того как я объяснил, что это сделано с разрешения Гитлера, вопрос был исчерпан.

Та же самая военная машина, которая сейчас «продвигалась весьма неторопливо», доказала свои возможности уже весной 1940 года, быстро и легко расправившись с устаревшими армиями держав Запада. Очевидно, что в своих мемуарах Уинстон Черчилль усиленно пытается доказать, что политические лидеры Великобритании и Франции могли вступить в войну в 1938 году и что у них имелись на тот момент хорошие шансы на победу. Военные же лидеры этих стран были настроены более скептически, и не без причин. Они знали о слабо-

⁶ Мюнхенские железнодорожные чиновники были весьма любезны и сообщили мне, что по единодушным показаниям рабочих, служивших там во время марша в Австрию, никаких специальных поездов не покидало Германию в направлении Вены. В любом случае такое передвижение требовало бы единого управления германской и австрийской железных дорог, которого еще не существовало. За день до проникновения на территорию Австрии отряды пехоты высаживались, концентрируясь рядом с границей, возле Берхтесгадена, Фрайляссинга и Зимбаха, а пустые поезда тут же возвращались в Германию, за следующими подразделениями. На второй день операции специализированные военные поезда могли уже продвигаться до Зальцбурга; и так продолжалось вплоть до третьего дня, только тогда они смогли продолжить путь в Вену.

сти своих армий, хотя и не знали, как улучшить положение. Немецкие генералы тоже хотели мира, однако не по причине слабости или страха перед инновациями, а только потому, что были уверены в способности своей страны достигнуть своих национальных целей мирным путем.

2-я бронетанковая дивизия осталась в окрестностях Вены и с осени того же года начала пополняться австрийцами. Дивизия СС и подразделения XVI корпуса вернулись в Берлин в апреле. Территория вокруг Вюрцбурга опустела, и именно здесь осенью 1938 года и была основана новая. 4-я бронетанковая дивизия под командованием генерала Рейнхардта. Кроме того, были сформированы 5-я бронетанковая и 4-я легкая дивизии.

Летом 1938 года я выполнял те обязанности, которые возлагаются на командира корпуса в мирное время. Они заключались в основном в инспектировании войск, которыми я командовал. Мне удалось познакомиться и с офицерами, и с простыми солдатами, и я заложил основу хороших отношений и взаимного доверия в будущем, чем был вправе гордиться.

1 августа мне удалось поселиться в Берлине в доме, предназначенном для командующего XVI корпусом. В том же месяце состоялся визит венгерского регента, адмирала Хорти, который прибыл в Берлин в сопровождении жены и премьер-министра Имреди. Я присутствовал на его встрече на станции, на параде, на обеде, который организовал Гитлер, и на премьере в опере. После обеда Гитлер подсел за мой столик и мы с ним обсудили проблемы, связанные с танками.

Гитлер был недоволен политическими результатами визита Хорти. Он, вне всякого сомнения, планировал убедить регента подписать военный договор, но это ему не удалось. К сожалению, он не скрыл своего разочарования, что нашло свое отражение и в речи, которую произнес, и в его поведении после обеда.

С 10 по 13 сентября мы с женой присутствовали на Национальном дне партии (Reichsparteitag) в Нюрнберге. В тот месяц напряженность между Германией и Чехословакией достигла пика. Атмосфера становилась тяжелой и угрожающей. Особенно ярко это выразилось в заключительной речи Гитлера в Нюрнбергском зале собраний. Будущее казалось тревожным.

Я должен был прямо с Дня партии отправиться на боевые учения в Графенвёр, где стояли 1-я бронетанковая дивизия и лейб-штандарт СС. Следующие несколько недель ушли у меня на учения и проверки. К концу месяца мы начали готовиться к марш-броску в Судеты. Чехи наотрез отказывались идти на какие-либо компромиссы, и угроза войны надвигалась все ближе. Ситуация становилась все более и более серьезной.

Однако на Мюнхенской конференции удалось решить дело мирным путем, и в результате присоединение Судет к рейху прошло без кровопролития.

Мне пришлось принести одну личную жертву текущей политической ситуации. 1 октября мы с женой должны были отметить серебряную свадьбу; вместо этого я провел весь день в Графенвёре, в то время как она находилась одна в Берлине, а наши сыновья, вместе со своими полками, — на границе. Но мы получили самый лучший подарок, который только можно было пожелать, — мир был сохранен.

Присоединение к рейху Судет

К походу на Судеты XVI корпус готовил 1-ю бронетанковую дивизию и 13-ю и 12-ю моторизованные пехотные дивизии. Оккупация должна была пройти в три этапа. 3 октября 13-я моторизованная пехотная дивизия под командованием генерала Отто заняла города Эгер (Хеб), Аш и Франценбад; 4 октября 1-я бронетанковая дивизия вошла в Карлсбад (Карловы-Вары), а 5-го все три дивизии подошли к самой демаркационной линии.

Адольф Гитлер провел первые два дня оккупации вместе с моими войсками. 1-я бронетанковая и 13-я моторизованная пехотная дивизия передвигались по ночам — в ночь с тридцатого на первое и с первого на второе; в первую ночь они преодолели расстояние в 270 километров от Хама до Айбенштока — в Саксонии, а во вторую — выступили из Графенвёра, чтобы успеть занять Эгерленд без кровопролития. С точки зрения переброски войск все было выполнено безупречно.

З октября я встретил Гитлера на границе возле Аша и смог доложить ему об успешном продвижении моих дивизий. Затем я проехал через Аш к полевой кухне перед Эгером, где и поел, так же как и Гитлер. Это была обычная солдатская еда — густая похлебка со свининой. Увидев, что в похлебке есть мясо, Гитлер предпочел удовольствоваться яблоками и велел мне распорядиться, чтобы на следующий день мяса в пище не было. Наш въезд в Эгер был радостным событием. Большая часть местных жителей оделись в эгерские национальные костюмы и приветствовали Гитлера шквалом аплодисментов.

4 октября я увидел Гитлера на полевой кухне 1-й бронетанковой дивизии. Во время обеда я сел напротив него и принял участие в очень дружественной беседе, в которой все присутствующие выражали глубокое удовлетворение по поводу того, что нам удалось избежать войны. Войска стояли вдоль всей дороги, по которой сейчас проезжал Гитлер. Он приветствовал их и был восхищен их видом. Повсюду царила радость. Как и в Австрии в марте, танки были украшены цветами и зелеными ветками. Я отправился в Карлсбад, где перед театром уже ожидал почетный караул, состоящий из солдат трех подразделений — 1-го бронетанкового полка, 1-го стрелкового полка и лейб-штандарта СС. В числе солдат бронетанковой дивизии там стоял мой старший сын, находившийся в тот момент на должности адъютанта в I батальоне 1-го бронетанкового полка.

Перед приездом Гитлера едва успели перекрыть улицы. Он прошел сквозь строй почетного караула ко входу в театр, где его ждал прием местного населения. За стенами театра шел сильный дождь, а внутри царила трогательная атмосфера. Женщины и девушки в национальных костюмах плакали, многие стояли на коленях, отовсюду слышались возгласы радости. Судетские немцы испытали большие лишения, бедность, безработицу и гонения. Многие потеряли всякую надежду. Но сейчас начинался новый день. Мы немедленно принялись за работу, раздавая еду с полевых кухонь, до того момента, пока это не взяли на себя благотворительные организации.

В период с 7 по 10 октября мы занимали и остальные территории, населенные немцами. Я проследовал через Кааден (Кадань) и Заатц (Жатец) в Теплиц-Шёнау (Теплице-Шанов). Наших солдат везде встречали с радостью. На каждом танке, как и на всей остальной моторизованной технике, висели венки из цветов. Огромная толпа молодых людей и девушек на улице иногда даже мешала двигаться нам дальше. Тысячи солдат немецкого происхождения, демобилизованные из чешской армии, возвращались домой пешком, на большинстве из них была еще чешская униформа, а за плечами вещмешки — армия победила без всякого боя. Мы проследовали через первые линии чешских укреплений. Они оказались не столь крепкими, как мы предполагали; но все равно хорошо, что нам не пришлось брать их в кровопролитном бою.

Самой большой радостью для нас был мирный оборот политической ситуации. На эту полоску немецкой земли война могла бы принести особенно много бед, и многие немецкие матери потеряли бы своих сыновей.

В Теплице я остановился на постой в курзале, принадлежавшем князю Клари-Альдрингену. Князь и княгиня встретили нас радушно. Мы познакомились с членами немецкобогемской аристократии и были рады обнаружить, сколь истинными немцами они остались. Я считаю, что лорд Рансимен правильно оценил ситуацию в Чехословакии и что его взгляды в немалой степени поспособствовали сохранению мира в этот раз.

Так или иначе, политическое напряжение несколько ослабло, чему все мы были очень рады. У меня появилась возможность поохотиться на оленя, и за две недели моя коллекция трофеев пополнилась неплохими экземплярами.

1938 год подходил к концу, и солдаты, которые, как и я, не имели ничего общего с политикой, надеялись, что, несмотря на недавний бурный период, теперь настанет мир. Мы считали, что Германии предстоит заняться долгим процессом ассимиляции приобретенных территорий и новых людей; мы верили, что, закрепив свои приобретения, Германия станет таким сильным европейским государством, что сможет мирным путем достигнуть всех своих национальных целей. Я собственными глазами видел и Австрию, и Судеты; несмотря на весь энтузиазм, с которым люди радовались присоединению к рейху, экономическая ситуация на обеих этих территориях была столь плоха, а различия между структурой управления в них и в остальной части рейха были столь велики, что длительный период мира казался мне необходимым для того, чтобы произвести успешное и надежное объединение германских земель. Мюнхенское соглашение, казалось, предоставляло для этого все возможности.

Значительные успехи Гитлера в области внешней политики рассеяли зловещие впечатления о кризисе предыдущего февраля. Даже замена Бека Гальдером на посту главнокомандующего в сентябре потеряла свое значение в свете успеха в Судетах. Генерал Бек ушел со своей должности, потому что не разделял взглядов Гитлера в области внешней политики, считая их опасными. Предложение Бека о том, что всем генералам следует сделать заявление в поддержку мира, Браухич, к сожалению, отверг сразу же, и генералы так никогда и не узнали об этом. Я вернулся из Судет в Берлин в предвкушении продолжительного мирного периода и снова принялся за работу. К несчастью, я ошибался.

Обстановка снова накаляется

Ближе к концу октября по случаю открытия нового крыла гостиницы «Элефант» в Веймаре была устроена местная партийная вечеринка (Gautag). На ней присутствовал Гитлер, и меня тоже пригласили, как командующего XVI корпусом и самого старшего по званию офицера в Веймарском округе. Официальное открытие вечеринки произошло в штадтшлоссе⁷, и кульминацией его стала речь Гитлера, которую он произнес перед собравшимися на открытом воздухе. В своей речи Гитлер резко высказывался против Англии, и особенно резко – о Черчилле и Идене. Предыдущую речь Гитлера в Саарбрюккене я пропустил, поскольку был в тот момент в Судетах, и меня очень удивила эта новая напряженность. После речи Гитлера в «Элефанте» состоялось чаепитие. Гитлер пригласил меня за свой стол, и я смог пообщаться с ним на протяжении двух часов. Я спросил его, откуда такая резкость в высказываниях против Англии. Как оказалось, причиной его отношения стал тот факт, что он счел поведение Чемберлена в Годесберге по отношению к себе неприемлемым и был возмущен преднамеренной грубостью некоторых известных лиц, являвшихся к нему с визитом. Послу Англии Гендерсону Гитлер заявил так: «В следующий раз, если хоть один ваш человек придет ко мне неряшливо одетым, я велю своему послу заявиться к вашему королю в свитере. Так и передайте своему правительству». Мне он долго и с негодованием описывал случаи, воспринятые им как недоброжелательные, и заявил в итоге, что Англия не заинтересована в установлении дружественных отношений с Германией. Гитлер переживал это особенно глубоко еще и потому, что изначально он с большим уважением относился к Англии и лелеял мечту о тесном сотрудничестве между нашими двумя странами.

Несмотря на результаты Мюнхенской конференции, Германия вновь оказалась в очень тяжелом положении. От этого неутешительного факта деться было некуда. Вечером в день партийной вечеринки в Веймарском театре давали «Аиду». Я сидел в ложе фюрера, и затем меня пригласили за его стол на праздничном ужине, которым был ознаменован конец празднования. Разговор шел за ужином общий, говорили об искусстве. Гитлер рассказывал о своей поездке в Италию и о том, как был на «Аиде» в Неаполе. В два часа ночи он пересел за столик к актерам.

Когда я вернулся в Берлин, меня вызвал главнокомандующий сухопутными силами. Он рассказал мне о своем желании учредить должность, в компетенцию которой входили бы одновременно управление кавалерией и моторизованными частями — этими двумя родами войск, которые он объединил для себя термином «мобильные войска». Он собственноручно составил список прав и обязанностей, которые возлагались на человека, назначаемого на эту должность, и дал мне почитать этот черновой набросок. В нем говорилось о праве инспектирования и обязанности составления ежегодных отчетов. Но о праве отдавать приказы, контролировать подготовку, издавать инструкции, решать организационные и кадровые вопросы не было сказано ни слова. Я отказался от этой сомнительной должности.

Спустя несколько дней ко мне явился начальник управления личного состава армии генерал Бодевин Кейтель, младший брат главы ОКВ, и стал настаивать, от имени главно-командующего вооруженными силами, на том, чтобы я пересмотрел свое решение и принял эту должность. Я снова отклонил его предложение и привел свои аргументы. Тогда Кейтель сообщил мне, что идея учреждения этой новой должности принадлежала не Браухичу, а самому Гитлеру. После такого сообщения я уже не должен был напрямую отказываться. Не скрывая своей досады на то, что главнокомандующий не сообщил мне сразу, кто автор

⁷ Городской замок *(нем.). (Примеч. пер.)*

идеи, я все же еще раз отказался принять этот пост и попросил Кейтеля объяснить Гитлеру причину моего отказа и передать, что я готов объяснить все лично.

Спустя несколько дней Гитлер прислал за мной. Он принял меня без посторонних, и у меня появилась возможность высказать свою точку зрения по этому вопросу. Я описал ему организацию Верховного командования сухопутных сил и рассказал, какие функции предполагалось возложить на новую должность по проекту главнокомандующего. Между тем на должности командующего тремя бронетанковыми дивизиями, которую я в тот момент и занимал, у меня было гораздо больше возможностей повлиять на развитие бронетанковых войск. Хорошо зная всех, кто занимал ключевые посты в Верховном командовании, и имея четкое представление о том. какое у них неуверенное отношение к проблемам развития бронетанковых войск как средства крупномасштабных наступательных операций, я вынужден был расценить предполагающееся нововведение как шаг в неправильном направлении. Я объяснил, что в Верховном командовании сухопутных сил принято считать, что танки – это не более чем средство усиления и поддержки пехоты. К тому же, добавил я, опыт прошлых конфликтов на этот счет приводит к мысли о том, что развитию танковых войск могут и воспрепятствовать. Более того, предложение о слиянии бронетанковых сил с кавалерией столкнется с неодобрением представителей более старого рода войск, которые не заинтересованы в появлении соперника и должны отнестись к этому новому распределению обязанностей с недоверием. Модернизация кавалерии необходима, но даже она может встретить сильное сопротивление со стороны высшего командования армии и старших офицеров. Закончил я свой подробный доклад словами: «Той власти, которой я буду наделен на предполагаемой должности, недостаточно, чтобы преодолеть сопротивление, и постоянно будут возникать разногласия и споры. Поэтому я вынужден просить Вас позволить мне остаться на своем месте».

Я говорил больше двадцати минут подряд – Гитлер слушал меня не перебивая, а когда я закончил, сообщил мне, что, по его замыслу, занимающий ту должность, о которой идет речь, должен иметь всю полноту власти, необходимую для осуществления централизованного контроля над всеми моторизованными и кавалерийскими частями. В общем, он отклонил мою просьбу и приказал мне принять это назначение. Закончил он свою речь так: «Если вы почувствуете, что в выполнении своих задач натолкнетесь на сопротивление того рода, о котором сейчас мне говорили, то я прошу вас докладывать об этом напрямую мне лично. Мы будем вместе следить за тем, чтобы осуществлялась вся необходимая модернизация. Я приказываю вам принять эту должность».

Естественно, ни о каких докладах напрямую речи впоследствии не шло, хотя проблемы возникли незамедлительно.

Итак, меня назначили генералом бронетанковых войск и командующим «мобильными войсками», в связи с чем мне был выделен весьма скромный штаб на Бендлерштрассе. В моем распоряжении находились два офицера Генерального штаба — подполковник фон ле Сюир и капитан Рёттигер: моим адъютантом был подполковник Рибель. На каждое подразделение вверенных мне служб я получил по одному служащему. И вот я приступил к работе. Это был труд, достойный Геркулеса. На тот период не существовало никаких учебных пособий для бронетанковых войск. Мы составили их сами и представили наши черновики на одобрение отдела военной подготовки. В этом отделе не было ни одного офицера, специалиста по танкам. Наши учебные планы оценивали не с точки зрения потребностей бронетанковых войск, а руководствуясь совсем иными доводами. Их обычно возвращали назад с указанием, что «материал не отвечает принятым нормативам учебных пособий для пехоты, вследствие чего данный проект является неприемлемым». Получалось, что нашу работу оценивали в основном по формальным критериям. А потребности войск вообще не принимались в расчет.

Я считал необходимым реорганизовать кавалерию в легко управляемые подразделения с современным оружием. Поэтому я предложил новую организацию, которую тут же отклонил начальник управления общего назначения генерал Фромм, поскольку для претворения моего плана в жизнь требовалось приобретение 2000 лошадей, что этот офицер не счел целесообразным. В результате кавалерия так и осталась в прежнем неэффективном состоянии до самого начала войны. Поэтому кавалерию, за исключением единственной бригады, расположившейся в Восточной Пруссии, использовали только для образования смешанных разведывательных батальонов при пехотных дивизиях. Каждый из таких батальонов состоял из одного конного отряда, одного отряда мотоциклистов и одного моторизованного отряда, в которых не было достаточного количества бронемашин, противотанковых орудий и кавалерийского оборудования. Командовать этим пестрым конгломератом было невозможно. Более того, во время мобилизации частей кавалерии хватало только на то, чтобы пополнять подобные разведывательные батальоны в уже существующих дивизиях. Новообразованным же подразделениям оставалось только рассчитывать на мотоциклистов. Срочно требовался совместный новый подход к решению этой проблемы. Кавалерия попала в безнадежное положение, несмотря на глубокую преданность всех ее старших офицеров своему роду войск. Такова была разница между теорией и практикой.

Вот еще один случай из моей практики, из которого становится ясно, в какой ситуации я находился: приказ о моей мобилизации гласил, что в случае общей мобилизации командующий мобильными войсками должен принять командование над резервным пехотным корпусом. И только с большим трудом мне удалось вместо этого получить право командования бронетанковыми войсками.

Глава 4 Начало беды

Все ближе к войне

В марте 1939-го чешские земли вошли в состав рейха в качестве протектората. Это привело к серьезному ухудшению международной обстановки. Ответственность за этот шаг лежит лично на Гитлере. Утром в день оккупации за мной послал главнокомандующий. Он сообщил мне о свершившемся факте и приказал, чтобы я сразу же отправился в Прагу, где мне предстояло собрать данные, касающиеся продвижения наших бронетанковых войск в зимнюю непогоду, и осмотреть материальные ресурсы чешских бронетанковых войск.

В Праге я встретил своего предшественника на посту командующего XVI корпусом, генерала Гёппнера, который поделился со мной своим опытом, полученным на этом марше. Вдобавок к этому я побывал в нескольких подразделениях, чтобы узнать у участников перехода их собственные впечатления. В Брно я осмотрел оснащение чешских бронетанковых подразделений и нашел их в полном порядке. Они впоследствии сослужили нам службу в польской и французской кампаниях. В русской же кампании их полностью заменила более тяжелая немецкая боевая техника.

После Чехословакии к рейху без боя был присоединен Мемель.

20 апреля был организован грандиозный парад в честь пятидесятилетия Гитлера. Вооруженные силы всех цветов, собранные в один батальон, опускали перед ним флаги. Гитлер находился на вершине успеха. Ситуация была взрывоопасной: хватит ли Гитлеру самообладания, чтобы остановиться и основательно закрепить достигнутые свершения, или же он вздумает превзойти самого себя?

28 апреля он аннулировал англо-германское военно-морское соглашение и подписал пакт о ненападении с Польшей.

28 мая в Берлине побывал министр иностранных дел Италии граф Чиано. Министр иностранных дел Германии дал большой прием в его честь. Натянули два огромных шатра, которые заняли почти весь его сад. Но май был холодный, и шатры надо было отапливать, что являлось весьма трудной задачей. Гитлер присутствовал на этом приеме. Для развлечения гостей в одном из шатров была смонтирована сцена и устроено представление с танцами сестер Гёпфнер. Перед началом случилась небольшая заминка, так как Гитлер хотел сидеть рядом с Ольгой Чеховой, а эту леди сначала надо было найти. Гитлер вообще был неравнодушен к артисткам и наслаждался их компанией. Чиано приехал с единственной целью – предостеречь Гитлера от войны. Мне сложно сказать, оказался ли он способен выполнять инструкции Муссолини до конца своего визита.

В июне в Берлин приехал принц-регент Югославии Павел со своей красавицей невестой. Снова состоялся большой парад, главным образом моторизованных войск, в котором приняло участие такое количество подразделений, что это зрелище в итоге больше изнурило, чем впечатлило. Примечательно, что из Берлина принц-регент отправился в Лондон. Насколько я знаю, Гитлер не получил от этого визита желаемых результатов.

Тревожных знаков в политическом смысле было предостаточно. Но Гитлер и его министр иностранных дел Риббентроп убедили себя, что Запад никогда не пойдет на риск войны с Германией и что в Восточной Европе у них имеется полная свобода действий.

Летом 1939 года я был занят подготовкой крупномасштабных маневров моторизованных войск, которые планировались на осень. Они должны были проходить в Рудных Горах и Судетах. Вся проделанная работа оказалась напрасной.

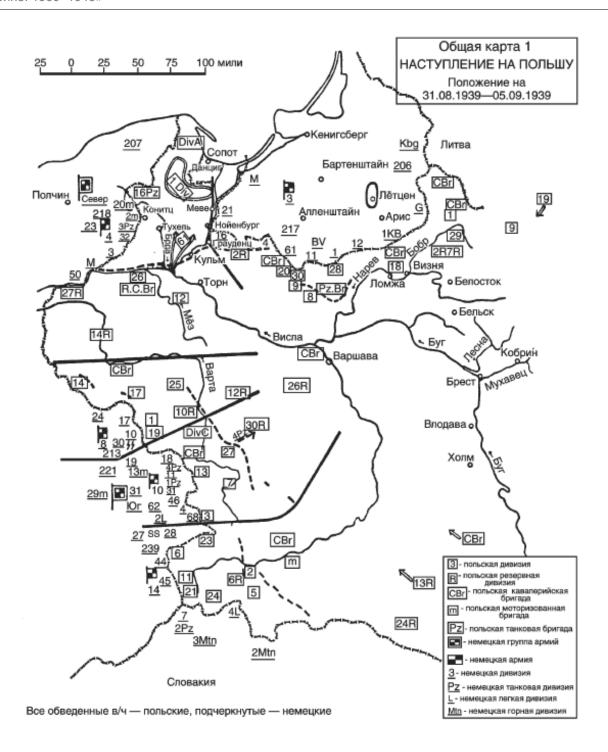
Польская кампания

22 августа 1939 года я получил приказ отправиться в тренировочный лагерь Гросс-Борн и принять командование штабом недавно созданного XIX армейского корпуса, который позже переименовали в «Фортификационный штаб Померания». Этот штаб нес ответственность за создание вдоль германской границы защитной линии укреплений, которые смогли бы успешно противостоять любой вероятной агрессии со стороны Польши. В подчинении XIX армейского корпуса, помимо войск самого корпуса, находились 3-я бронетанковая дивизия и 2-я и 20-я мотопехотные дивизии. 3-я бронетанковая дивизия была усилена учебным бронетанковым батальоном, имевшим в распоряжении самые новые наши танки – «Т-Ш» и «Т-IV». Среди частей, входящих в сам корпус, был и учебный разведывательный батальон из Дёбериц-Крампница. Эти демонстрационные подразделения из наших учебных школ были задействованы по моей просьбе, чтобы и они могли поучиться на практике. Это должно было сослужить им хорошую службу позже, по возвращении к своим прежним занятиям.

Лишь после совещания высшего командного состава с участием Гитлера в Оберзальцберге, где я не присутствовал, командующий 4-й армией генерал-полковник фон Клюге рассказал мне, в чем заключается моя задача. Я узнал, что мой XIX корпус является частью 4-й армии. Справа от меня, то есть к югу, размещался II корпус генерала Штрауса, а слева располагались пограничные войска под командованием генерала Каупиша; в случае начала военных действий последние предполагалось усилить 10-й бронетанковой дивизией, которая начиная с марта занимала Прагу и окрестности. За моим корпусом располагался армейский резерв, 23-я пехотная дивизия из Потсдама (см. приложение 2).

Моя задача состояла в том, чтобы форсировать реку Брда на участке, ограниченном справа Семпольно, а слева — Конитцем (Хойнице), и продвигаться как можно быстрее к Висле, чтобы рассечь и разгромить польские войска в так называемом польском коридоре. Корпус генерала Штрауса должен был аналогичным образом продвигаться к Висле справа от меня, а генерал Каупиш, слева от меня, должен был двигаться к Данцигу (Гданьск).

В польские силы в коридоре входило, по нашей оценке, три пехотные дивизии и Поморская кавалерийская бригада. Было у них и некоторое количество танков «Фиат-Ансальдо». Польская сторона границы была хорошо укреплена, работы по ее укреплению происходили у нас на глазах. На реке Брда ожидалась вторая линия защиты.

Наступление должно было произойти рано утром 26 августа.

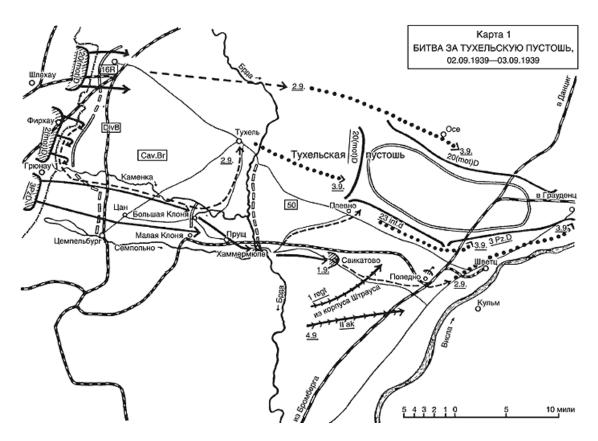
Заключив секретное соглашение с русскими в течение этих дней, Гитлер получил гарантии безопасности на случай войны. Под влиянием Риббентропа крепли иллюзии по поводу реакции держав Запада — считалось маловероятным, что они объявят войну.

В любом случае теперь, задним числом, я могу уверенно заявлять, что в целом настроение армии было мрачным, и, если бы не договор с русскими, нельзя было бы предугадать, какой окажется реакция армии. Мы шли на войну без радости, и не было ни одного генерала, который не хотел бы мира. Старшие офицеры и много тысяч рядовых прошли через Первую мировую войну. Они знали, во что превратится война, если не ограничится просто кампанией против Польши, а были причины опасаться, что не ограничится, ведь после образования Богемского протектората Британия гарантировала Польше неприкосновенность. Каж-

дый из нас думал о матерях и женах наших солдат и о тяжелых потерях, которые мы понесем, даже если победим в войне. Наши собственные дети тоже были в армии. Мой старший сын Хайнц Гюнтер был полковым адъютантом в 35-м бронетанковом полку, а младший, Курт, служил в звании второго лейтенанта в 3-м бронетанковом разведывательном батальоне 3-й бронетанковой дивизии — то есть в моем корпусе.

Моим последним пунктом пребывания перед войной был Добрин, недалеко от Прейсиш-Фридланда, где нас усердно баловали наши дорогие хозяева, фон Вилкенсы.

В ночь с 25 на 26 августа наступление было отменено в последний момент. Некоторые части уже начали продвигаться, и их пришлось возвращать; в общем, было понятно, что вовсю идут дипломатические маневры. Последний раз вспыхнула искорка надежды, что мир еще можно сохранить. Но никаких добрых вестей войска так и не дождались. 31 августа вновь была объявлена тревога, и на сей раз все оказалось серьезно. Дивизии выдвинулись на передовые позиции, с которых им предстояло следовать через границу. Расположение войск XIX армейского корпуса было таково: на фланге справа двигалась 3-я бронетанковая дивизия под командованием генерала барона Гейра фон Швеппенбурга, путь которой лежал меж двух рек – Семпольно и Каменкой – к Брде, которую следовало форсировать восточнее Пруща в окрестностях Хаммермюле, и далее – к Висле в направлении Шветца (Свеце); в центре – 2-я мотопехотная дивизия под командованием генерала Бадера, располагавшаяся к северу от Каменки между Грюнау и Фирхау; ее задачей было прорвать линию польской пограничной обороны и продвигаться к Тухелю (Тухоль); и на фланге слева размещалась 20я мотопехотная дивизия под командованием генерала Викторина, располагавшаяся к западу от Конитца и имевшая задачу занять его, а затем продвигаться через Тухельскую пустошь к Оше (Осе) и Грауденцу (Грудзёндз).

Основной удар планировалось нанести силами 3-й бронетанковой дивизии, которая была усилена войсками корпуса и за которой следовал армейский резерв (23-я пехотная дивизия).

1 сентября в 04.45 весь корпус одновременно пересек границу. В начале операции стоял густой туман, не оставлявший военно-воздушным силам возможности оказывать нам какуюлибо поддержку. Я прошел с 3-й бронетанковой бригадой, в первых ее рядах, вплоть до северных окрестностей Цемпельбурга, где начались первые бои. К сожалению, офицеры тяжелой артиллерии 3-й бронетанковой дивизии посчитали, что ситуация требует от них открыть огонь, пусть даже и в туман, хотя и имели приказ не делать этого. Первый залп разорвался в 50 ярдах перед моей машиной, второй — в 50 ярдах позади нее. Я рассчитал, что следующий попадет прямо в мою машину, и отдал приказ своему водителю развернуться и мчаться прочь. Однако от волнения тот на полном ходу въехал прямо в воронку от снаряда. Передняя ось полугусеничной машины погнулась, и рулевое управление вышло из строя. Это означало, что моей поездке конец. Я отправился на командный пункт, добыл себе новое транспортное средство, а заодно высказал пару ласковых не в меру ретивым артиллеристам. Кстати, наверное, я стал первым командующим, сопровождавшим свои танки на поле боя в бронемашине.

В моих машинах имелась радиосвязь, так что я был в состоянии поддерживать постоянный контакт и со штабом своих частей, и с самими дивизиями. Первое серьезное сражение произошло к северу от Цемпельбурга в районе Большой Клони, где внезапно туман рассеялся и передние танки вдруг оказались лицом к лицу с польскими линиями укрепления. Польские противотанковые орудия нанесли много точных ударов. Один офицер, один курсант военного училища и восемь солдат были убиты.

Большая Клоня когда-то принадлежала моему прадеду, барону Хиллеру фон Гертрингену. Здесь же был похоронен и мой дедушка Гудериан, и здесь же родился мой отец. Я впервые увидел поместье, столь любимое когда-то моей семьей.

Успешно заменив машину, я вернулся в 3-ю бронетанковую дивизию, большая часть авангарда которой к тому времени достигла Брды. Основные силы дивизии растянулись между Прущем и Малой Клоней, планировался привал. Командир дивизии отсутствовал вследствие того, что был вызван к командующему группой армий генерал-полковнику фон Боку. Я попросил офицеров 6-го бронетанкового полка рассказать мне о ситуации на Брде, которую они видели собственными глазами. По мнению командира, форсировать реку в тот же день было невозможно, и он рад был исполнять долгожданные приказы относительно отдыха. Приказ по корпусу пересечь Брду в первый же день наступления, похоже, забыли. Я в ярости ушел, раздумывая над тем, какие меры предпринять, чтобы улучшить столь неудачную ситуацию. Ко мне подошел молодой лейтенант Феликс. Он был без мундира, рукава его рубашки были закатаны, а руки — черны от пороха.

— Господин генерал, — обратился ко мне он, — я только что прибыл с Брды. Силы неприятеля на том берегу невелики. Поляки пытались поджечь мост в Хаммермюле, но я помешал им сделать это, открыв огонь из танка. По мосту можно пересечь реку. Наступление остановилось только потому, что некому им руководить. Вам нужно быть там.

Я смотрел на молодого человека в изумлении. Он производил хорошее впечатление, в глазах его сияла уверенность. Не такой ли молодой лейтенант когда-то выдумал приписываемый Колумбу трюк с яйцом? Я последовал его совету и поехал посреди стоявших то тут, то там в беспорядке немецких и польских транспортных средств по узкой песчаной дороге, которая вела через лес к Хаммермюле, куда я прибыл между 16.00 и 17.00. Группа офицеров стояла ярдах в ста от реки, укрывшись за могучим дубом. Увидев меня, они закричали: «Господин генерал, здесь стреляют!» Там действительно стреляли – как орудия танков 6-го бронетанкового полка, так и винтовки солдат 3-го стрелкового. На том берегу неприятельские войска попрятались по траншеям. В первую очередь я прекратил эту дурацкую пальбу, в чем мне очень помог только что прибывший командир 3-й стрелковой бригады полковник Ангерн. Покончив с этим, я приказал добраться до вражеских позиций. Не задействованные

доселе бойцы 3-го мотострелкового батальона переправились через реку в резиновых лодках в том месте, где неприятель не обстреливал переправу. Когда они пересекли успешно реку, я отдал приказ танкам переправиться по мосту. Защищавший водный рубеж отряд польских самокатчиков был взят в плен. Обошлось практически без потерь.

Все имеющиеся войска были немедленно брошены на создание предмостных укреплений. 3-му бронетанковому разведывательному батальону было приказано выдвигаться прямо через Тухельскую пустошь до берега Вислы в районе Шветца, с задачей определить местонахождение основных польских сил и резервных войск, если таковые имелись. Приблизительно в 18.00 форсирование Брды было завершено. За ночь 3-я бронетанковая дивизия добралась до своей конечной цели — Свикатова.

В сумерках я вернулся в свой штаб в Цане. Вся долгая дорога была пуста. Не было слышно ни выстрела. Поэтому я был тем более поражен, когда меня остановили в предместьях Цана люди моего собственного полка в стальных касках, занимавшиеся приведением в готовность противотанкового оружия. На мой вопрос, что происходит, мне был дан ответ, что польская конница продвигается к нам и будет здесь в любую минуту. Я успокоил их и занялся штабной работой.

В сообщениях 2-й мотопехотной дивизии утверждалось, что их наступление на польские проволочные заграждения оказалось неудачным. Все три полка пехоты были брошены на прорыв, и дивизия осталась без резервов. Я приказал левофланговому полку оставить свои позиции и переместиться ночью на правый фланг, чтобы на следующий день наступать вслед за 3-й бронетанковой дивизией и по дуге продвигаться в сторону Тухеля.

20-я мотострелковая дивизия с некоторыми затруднениями взяла Конитц, но дальше практически не продвинулась. Было приказано продолжить наступление на следующий день.

В течение ночи волнение первого дня боев не раз дало о себе знать. Вскоре после полуночи поступило сообщение от 2-й мотопехотной дивизии о том, что польская конница вынуждает их отступить. Я онемел на мгновение; когда же вновь обрел дар речи, то спросил командира дивизии, слышал ли он когда-либо, чтобы померанские гренадеры были разбиты вражеской конницей. Он ответил, что нет, и на этот раз заверил меня, что сможет удержать положение. Я отметил для себя, что все равно следует на следующее утро туда наведаться.

Когда я прибыл в расположение дивизии около пяти часов, она находилась все там же. Я встал во главе полка, который отозвали за ночь, и лично вел его до самой Каменки на север Большой Клони, где я расстался с ними, направившись в сторону Тухеля. Дальше наступление 2-й мотопехотной дивизии было успешным. Паника первого дня военных действий улеглась.

Третий бронетанковый разведывательный батальон добрался до Вислы за ночь. На ферме Поледно возле Шветца батальон понес значительные потери среди офицерского состава, причиной чему была небрежность. Основные силы 3-й бронетанковой дивизии были разделены Брдой, и утром поляки напали на подразделения на восточном берегу. Только к полудню началось контрнаступление, и дивизия смогла продолжить продвижение через лес. 23-я пехотная дивизия следовала за 3-й бронетанковой дивизией. Обе мотопехотные дивизии быстро продвигались по Тухельской пустоши.

3 сентября 23-я пехотная дивизия под командованием генерала графа Бокдорфа была распределена между 3-й бронетанковой дивизией, которая двигалась к Висле, и 20-й мотопехотной дивизией; с помощью этого маневра, после множества критических моментов и тяжелых боев, нам удалось полностью окружить неприятеля в лесистой местности к северу от Шветца и к западу от Грауденца. Поморская кавалерийская бригада поляков, не зная ничего о наших танках, набросилась на них с саблями и копьями и понесла огромные потери. Наши

танки напали на марше на польский артиллерийский полк, двигавшийся к Висле, и полностью его разгромили. Только два орудия из всего полка успели выстрелить. Польская пехота тоже понесла огромные потери. Их войска снабжения были частично захвачены нами во время отступления и уничтожены.

4 сентября петля вокруг окруженного неприятеля затянулась. Битва за коридор подходила к концу. На какое-то время 23-я пехотная дивизия попала в затруднительное положение, но один из полков 32-й пехотной дивизии генерала Штрауса быстро исправил ситуацию.

Войска сражались прекрасно и находились в отличном расположении духа. Наши потери среди солдат были небольшими, но наши потери среди офицеров были непропорционально тяжелыми из-за того, что они бросались в бой с чувством сильнейшей преданности своему долгу. Генерал Адам, государственный секретарь фон Вейцзекер и полковник барон фон Функ потеряли своих сыновей в польскую кампанию.

3 сентября я посетил 23-ю пехотную и 3-ю бронетанковую дивизии, получив таким образом возможность повидать своего сына Курта, а также башни Кульма, где я родился, сверкавшие на солнце на том берегу Вислы. 4-го я побывал во 2-й и 20-й мотопехотных дивизиях, которые с боями продвигались через лес вперед; к концу дня я добрался до бывшей немецкой военной тренировочной базы Группе, что к востоку от Грауденца. Ночью я был уже в 3-й бронетанковой дивизии, которая, оставив позади Вислу, продвигалась на запад, чтобы уничтожить остатки врага.

Коридор был пройден. Мы были готовы к новым операциям. Пока мы сражались, политическая ситуация ухудшалась все больше. Англия, а под давлением Англии и Франция, объявили войну рейху. Наша надежда на скорое заключение мира была похоронена. Мы оказались втянуты во Вторую мировую войну. Было ясно, что это продлится долго и что нам придется проявить всю стойкость, на которую мы были только способны.

5 сентября наши войска неожиданно посетил Адольф Гитлер. Я встретил его возле Плевно, на дороге Тухель – Шветц, сел в его машину, и мы поехали по дороге, по которой недавно продвигались с боями. Наш путь пролег мимо разгромленной польской артиллерии, через Шветц, а затем, держась чуть позади войск, занятых окружением противника, направились в Грауденц, где Гитлер остановился и с удивлением смотрел какое-то время на взорванные мосты над Вислой. При виде остатков разгромленного артиллерийского полка Гитлер спросил меня:

– Это работа наших тяжелых бомбардировщиков?

И очень удивился, когда я ответил:

– Нет, наших танков!

Между Швецем и Грауденцем расположились части 3-й бронетанковой дивизии, не задействованные в окружении поляков. В их числе были 6-й бронетанковый полк и 3-й бронетанковый разведывательный батальон, где служил мой сын Курт. Обратно мы ехали через расположение частей 23-й пехотной и 2-й мотопехотной дивизий. Во время поездки мы обсуждали ход событий на моем участке фронта. Гитлер спросил о потерях. Я назвал ему последние цифры, которые у меня были, 150 убитых и 700 раненых во всех четырех дивизиях, которыми я командовал во время битвы за коридор. Он был удивлен столь малым количеством потерь, сравнив эти цифры с потерями его собственного полка, «Лист», во время Первой мировой войны — в первый же день сражений потери одного полка составили 2000 убитыми и ранеными. Мне удалось доказать ему, что таких небольших потерь в сражении против стойкого и храброго врага нам удалось достичь только благодаря эффективности наших танков. Танки — это оружие, спасающее жизни. Вера солдат в превосходство их бронетанковых машин усилилась после успешных боев за коридор. Были полностью уничтожены две-три пехотные дивизии и одна конная бригада неприятеля. В наших руках оказались тысячи пленных и сотни трофейных орудий.

Приблизившись к Висле, мы увидели за рекой очертания города.

Гитлер спросил, Кульм ли это. Я ответил:

 Да. Это Кульм. В марте прошлого года я имел честь приветствовать вас в городе, где вы родились, а сегодня вы со мной в городе, в котором родился я. Я родился в Кульме.

Спустя много времени Гитлер еще вспоминал эту сцену.

Затем наш разговор коснулся технических вопросов. Гитлер хотел знать, в чем наши танки доказали свое преимущество, а в чем еще требуются доработки. Я сказал, что самое важное сейчас — ускорить поставку в части танков «Т-Ш» и «Т-IV» и увеличить их производство. При их доработке следует учесть, что скорость у них хорошая, но надо усилить их броню, особенно в лобовой части; дальнобойность и пробивную силу их орудий тоже следует повысить, для чего нужно удлинить орудийный ствол и увеличить мощность снарядов. То же самое было сказано и относительно противотанковых орудий.

Выразив признательность за достигнутые успехи наших войск, Гитлер уехал, как только начало смеркаться, и вернулся в штаб.

Следует отметить, что гражданское население, выбравшееся из своих укрытий, когда кончились военные действия, радостно приветствовало Гитлера, который проезжал мимо них, и забрасывало его цветами. Город Шветц был украшен нашими флагами. Визит Гитлера оказал положительное влияние на настроение солдат. К сожалению, позже, во время войны, Гитлер посещал фронт все меньше и меньше, а в конце войны не появлялся там вовсе. Таким образом он потерял духовную связь с армией и был уже не в состоянии понять ее успехи и тяготы.

6 сентября авангарды дивизий перешли Вислу. Штаб расположился в Финкенштейне, в прекрасном замке, который принадлежал графу Дона-Финкенштейну. Этот замок Фридрих Великий подарил своему министру, графу фон Финкенштейну. Наполеон дважды использовал этот замок под свой штаб. Первый раз император пришел сюда в 1807 году, когда шел войной на Пруссию и Россию через Вислу в Восточную Пруссию. Пройдя через бедную и унылую Тухельскую пустошь, Наполеон воскликнул при виде замка: «Enfin un chateau!» Его чувства можно было понять. Именно здесь он планировал свое наступление на Прейсиш-Эйлау. В замке до сих пор оставался вещественный след пребывания императора в виде царапин от его шпор на деревянном полу. Второй раз он был здесь перед походом на Россию в 1812 году — в тот раз он провел несколько недель в замке в компании прекрасной графини Валевской.

Я спал в комнате Наполеона.

К сожалению, наш хозяин граф Дона из-за болезни находился в клинике в Берлине, и я не имел чести познакомиться с ним и с графиней. Однако он был достаточно любезен, чтобы написать мне, что его олени — в полном моем распоряжении. Поскольку никаких известий о предстоящих боевых задачах не поступало — известно было лишь, что мы выходим из состава 4-й армии и поступаем в непосредственное подчинение командующему группой армий фон Боку, — я решил, что мой воинский долг не пострадает, если я воспользуюсь этим предложением. Поэтому, пока мои войска в ночь с 7-го на 8-е переходили реку, я отправился на охоту, которая оказалась удачной, мне повезло завалить большого двенадцатирогого быка. Моим сопровождающим в этом предприятии был сам графский лесничий, лично настоявший на этом праве.

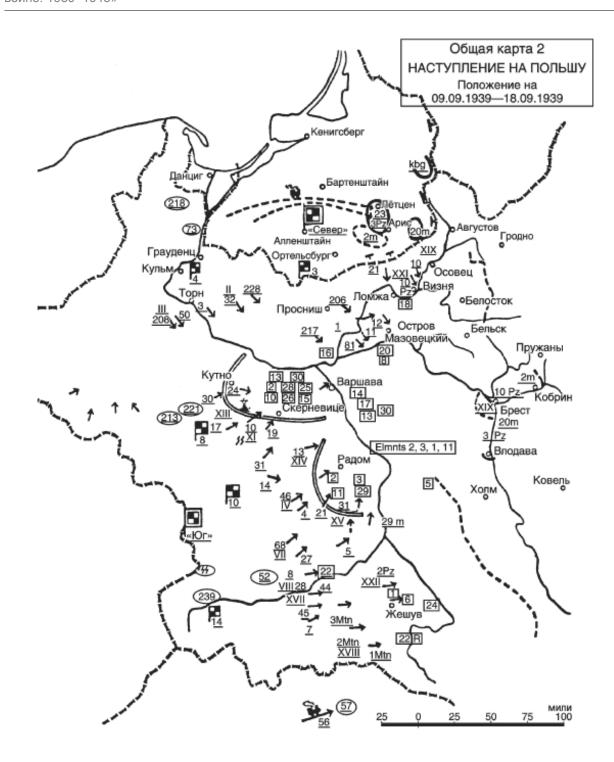
8 сентября все мои дивизии уже переправились на другой берег возле Мёве и Каземарка, и события стали развиваться быстрее. Вечером меня вызывали в штаб группы армий

⁸ «Наконец-то замок!» (фр.) (Примеч. пер.)

в Алленштайне (Ольштын) за некими распоряжениями. Около 19.30 я отбыл из Финкенштейна и получил все распоряжения между 21.30 и 22.30.

Первоначально в штабе группы армий планировали ввести мои части в состав 3-й армии генерала фон Кюхлера; мы должны были действовать в тесном сотрудничестве с его левым флангом, двигаться из окрестностей Ариса (Ожиш) через Ломжу и подойти к Варшаве с востока. Было очевидно, что при «тесном взаимодействии» с пехотой у меня не будет возможностей полностью использовать потенциал своих войск. Я указал на то, что предполагаемый план операции не позволит моим частям двигаться с той скоростью, на какую они способны, а если мы будем наступать недостаточно быстро, то сосредоточенные в районе Варшавы польские войска смогут отойти на восток и организовать там новую линию обороны вдоль реки Буг. В связи с этим я предложил начальнику штаба группы армий генералу фон Зальмуту, чтобы мой бронетанковый корпус оставался в непосредственном подчинении группы армий и наступал слева от армии Кюхлера через Визню, по левому берегу Буга, направляясь на Брест. Это предотвратило бы любые попытки поляков к созданию каких бы то ни было новых оборонительных линий. Зальмут и генерал-полковник фон Бок согласились со мной; я получил необходимые распоряжения и отправился на тренировочную базу Арис, откуда распространил по корпусу распоряжения по части наступления в направлении реки Нарев. Из старых дивизий у меня остались 3-я бронетанковая и 20-я мотопехотная. Вторую мотопехотную из-под моего командования вывели и перевели в резерв группы армий. Вместо нее в подчинении моего XIX корпуса оказались 10-я бронетанковая дивизия, ранее являвшаяся частью армии Кюхлера, и гарнизонная пехотная бригада «Лётцен», новообразованное подразделение из солдат более старшего возраста. В это время и дивизия, и бригада сражались на реке Нарев под Визней.

9 сентября в Арисе обеим дивизиям, которые оставались в моем распоряжении, все приказы были отданы от 2.00 до 4.30, после чего я уехал в Корзенисте (Коженисти), что в 17 километрах к северу от Ломжи, чтобы нанести там визит генералу фон Фалькенхорсту, командующему XXI армейским корпусом, ныне соседствовавшим справа с моими войсками. Я хотел услышать, как он опишет ситуацию и что скажет о частях, поступивших под мое командование. Я прибыл туда между 5.00 и 6.00, разбудил офицеров и заставил их рассказать о предыдущих боях, происходивших на их фронте. Я узнал, что попытки захватить Ломжу с ходу успехом не увенчались, частью из-за упорного сопротивления поляков, а частью ввиду неопытности наших войск. ХХІ армейский корпус расположился на северном берегу Нарева.

В 8.00 я прибыл в Визню, где располагался штаб 10-й бронетанковой дивизии. С начальником штаба генералом Шаалем произошел несчастный случай, и теперь дивизией командовал генерал Штумпф, который и сообщил мне, что его пехота переправилась через реку и доложила о захвате ключевых польских укреплений в данном секторе. Боевые действия продолжались. Воодушевившись новостями, я поехал дальше, в расположение бригады «Лётцен». Изначально это подразделение создавалось для того, чтобы служить гарнизоном этих укреплений, но сейчас им приходилось с боем форсировать Нарев. Бригада и ее командующий полковник Галл произвели на меня прекрасное впечатление. Они переправились через реку и перешли в наступление. Меня вполне удовлетворили меры, предпринимаемые командиром бригады, и я вернулся в 10-ю бронетанковую дивизию.

Вернувшись в Визню, я с разочарованием узнал, что утренний доклад о победах пехоты был подан по недоразумению. На самом деле пехотинцы переправились через реку, но до бетонных укреплений на дальнем берегу не добрались. Никаких боевых действий не велось. Тогда я сам переправился через реку, чтобы пообщаться с командиром полка. Найти его командный пункт мне не удалось; штаб батальона тоже был очень хорошо спрятан. Я оказался на переднем крае фронта. Танков дивизии нигде не было видно — они все находились еще на северном берегу Нарева. Я послал адъютанта назад с приказом танкам начать переправу. На переднем крае творилось что-то невообразимое. На вопрос, что происходит, я получил ответ, что это смена частей на передовой. Больше всего это напоминало развод караулов. Как наступать, солдаты не имели никакого понятия. Наводчик тяжелой артиллерии сидел посреди пехотинцев и не имел ни малейшего представления, что ему здесь делать. Где противник, не знал никто — разведки не проводилось вообще никакой.

В первую очередь я прекратил восхитительное маневрирование сменяющихся войск, а во вторую – вызвал к себе командиров полка и батальонов. Наводчику я приказал накрыть огнем польские позиции. Когда наконец появился командир полка, я тут же отправился с ним на передовую. Мы подошли вплотную к бетонным укреплениям, дальше была зона обстрела, и вдруг наткнулись на расчет немецкого противотанкового орудия, храбрый командир которого продвинулся на этот рубеж по собственной инициативе. Отсюда и началось наше наступление. Я был крайне разочарован увиденным и не скрывал этого.

Вернувшись к Нареву, я обнаружил, что бронетанковый полк до сих пор находится на северном берегу. Командир полка получил приказ переправляться через реку немедленно и как можно быстрее. Поскольку мосты готовы еще не были, танки пришлось переправлять паромами. Начать наступление представилось возможным только в 18.00. Наступление увенчалось успехом, наши потери были минимальны. При энергичном и решительном руководстве тех же результатов можно было достичь еще утром.

Перед тем как отправиться в штаб своего корпуса, который находился теперь в Визне, я отдал офицеру инженерных войск, ответственному за наведение мостов, как письменный, так и устный приказ — наводить мосты через Нарев со всей возможной скоростью, поскольку в них была срочная необходимость: требовалось переправить на другую сторону 10-ю, а за ней и 3-ю танковые дивизии.

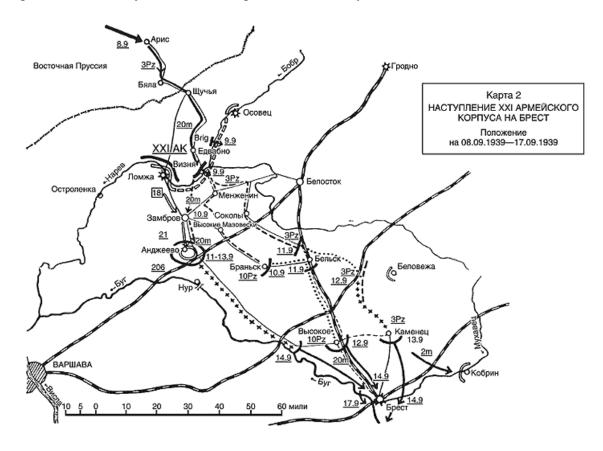
Прибыв в штаб, я издал приказы к выполнению на следующий день: 20-й мотопехотной дивизии — переправиться через Нарев с правого фланга от 10-й танковой, а 3-й танковой — следовать за 10-й. Ночевали мы в новом доме викария Визни; дом был недостроенным и почти нежилым, но все прочие дома были еще хуже.

В 5.00 10 сентября мне доложили, что мосты через Нарев, которые должны были быть готовы к полуночи, по приказу командующего 20-й мотопехотной дивизией разобраны и сплавлены вниз по течению, где предполагалось собрать их для переправки его дивизии. Обе же танковые дивизии теперь оставалось переправлять исключительно на паромах. Я был в отчаянии. Офицер инженерной службы не проинформировал командующего дивизией о моем приказе; последний же действовал из самых лучших побуждений. Теперь оставалось только ждать до вечера, когда для танков построят новый мост.

В тот день 20-я мотопехотная дивизия генерала Викторина вела тяжелые бои под Замбровом. Основные силы дивизии двигались маршем к Бугу по направлению к Нуру.

Я выслал учебный разведывательный батальон впереди дивизии, и он дошел до места переправы через Буг, не встретив по пути никакого сопротивления. 10-я бронетанковая дивизия с боями продвигалась к Браньску. Я следовал вместе с дивизией до вечера и провел ночь в горящей деревне Высокие Мазовески. Штаб моего корпуса, переправившийся тем вечером через Нарев и двигавшийся вслед за мной, не смог проехать через небольшую деревушку к северу от Высоких Мазовесок, которая горела, поэтому нам пришлось ночевать врозь. С

точки зрения управления войсками это было крайне досадно. Я слишком рано отдал приказ о переезде штаба — лучше было бы провести еще одну ночь в Визне.

Утро 11 сентября я провел в нетерпеливом ожидании своего штаба. Польские войска, отступая на юго-восток от Ломжи, встали на пути наступления 20-й мотопехотной дивизии где-то южнее Замброва и доставили ей немало хлопот. Командующий дивизией приказал авангарду своих войск, отрезанному поляками, повернуть обратно, чтобы противник оказался захваченным в клещи. Я послал ему на помощь часть 10-й бронетанковой дивизии. Между тем по 3-й бронетанковой дивизии, продвигавшейся левее 10-й, прошел слух, что я в опасности и что поляки могут окружить меня в Высоких Мазовесках. Поэтому к Высоким Мазовескам мне на выручку отправился 3-й мотострелковый батальон. Увидев меня целым и невредимым посреди улицы, солдаты очень обрадовались. Мне было приятно видеть искренние чувства со стороны мотоциклистов.

Штаб корпуса провел эту ночь в Высоких Мазовесках.

12 сентября 20-я мотострелковая дивизия, совместно с присланными ей на помощь подразделениями 10-й бронетанковой дивизии, сумела довершить окружение поляков под Анджеевом. 10-я бронетанковая дивизия дошла до Высокого, а 3-я — до Вельска. Сам же я приехал в Вельск вместе с авангардом разведывательного батальона и получил донесения разведчиков из первых рук. Днем я встретился с сыном Куртом.

Штаб корпуса перебрался в Вельск. 2-я мотопехотная дивизия была высвобождена из резерва группы армий и снова попала под мое командование. Она получила приказ наступать по линии Ломжа — Вельск и таким образом воссоединиться с корпусом. В приказе говорилось: «Командиру дивизии — двигаться первым». Утром 13-го генерал Бадер, выполняя приказ, оторвался от своей дивизии и, сопровождаемый лишь грузовиком с радиостанцией, наткнулся между Браньском и Вельском на отряд поляков, которым удалось вырваться из окружения под Анджеевом. Он провел несколько часов в достаточно напряженной обста-

новке, под обстрелом, пока его толковый радист не смог связаться с нами и мы не пришли на выручку. Этот случай послужил нам уроком.

В тот день поляки под Анджеевом сдались. Среди пленных оказался командир 18-й польской дивизии. 3-й бронетанковый полк дошел до Каменца. Разведка дошла уже до Бреста, и приказ штурмовать эту крепость уже был отдан. Ночь мы провели в Вельске.

Нам стало известно, что польская армия вышла к знаменитой Беловежской Пуще. Однако я не хотел ввязываться в лесные сражения, потому что они отвлекли бы нас от основной цели — взятия Бреста, связав при этом значительную часть наших войск. Поэтому я оставил на подступах к лесу лишь наблюдателей.

14 сентября часть 10-й бронетанковой дивизии, а именно — разведывательный батальон и 8-й бронетанковый полк, прорвали линию внешних укреплений Бреста. Я немедленно приказал всему корпусу как можно быстрее наступать на Брест, чтобы как можно полнее использовать этот неожиданный успех.

Переночевали мы в Высоком.

15 сентября кольцо вокруг Бреста замкнулось на восточном берегу Буга. Попытка взять крепость внезапным танковым штурмом провалилась из-за того, что поляки перекрыли ворота старым танком «рено», и наши танки не смогли въехать внутрь.

Штаб корпуса расположился в ту ночь в Каменце.

20-я мотопехотная и 10-я танковая дивизии готовились к совместному штурму крепости 16-го числа. Они обрушились на внешнюю стену, но тут наступление приостановилось из-за неспособности пехотного полка 10-й бронетанковой дивизии наступать, как это было приказано, непосредственно за огневым валом, который обеспечивала артиллерия. Когда же полк, в первых рядах которого находился и я, наконец-таки бросился в наступление – запоздалое, и уже без приказа, – это наступление было отбито с тяжелыми потерями с нашей стороны. Мой адъютант, подполковник Браубах, был тяжело ранен и несколько дней спустя скончался от полученных ранений. Огонь из задних рядов наших частей накрывал наши же собственные передние ряды; подполковник отправился туда, чтобы прекратить беспорядок, и польский снайпер с бастиона выстрелил в него с расстояния 100 метров. Это была тяжелая утрата.

3-я бронетанковая дивизия, обогнув Брест с востока, двинулась на юг, к Влодаве; следовавшая за ней 2-я мотопехотная – на восток, на Кобрин.

Штаб корпуса остался в Каменце.

Утром 17 сентября крепость взял 76-й пехотный полк под командованием полковника Голлника, переправившийся за ночь на западный берег Буга. Захват крепости произошел в тот момент, когда польский гарнизон собирался прорываться на запад по уцелевшему мосту через Буг. Эта победа ознаменовала собой завершение кампании. Штаб корпуса перебазировался в Брест, расположившись там в Войводшафте. С востока, как нам стало известно, подходили русские.

Польская кампания стала для моих бронетанковых войск истинным крещением огнем. Я убедился, что они полностью доказали свою боеспособность и что усилия, затраченные на их создание, окупились сторицей. Мы растянулись вдоль Буга, лицом на запад, готовые встретить остатки польской армии. Тыл корпуса прикрывала 2-я мотопехотная дивизия, которой еще предстояли тяжелые бои перед Кобрином. Мы в любой момент ждали подхода бронетанковых войск с юга. Авангард наших разведывательных сил достиг Любомля.

Между тем мы снова соединились с 4-й армией под командованием генерал-полковника фон Клюге и снова попали под его подчинение. Столь храбро сражавшаяся на Нареве бригада «Лётцен» в течение еще нескольких дней продолжала быть нашим левым флангом, а затем вошла в состав 4-й армии. По приказу 4-й армии XIX армейский корпус двинулся вперед — одна дивизия на юг, другая — на восток и третья — на северо-восток к Белостоку.

Такие маневры раскололи бы корпус, и управлять им стало бы совершенно невозможно; но прибыли русские, вследствие чего приказ был отменен.

Первым появился молодой офицер на разведывательной бронемашине, который сообщил, что к нам движется танковая бригада русских. Мы узнали о демаркационной линии, о которой договорилось министерство иностранных дел; поскольку границей должен был стать Буг, то Брест отходил русским. Мы восприняли такое решение без восторга; к тому же нам было заявлено, что покинуть всю территорию восточнее демаркационной линии мы должны до 22 сентября. За этот срок мы не успели бы даже вывезти всех раненых и отремонтировать поврежденные танки. Наверное, при принятии решения о демаркационной линии и прекращении огня не присутствовало ни одного военного.

Произошло в Бресте и еще одно небольшое событие, заслуживающее, на мой взгляд, упоминания. Епископ Данцигский О'Рург и архиепископ Польский кардинал Хлонд бежали из Варшавы на восток. Прибыв в Брест, оба духовных лица были крайне изумлены, встретив там немцев. Кардинал бежал на юго-восток и добрался до Румынии. Епископ же направился на северо-восток и попал прямиком к нам в руки. Он попросил моей аудиенции, и я охотно согласился. Он не знал, где окажется в безопасности, и уж точно ни при каких обстоятельствах не хотел попасть к русским, и я предложил ему отправиться вместе с одной из моих транспортных колонн, курсировавших между нами и Кенигсбергом. Там он мог связаться с епископом Эрмландским и получить покровительство последнего. Епископ принял мое предложение и вместе со своей свитой невредимым покинул зону военных действий. Позже он написал мне очаровательное благодарственное письмо, где много распространялся о рыцарских традициях офицерского корпуса Германии.

В день передачи города русским прибыл комбриг Кривошеий. Он был танкист и немного знал французский, так что мы могли пообщаться. Все вопросы, которые не были решены на уровне министерства иностранных дел, мы вполне по-дружески решили с русскими на месте. Нам дали возможность забрать всю свою технику, польские же трофеи пришлось оставить, потому что наладить транспортное снабжение для их вывоза мы не успевали. В завершение нашего пребывания в Бресте был дан прощальный парад с обменом флагами в присутствии комбрига Кривошеина.

До того как оставить стоившую нам столько крови крепость, 21 сентября я проводил в последний путь своего адъютанта, подполковника Браубаха. Я глубоко скорбел о потере этого храброго и способного товарища. Само по себе его ранение и не было смертельным, но началось заражение крови, что в сочетании с и без того ослабленным сердцем привело к печальному исходу.

Вечером 22 сентября мы прибыли в Замбров. 3-я бронетанковая дивизия уже отбыла в направлении Восточной Пруссии, остальные тянулись позади. Корпус расформировывали.

23 сентября мы расквартировались в Галлингене, прекрасном имении графа Бото-Венд цу Ойленбург. Сам граф был в армии, и нас развлекали его жена и красавица дочь. Несколько дней мы наслаждались мирным отдыхом, и это пришлось весьма кстати после всех волнений и усталости военной кампании.

Мой сын Курт перенес боевые действия хорошо. О старшем сыне, Хайнце, известий не было. Впрочем, за всю кампанию полевая почта из дома ни разу не доходила до армии.

Это было сильное упущение. Мы все надеялись на скорый перевод домой, где мы могли бы как можно скорее привести себя в хорошую форму.

Надеялись мы и на то, что та быстрота, с которой мы захватили Польшу, принесет политические плоды и что державы Запада склонятся теперь к заключению мира. Мы считали, что, если этого не произойдет, Гитлер в скором времени примет решение о начале

военной кампании на Западе. К сожалению, не произошло ни того, ни другого. Мы вступали в период «drôle de guerre»⁹, по выражению Черчилля.

Выпавшие мне свободные деньки я провел в гостях у своих родственников из Восточной Пруссии, где я встретил к тому же своего племянника из Западной Пруссии, которого насильно забрали в польскую армию и который теперь был освобожден из плена, чтобы послужить собственной нации.

9 октября штаб моего корпуса был перемещен в Берлин. По дороге я еще раз заехал к своим родственникам в Западной Пруссии — они пережили немало, в том числе знаменитое «кровавое воскресенье» Бромберга. Заехал я ненадолго и в свой родной Кульм и нашел там дома, где жили мои родители и бабушка. Так я в последний раз увидел свой первый дом.

Вернувшись в Берлин, я с огромной радостью вновь повидался со своим старшим сыном – он был награжден Железным крестом, как первой, так и второй степени. Под Варшавой он участвовал в тяжелых боях.

Не могу закончить рассказ о польской кампании, не упомянув о своем штабе, который, под руководством начштаба полковника Неринга, проделал великолепную работу. Разумным решениям и первоклассному командованию штаба мой корпус в немалой степени обязан своим успехом.

⁹ «Странная война» (фр.). (Примеч. пер.)

Меж двух кампаний

27 октября я получил приказ явиться в канцелярию. Прибыв туда, я узнал, что являюсь одним из двадцати четырех офицеров, которым предстояло быть награжденными Рыцарским Железным крестом. Было приятно так скоро быть представленным к награде, и я воспринял ее как оценку моих усилий по созданию бронетанковых войск. Именно благодаря этим войскам мы смогли одержать победу так быстро и такой малой кровью. Во время последовавшего за церемонией завтрака меня усадили по правую руку от Гитлера, и мы оживленно беседовали с ним о развитии бронетанковых войск и о том опыте, который мы получили в ходе кампании. К концу трапезы он спросил меня напрямую: «Я хочу знать, как отреагировали армия и народ на пакт с русскими». Все, что я смог ответить, – это что солдаты вздохнули с облегчением, услышав о его подписании в конце августа. Мы почувствовали свою спину прикрытой и были счастливы знать, что нам не угрожает война на два фронта, которой мы так боялись и которая послужила причиной нашего долгосрочного бездействия во время предыдущей мировой войны. Гитлер посмотрел на меня с изумлением, и было видно, что мой ответ его не удовлетворил. Однако больше он на эту тему ничего не сказал и сменил предмет разговора. Лишь позже я понял, сколь глубока была ненависть его к Советской России. Он, все всяких сомнений, ждал от меня, как минимум, удивления тем, как это он вообще согласился подписывать какие бы то ни было договоры со Сталиным.

Короткий отпуск, проведенный мною дома, был омрачен смертью 4 ноября в Берлине моей тещи. Мы сопроводили гроб с ее телом в Гослар и похоронили ее рядом с мужем. А потом, повинуясь новым приказам, я вновь покинул дом.

В середине ноября мой штаб перевели сначала в Дюссельдорф, а потом, из-за внезапного изменения в планах, в Кобленц. Я поступил под непосредственное командование главнокомандующего группой армий «А» генерал-полковника фон Рундштедта.

Для повышения политической сознательности офицерского состава, в особенности генералитета, в Берлине было решено провести курс лекций, которые должны были читать, помимо прочих, Геббельс, Геринг, а последнюю, 23 ноября, сам Гитлер. Аудиторию составляли в основном генералы и адмиралы, но присутствовало и несколько инструкторов и воспитателей из военных школ, вплоть до уровня лейтенанта.

В словах всех троих вышеназванных проходило красной нитью одно и то же: на генералов люфтваффе с партайгеноссе Герингом во главе можно положиться целиком; вполне заслуживают доверия и адмиралы, поддерживающие линию Гитлера; а вот армейским генералам партия не может безоговорочно доверять. В свете только что успешно проведенной польской кампании для нас причины подобного отношения казались непостижимыми. Вернувшись в Кобленц, я направился к начальнику штаба группы армий генералу фон Манштейну, которого я хорошо знал, чтобы обсудить, как нам выйти из такого положения. Тот согласился, что просто проигнорировать подобные обвинения нельзя. Он уже поднимал эту тему в разговорах со своим главнокомандующим, но тот не выразил готовности предпринять какие-либо действия. Поэтому Манштейн попросил меня попробовать поговорить с главнокомандующим, и я сразу же отправился к нему. Генерал-полковник фон Рундштедт был уже в курсе всего, но заявил, что единственное, что он готов сделать, - это отправиться к главнокомандующему сухопутными войсками и рассказать ему об отношении офицеров к выдвинутым против них обвинениям. Я указал на то, что большая часть обвинений как раз против главнокомандующего сухопутными войсками и направлена, причем высказано ему все было в глаза, так что, если мы хотим, чтобы Гитлер отказался от своих необоснованных обвинений, надо подойти к нему с какой-то другой стороны. Но у генерала фон Рундштедта так и не появилось желания что-либо предпринимать. Следующие несколько дней я провел в визитах к другим чинам высшего генералитета, пытаясь подвигнуть их на какие-то действия, но тщетно. Последним я посетил генерал-полковника фон Рейхенау, известного своей хорошей репутацией в глазах партии и Гитлера. К моему вящему удивлению, Рейхенау поведал мне, что его отношения с Гитлером теплыми назвать уже нельзя и что они уже несколько раз серьезно ссорились, и поэтому ничего хорошего из его разговора с Гитлером выйти не может. Однако он не стал спорить с тем, что Гитлеру обязательно нужно рассказать о настроениях генералитета в сложившейся ситуации, и он предложил мне сделать это самому. На мои слова о том, что я — один из самых младших офицеров в командовании корпуса и по этой причине вряд ли могу выступать от лица вышестоящих, он возразил, что это как раз хорошо. Он послал в канцелярию запрос на аудиенцию для меня, и на следующий день я получил приказ явиться к Гитлеру с докладом. Последовавший за этим разговор принес мне ряд откровений.

Гитлер принял меня с глазу на глаз и слушал, не перебивая, минут двадцать. Я пересказал три выступления, прослушанные мною в Берлине, перечислил содержащиеся в них обвинения против генералов армии и закончил так:

 После этого я поговорил со многими генералами. Все они удивлены и возмущены, что высшие руководители государства выказывают им столь открытое недоверие, несмотря на то что они только что доказали свою преданность, рискуя жизнью во имя Германии в Польше и победоносно завершив кампанию менее чем за три недели. В свете предстоящей войны с Западом мы все считаем, что эту брешь в наших отношениях необходимо заделать. Вас, возможно, удивил тот факт, что по этому вопросу к вам явился я, один из самых младших командующих. Я просил об этом многих из тех, кто стоит выше меня, но никто из них не захотел. Однако это не значит, что вы можете потом с полным правом говорить: «Я открыто заявил армейским генералам о своем недоверии, и никто из них не возразил против этого». Вот почему я явился к вам сегодня – чтобы возразить против высказанных заявлений, которые, на наш взгляд, являются несправедливыми и обидными. Если каким-то отдельным генералам вы и не доверяете – а невероятно, чтобы ваше недоверие не было ограничено рядом конкретных лиц, – вы можете просто снять их с должности! Нам предстоит затяжная война, и мы не можем позволить себе внутренних разногласий. Доверие должно быть восстановлено раньше, чем наступит критическая ситуация, подобная кризису 1916 года, приведшая к назначению в высшее командование Гинденбурга и Людендорфа. На тот раз решение было правильным, но слишком запоздалым. Наше руководство не должно больше никогда запаздывать с принятием правильных решений!

Гитлер выслушал меня крайне серьезно. Когда я закончил, он резко бросил:

- Проблема в главнокомандующем сухопутными силами. Я возразил:
- Если вы считаете, что главнокомандующий сухопутными силами не заслуживает доверия, отправьте его в отставку и назначьте на его место генерала, которому всецело доверяете.

За этим последовал именно тот вопрос, которого я боялся:

– И кого же вы предлагаете?

У меня был наготове целый список генералов, способных, на мой взгляд, выполнять эти сложные обязанности. В первую очередь я назвал генерал-полковника фон Рейхенау.

– И речи быть не может, – отрезал Гитлер.

Это прозвучало чересчур резко, и я понял, что Рейхенау ни в коей мере не преувеличивал, описывая, насколько плохи его отношения с Гитлером. Затем Гитлер отверг еще целый ряд кандидатур, начиная с генерал-полковника фон Рундштедта. Наконец мой список исчерпался, и я замолк.

Тогда говорить начал Гитлер. Он подробно описал причины своего недоверия генералам, начав с того, как много проблем доставили ему Фрич и Бек, когда он взялся за восстановление германской армии. Он хотел немедленно сформировать тридцать шесть дивизий, а они убеждали его, что для начала хватит и двадцати одной. Генералы отговаривали его от того, чтобы ввести войска в Рейнскую область, а при первом же выражении недовольства со стороны французов готовы были отвести их обратно, и лишь активное вмешательство министра иностранных дел предотвратило капитуляцию. Потом фельдмаршал фон Бломберг разочаровал его сильнейшим образом, а после инцидента с Фричем остался горький осадок. Бек ушел из-за несогласия с Гитлером по чешскому вопросу. Все предложения главнокомандующего по дальнейшему укреплению вооруженных сил ограничивались полумерами, ярким примером чего можно назвать явно недостаточный рост производства легких полевых гаубиц, предполагающийся по его плану. Уже в ходе польской кампании возникли разногласия между ним и непосредственно командовавшими наступлением генералами; что же касается нависшей угрозы войны с Западом, то и в этом вопросе Гитлер видел, что его собственные представления не согласуются с представлениями главнокомандующего.

Гитлер поблагодарил меня за откровенность – и наша часовая беседа закончилась ничем. В Кобленц я вернулся в угнетенном состоянии.

Глава 5 Западная кампания

Подготовка

Перед тем как начать военные действия против держав Запада — чего мы избежали бы с радостью, — предстояло тщательно изучить опыт, полученный в Польше. Польский опыт показал — и это для меня неожиданностью не стало, — что «легкие дивизии» представляют из себя ужасную мешанину; поэтому было принято решение реорганизовать их в танковые дивизии. Эти дивизии получили номера от 6 до 9. Моторизованные пехотные дивизии показали себя чересчур громоздкими; из них было изъято по одному пехотному полку. Выполнение первоочередной задачи по перевооружению танковых полков машинами «Т-Ш» и «Т-IV» продвигалось очень медленно, отчасти в силу нехватки производственных мощностей промышленности, а отчасти по причине того, что Верховным командованием владела тенденция консервировать танки новых типов.

Мне было вверено руководство боевой подготовкой нескольких танковых дивизий и пехотного полка «Великая Германия». Кроме этого, я был по большей части занят планированием будущих операций на Западе.

Подталкиваемое Гитлером к агрессивным действиям, Верховное командование планировало снова применить так называемый план Шлиффена, разработанный в 1914 году. Его преимуществом была простота, но новизной он не блистал. В общем, вскоре все занялись поиском альтернативных решений.

Как-то раз в ноябре меня пригласил к себе Манштейн и поделился своими идеями. Его план включал в себя мощный танковый бросок через юг Бельгии и Люксембург к Седану, прорыв линии Мажино на этом участке, что помогло бы, в свою очередь, прорвать французский фронт. Манштейн попросил меня оценить его план с точки зрения эксперта-танкиста. Тщательно изучив карты и вспомнив местность по своему опыту, полученному в Первой мировой, я подтвердил, что план Манштейна вполне реализуем. Единственным условием, которое я выдвинул для успешной реализации плана, было задействование как можно большего числа бронетанковых и моторизованных частей — по возможности вообще всех.

Тогда Манштейн составил докладную записку, которую, получив одобрение и визу генерал-полковника фон Рундштедта, отправил 4 декабря 1939 года в штаб Верховного командования. Там ее восприняли без особой радости. Верховное командование вообще планировало использовать разве что одну-две танковые дивизии в наступлении через Арлон. На мой взгляд, этого было явно недостаточно, и удар столь слабыми силами не имел смысла вообще. Наши бронетанковые войска и так были слишком слабы, и использовать их не полностью было бы страшной ошибкой. Но именно таковы были планы Верховного командования. Манштейн продолжал настаивать на своем, чем настроил против себя все Верховное командование, и в результате был смещен на должность командующего пехотным корпусом. Его просьба предоставить ему в распоряжение хотя бы танковый корпус осталась без удовлетворения. В итоге обладатель лучшего в нашей армии оперативного мышления участвовал в операции, именно ему в наибольшей степени обязанной своим успехом, только в качестве командира корпуса, двигавшегося где-то в третьем эшелоне атаки. Преемником его стал при генерал-полковнике фон Рундштедте менее активный офицер – генерал фон Зоденштерн.

Между тем случилось происшествие, поставившее крест на плане Шлиффена. Дело в том, что офицер связи люфтваффе, имея при себе важные документы, в нарушение всех

правил совершал ночной полет вдоль бельгийской границы и пересек ее. Его принудили к посадке на бельгийскую территорию, и неизвестно было, удалось ли ему уничтожить документы, в которых содержались данные, имевшие к предполагавшемуся наступлению по плану Шлиффена непосредственное отношение. В любом случае теперь следовало исходить из того, что бельгийцы — а скорее всего, также французы и англичане — могут оказаться полностью информированными о намеченной операции.

Помимо этого Манштейну удалось сообщить Гитлеру, во время доклада о принятии командования над пехотным корпусом, о своих идеях по поводу предстоящей операции. В результате план Манштейна оказался предметом серьезного рассмотрения. Мне кажется, что окончательное решение в его пользу было принято на военных играх, которые состоялись 7 февраля 1940 года в Кобленце. Во время этих учений с картами я предложил совершить на пятый день кампании атаку силами крупных бронетанковых и моторизованных соединений, в ходе которой была бы форсирована река Мёз под Седаном и совершен прорыв, который позже мог бы докатиться до самого Амьена. Присутствовавший на учениях Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных сил, отозвался об этой идее как о «бессмысленной». В его представлении бронетанковые войска должны были достичь Мёза и даже обеспечить там предмостные укрепления, а затем дождаться подхода пехоты для начала «совместного наступления», которое, таким образом, могло развернуться только на девятый или десятый день кампании. Он назвал это «правильно сгруппированное массовое наступление». Я горячо возражал против такого плана, повторяя, что всю ударную мощь наших танков, которая, увы, пока что весьма ограниченна, следует вложить в один внезапный удар в решающем направлении; нужно расколоть оборону противника столь глубоким и широким клином, чтобы не нужно было уже думать о флангах, а затем так же быстро и решительно развить достигнутый успех, а не ждать пехоту.

Мою оценку передовых укреплений французов подтвердили и результаты подробного исследования, проведенного инженерным советником при штабе группы армий майором фон Штиоттой. Выводы майора основывались по большей части на данных аэрофотосъемки; его аргументы проигнорировать было невозможно.

14 февраля в Майене, в штабе 12-й армии генерал-полковника Листа, была проведена еще одна военная игра. Вновь на ней присутствовал Гальдер и вновь объектом рассмотрения стала битва за переправу через Мёз. Вопросы, поставленные передо мной, сводились к следующему: могут ли танковые дивизии форсировать реку самостоятельно или должны ждать подхода пехоты; если верно последнее, то стоит ли им вообще участвовать в форсировании или лучше подождать, пока пехота наладит переправу? С учетом труднопроходимости Арденн к северу от Мёза последний вариант отпадал совершенно; ситуация становилась все более удручающей, пока, наконец, мы с генералом фон Витерсгеймом, чей XIV мотопехотный корпус должен был следовать непосредственно за моими частями, не заявили наконец, что у нас не осталось доверия к командующим операцией. Мы постарались дать понять, что использовать бронетанковые части так, как предполагалось, просто нельзя, это обязательно приведет к кризису.

Однако, когда даже генерал-полковник фон Рундштедт проявил полное невежество в отношении возможностей бронетанковых войск и высказался в пользу наиболее осторожных действий, ситуация накалилась до предела. Да, Манштейна нам явно не хватало!

Без конца шли споры о том, как организовать командование множеством танковых подразделений. Решения принимались и отменялись, и в конце концов командование бронетанковыми силами было поручено генералу фон Клейсту, который до сих пор не отличался хорошим расположением к танковым войскам. Когда стало окончательно ясно, что моему бронетанковому корпусу придется наступать через Арденны, я немедленно приступил к подготовке своих генералов и штабных офицеров к этой задаче. Под мое командование были

поставлены 1-я, 2-я и 10-я бронетанковые дивизии, пехотный полк «Великая Германия» и еще некоторое количество частей корпуса, в том числе — батальон мортир. Все мои части, за исключением полка «Великая Германия», были мне знакомы как в мирное время, так и на войне, и никаких сомнений в их боеспособности у меня не было. Теперь же мне предстояло подготовить их к предстоящей тяжелой задаче, в успешное завершение которой не верил никто, кроме меня, Гитлера и Манштейна. Сама борьба за то, чтобы наши предложения были приняты, оказалась ужасно изматывающим занятием, и мне определенно нужно было отдохнуть. Во второй половине марта я взял короткий отпуск.

Однако перед этим прошло совещание в рейхсканцелярии, на котором присутствовали командиры армий и группы армий «А», генерал фон Клейст и я. Гитлер тоже был там. Каждый из нас, командующих, описал, какая задача перед ним стоит и как он планирует ее выполнить. Я выступал последним. Передо мной задача стояла следующая: получив приказ, пересечь границу с Люксембургом, через юг Бельгии продвинуться к Седану, форсировать Мёз и установить предмостные укрепления на дальнем берегу, чтобы обеспечить беспрепятственную переправу следующему за мной пехотному корпусу. Я кратко описал, что мой корпус будет двигаться по Люксембургу и Южной Бельгии тремя колоннами; по моим расчетам, я добрался бы до бельгийских пограничных постов в первый же день и в тот же день прорвался бы сквозь них; на второй день я дошел бы до Нёфшато; на третий — дошел бы до Буйона и пересек бы реку Семуа. На четвертый день я планировал выйти к Мёзу, на пятый — форсировать его. К вечеру пятого дня я надеялся завершить работу над предмостными укреплениями на дальнем берегу Мёза.

– И что же вы будете делать потом? – спросил Гитлер.

Я ответил:

– Если не будет других приказов, я планирую продолжить на следующий день наступление в западном направлении. Пусть на уровне высшего командования будет принято решение, куда мне двигаться, на Амьен или на Париж. На мой взгляд, правильнее всего было бы направиться через Амьен к Ла-Маншу.

Гитлер кивнул и ничего больше не сказал. Лишь генерал Буш, командующий расположенной по моему левому флангу 16-й армией, выкрикнул:

– Вряд ли вы уж так прямо с ходу форсируете реку!

Гитлер напряженно посмотрел на меня в ожидании моего ответа. Я произнес:

– Уж вам-то этого точно не придется делать.

Гитлер никак не отреагировал на это.

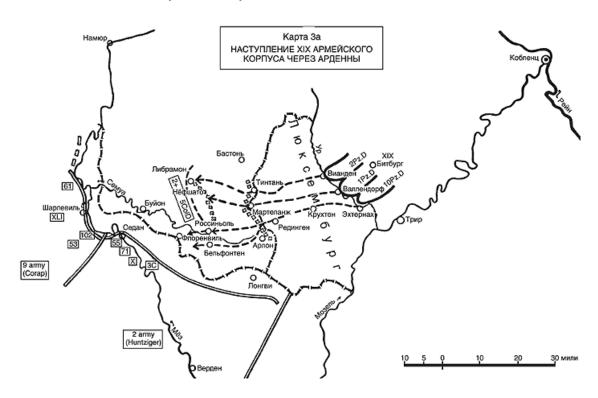
Дальнейших приказов относительно моих действий после того, как Мёз будет форсирован и предмостные укрепления на дальнем берегу установлены, я так и не получил. Все решения о том, как действовать, я принимал полностью самостоятельно, пока не добрался в Абвиль до Атлантического побережья. Все приказы, полученные мной от Верховного командования, носили лишь сдерживающий характер.

Итак, после короткого отпуска я вернулся к подготовке великого похода. Затянувшуюся зиму сменила великолепная весна, а постоянные учебные тревоги грозили обернуться боевыми. Перед тем как непосредственно перейти к описанию предстоящих событий, думаю, мне надо объяснить, почему я с такой уверенностью оценивал предстоящую операцию. Для этого я должен позволить себе небольшой исторический экскурс.

Первая мировая война на Западном фронте после короткого периода военных действий вскоре приняла позиционный характер. Сколько бы ни накапливалось на обеих сторонах ресурсов, их было недостаточно, чтобы сдвинуть укрепленную линию фронта, пока в ноябре 1916 года у неприятеля не появились танки. На гусеницах, под прикрытием брони, ощетинившись пушками и пулеметами, они доставляли солдат живыми и боеспособными прямо

на немецкие позиции, сквозь артиллерийский огонь, проволочные заграждения, траншеи и воронки от снарядов. Наступление, как таковое, вновь стало возможным.

О важности танков свидетельствует тот факт, что Версальский договор под страхом наказания запрещал Германии обладать бронированными машинами, танками или любой другой подобной техникой, которую можно было бы использовать в военных целях, равно как и пытаться создать такую технику.

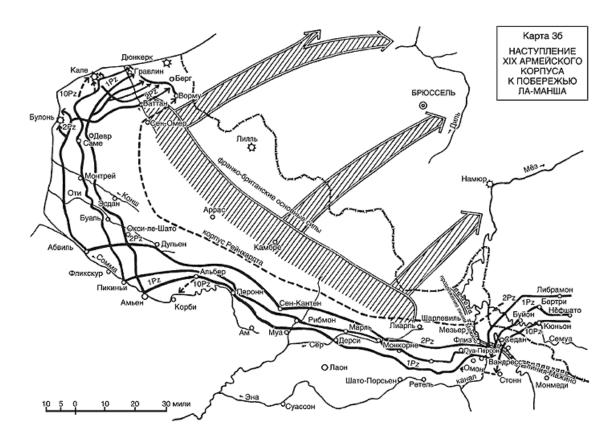
Отсюда следует, что с точки зрения наших врагов танк считался решающим оружием, которое нам иметь никак было нельзя. Поэтому я и решил тщательно изучить историю этого оружия и проследить его развитие. Если изучать теорию бронетанковых войск отстраненно, не находясь под влиянием традиции, то из нее можно извлечь и выходящие за рамки принятых за рубежом доктрин уроки по созданию, организации и применению этих войск. За несколько лет упорной борьбы мне удалось воплотить в жизнь мои теории раньше, чем к тем же выводам пришли в других армиях. Итак, главной причиной моей уверенности в предстоящем успехе был наш прогресс в организации бронетанковых войск. Эту уверенность вплоть до 1940 года мало кто в германской армии разделял.

Тщательное изучение истории Первой мировой войны дало мне некоторое представление о психологии участников боевых действий. О нашей армии я, исходя из личного опыта, знал достаточно. О противниках же с Запада у меня тоже сформировались некоторые представления — совершенно верные, как показали события 1940 года. Несмотря на то что своей победой в 1918 году неприятель был обязан танкам, занимался он с тех пор в основном вопросами позиционной войны.

Французская армия была самой крупной в Западной Европе; танков у французов тоже было больше всех.

В распоряжении объединенных англо-французских сил в мае 1940 года было примерно 4000 бронемашин; в немецкой же армии их было на тот момент 2800, считая бронемашины разведки, а на момент начала наступления боеспособны были лишь 2200 машин. Так что количеством мы врагу уступали, к тому же французские танки превосходили наши толщиной брони и калибром орудий, хотя несколько уступали в скорости и маневренно-

сти (см. приложение 3). Причем французы не только обладали самыми мощными мобильными частями, но и построили самую сильную в мире линию укреплений – линию Мажино. Деньги, вложенные в ее строительство, лучше было бы потратить на модернизацию и усиление мобильных войск.

Предложения де Голля, Даладье и прочих в этой области были проигнорированы. Из этого следует сделать вывод, что французское руководство либо не смогло, либо не захотело понять значение танков в современной войне. В любом случае, из всего, что я слышал об их крупномасштабных маневрах, я сделал вывод, что командование французов обучало своих солдат как наступать, так и обороняться осторожно, по плану, на основе определенных, заранее обговоренных условий. Перед принятием любого решения им требовалась полная информация о боевом порядке и намерениях противника. А после принятия решения его следовало реализовывать точно по плану, методично, причем не только на этапе переброски и построения войск, но и даже во время артподготовки и собственно наступления (или оборонительных действий, в зависимости от задачи). Эта мания все планировать и контролировать, ничего не оставляя на волю случая, привела к тому, что бронетанковые войска заняли в армии такое положение, при котором не могли нарушить заранее принятую схему и оказались намертво увязанными с пехотными дивизиями. Лишь небольшая часть французских бронетанковых войск была правильно организована для оперативных действий.

Поэтому, что касается французов, немецкое командование вполне могло рассчитывать, что их оборона будет основана на укрепленных позициях и проводиться в жестких рамках доктрины. Доктрина эта была выработана в ходе уроков Первой мировой войны, уроков позиционного противостояния, переоценки огневой мощи и недооценки маневренности.

Эти стратегические и тактические принципы французов, хорошо известные нам в 1940 году и вступавшие в полное противоречие с моими собственными теориями ведения боевых действий, также служили причиной моей уверенности в победе.

К весне 1940 года мы располагали четкой картиной укреплений и диспозиции противника. Нам было известно, что где-то на участке между Монмеди и Седаном линия Мажино была слабее, чем везде. Линию укреплений от Седана до Ла-Манша мы назвали «продолжением линии Мажино». Известно нам было и о расположении и, по большей части, о прочности бельгийских и голландских укреплений. Все они возводились исключительно против Германии.

Линию Мажино обороняли незначительные силы, основная часть французской армии вместе с британским экспедиционным корпусом находилась во Фландрии, между Мёзом и Ла-Маншем, развернувшись фронтом на северо-восток; бельгийские и голландские войска находились в боевой готовности к защите своих границ от нападения с востока.

Дислокация войск противника ясно показывала, что от Германии снова ожидают действий по плану Шлиффена и что основные силы армий союзников готовятся отразить обходные удары немецких сил через Голландию и Бельгию. Никакого резервного прикрытия на случай выдвижения союзнических сил в Бельгию – скажем, в районе Шарлевиля и Вердена – не было заметно. Похоже, никакой приемлемой альтернативы старому плану Шлиффена французское Верховное командование не видело.

Наконец, причиной моей уверенности в победе были знания о боевом порядке неприятеля и предсказуемость его реакции на начало наступления со стороны Германии.

Кроме того, имелся еще ряд факторов общей оценки противника, на которые можно было с той или иной степенью надежности полагаться.

Французских солдат мы знали и уважали со времен Первой мировой войны как храбрых воинов, защищавших свою страну упрямо и энергично. Мы не сомневались, что и на этот раз они поведут себя так же. Но что касается руководства Франции, то мы были крайне удивлены, что оно не воспользовалось моментом и не приняло решения о нападении на Германию осенью 1939 года, когда основные силы немецкой армии, в том числе все бронетанковые части, находились в Польше. Причины такого бездействия нам были не ясны, можно было только строить догадки. В любом случае осторожность французов навела нас на мысль о том, что они все еще надеялись избежать серьезного вооруженного конфликта. Пассивное поведение правительства Франции зимой 1939/40 года говорило о том, что желания воевать у него нет.

Исходя из всего вышеизложенного, я пришел к выводу, что решительный бросок мощного бронетанкового клина через Седан и Амьен до самого Атлантического побережья нанесет противнику сильный удар по крылу его войск, продвигающихся в Бельгию; маловероятно, что у неприятеля найдется достаточно резервов, чтобы отразить этот удар. Я видел, что наши шансы на успех весьма велики, а в этом случае мы отрезали бы все основные силы противника, направлявшиеся в Бельгию.

Теперь мне предстояло убедить как свое начальство, как и подчиненных, что я прав, чтобы заручиться полной свободой сверху и надежной преданностью снизу. Второе мне удалось гораздо хуже, чем первое.

В случае наступления XIX армейский корпус получил приказ двигаться через Люксембург и юг Бельгии, захватить мост через Мёз и предмостные укрепления в Седане и обеспечить пехотным дивизиям переправу. Что делать в случае неожиданного успеха, регламентировано не было.

Была достигнута договоренность о сотрудничестве с люфтваффе. Я должен был пребывать в постоянном контакте с командующим самолетами непосредственной поддержки, – это был человек исключительной храбрости, генерал фон Штуттерхайм – и, одновременно с этим, с авиационным корпусом генерала Лёрцера. Чтобы как можно скорее установить прочную базу для сотрудничества, я пригласил летчиков на свои учения и сам принял участие в летных учениях, организованных генералом Лёрцером. Принципиальной темой для обсуждения было форсирование Мёза. После тщательного изучения проблемы мы сошлись на том, что наилучшим использованием военно-воздушных сил было бы обеспечение наземным войскам постоянной поддержки с воздуха во время самой переправы — то есть не концентрированная бомбардировка, а постоянные налеты и угрожающие имитации налетов на вражеские артиллерийские батареи с самого начала операции и до ее завершения; это заставило бы неприятеля прятаться как от самих налетов, так и от их имитаций. На карте были отмечены как цели налетов, так и их время.

Незадолго до начала операции было решено, в соответствии с пожеланиями Геринга, погрузить один батальон пехотного полка «Великая Германия» в самолет «шторьх» и утром первого же дня наступления высадить за линией фронта на бельгийской стороне, под Витри, к западу от Мартеланжа, чтобы возбудить панику на линии вражеской обороны.

Все три танковые дивизии корпуса выстроились единым фронтом для молниеносного броска через Люксембург и юг Бельгии. Посередине располагалась 1-я бронетанковая дивизия, за ней – артиллерия, штаб корпуса и большая часть зенитной артиллерии; именно она должна была нанести главный удар. Справа от 1-й шла 2-я бронетанковая дивизия, слева – 10-я бронетанковая дивизия и пехотный полк «Великая Германия». 1-й бронетанковой командовал генерал Кирхнер, 2-й – генерал Фейель, 10-й – генерал Шааль. Я хорошо знал всех троих и полностью полагался на их компетентность и верность. Они разделяли мои воззрения и веру в то, что, бросив танки на врага, их уже нельзя останавливать до самого конца. В нашем случае концом броска представлялся Ла-Манш. Таким же духом был проникнут и каждый солдат, и все были готовы рваться к Ла-Маншу вне зависимости от получения каких-либо приказов после начала наступления.

Прорыв к Ла-Маншу

Сигнал боевой тревоги прозвучал 9 мая 1940 года в 13.30. В 16.00 я уехал из Кобленца и вечером прибыл в штаб корпуса, располагавшийся под Битбургом, в Зоненгофе. Войска, как и предписывал приказ, были выстроены вдоль границы между Вианденом и Эхтернахом.

В 5.30 утра я вместе с 1-й бронетанковой дивизией пересек границу с Люксембургом под Валлендорфом, двигаясь в направлении Мартеланжа. К вечеру первого дня наступления авангард дивизии уже преодолел бельгийские приграничные укрепления и соединился с десантировавшимися ранее частями пехотного полка «Великая Германия», однако углубиться в территорию противника не смог из-за того, что дороги были повсеместно завалены, а объездных путей в этой горной местности не было. За ночь дороги следовало расчистить. 2-я бронетанковая сражалась под Стреншампом, а 10-я, наступая через Абе-ла-Нёв и Эталь, столкнулась с французскими частями — 2-й кавалерийской и 3-й Колониальной пехотной дивизиями. Штаб корпуса расположился в Рамбрю, к западу от Мартеланжа.

Утром 11 мая завалы и минные заграждения вдоль бельгийской границы были пройдены. К полудню 1-я бронетанковая продолжила движение вперед. Теперь мы направлялись к укреплениям, воздвигнутым с обеих сторон Нёфшато, которые обороняли бельгийские Chasseur Ardennais¹⁰, отступавшие от границы, и французские кавалеристы. После короткого боя Нёфшато был взят, потери с нашей стороны были небольшими. Не остановившись на этом, 1-я бронетанковая продолжила бросок, взяла Бертри и к вечеру достигла Буйона, но этот город французам удалось удерживать всю ночь. Две другие дивизии продолжали двигаться строго по плану, встречая лишь слабое сопротивление. 2-я бронетанковая взяла Либрамон; 10-я понесла небольшие потери под Абе-ла-Нёв; командир 69-го стрелкового полка подполковник Элерман погиб под Сен-Мари 10 мая.

В ночь с 10 на 11 мая командующий танковой группой генерал фон Клейст, управлявший нашей операцией, отдал приказ 10-й бронетанковой дивизии немедленно изменить направление движения и идти к Лонгви, поскольку оттуда, по донесениям, приближалась французская кавалерия. Я просил отменить этот приказ — отвлечение трети моих войск на отражение предполагаемого нападения вражеской кавалерии ставило под угрозу успешное форсирование Мёза, а соответственно, и всю операцию в целом. Чтобы избежать проблем, связанных с этим удивительным страхом перед кавалерией противника, я приказал, чтобы 10-я бронетанковая дивизия двигалась по параллельной своей предыдущей линии движения дороге и наступала через Рюль к реке Семуа, чтобы выйти к ней между Куньоном и Мортеаном. Наступление продолжалось. Опасность остановки и изменения направления движения миновала. Командование танковой группы в итоге согласилось с нами. Французская кавалерия так и не появилась (см. приложение 4).

Пехотный полк «Великая Германия» в Сен-Медаре передали в резерв корпуса. Штаб корпуса заночевал в Нёфшато.

12 мая, на Троицу, в 5 часов утра я вместе со штабом выехал через Бертри, Феле-Венё и Бельво на Буйон. На этот город в 7.45 обрушился штурм 1-го стрелкового полка под командованием подполковника Балка; штурм закончился быстро и успешно. Французы взорвали мосты через Семуа, но в нескольких местах танки могли пересечь реку вброд. Инженерные войска тут же взялись за строительство новых мостов. Удовлетворившись принятыми мерами, я вслед за танками вброд пересек реку и направился к Седану, но дороги были заминированы, и мне пришлось вернуться в Буйон. Здесь, в южной части города, я первый раз в

¹⁰ Арденнские егеря. (Примеч. пер.)

жизни попал под вражеский воздушный налет; целью бомбардировщиков был мост, возводимый 1-й бронетанковой. Мост, к счастью, остался цел, но несколько домов загорелось.

Теперь я ехал по лесу в 10-ю бронетанковую, которая пересекла Семуа на участке между Куньоном и Эбермоном. Добравшись до расположения дивизии, я стал свидетелем атаки разведывательного батальона на вражеские приграничные укрепления. Стрелки во главе с храбрым бригадным командиром полковником Фишером наступали непосредственно за разведчиками, с ними был и командир дивизии генерал Шааль. Дивизия, медленно двигавшаяся вперед вслед за офицерами, представляла из себя внушительное зрелище. Лесные укрепления вскоре были взяты: наступление на Базей и Балан через Ла-Шапель продолжалось. Я спокойно мог вернуться в Буйон, в штаб корпуса.

Начальник моего штаба, полковник Неринг, разместился между тем в гостинице «Панорама», где из окон открывался чудесный вид на долину Семуа. Мой рабочий стол был оборудован в общей комнате, но в отдельном алькове, украшенном охотничьими трофеями.

Мы продолжали работать. Вдруг раздались взрывы – еще один воздушный налет! И как будто этого было мало, огонь охватил инженерную колонну – грузовики, груженные детонаторами, взрывчаткой, минами, гранатами, взрывались один за другим. Голова вепря, висевшая над моим столом, свалилась со стены и пролетела на волосок от моего виска: остальные охотничьи трофеи тоже попадали, а стекло окна, перед которым я сидел, разлетелось на осколки, просвистевшие мимо моих ушей. Обстановка превратилась в крайне неудобную для работы, и мы решили куда-нибудь перебраться. Мы нашли маленькую гостиницу к северу от Буйона, где уже разместился штаб 1-го пехотного полка. При осмотре ее командующий авиационными войсками поддержки, генерал фон Штуттерхайм, предупредил меня о том, что она слишком открыто расположена. Пока мы разговаривали, появилась эскадрилья бельгийских самолетов и разбомбила лагерь танкового полка. Потери были минимальны, но теперь мы были склонны прислушаться к советам Штуттерхайма и приготовились ехать дальше на север, в следующую деревню, Бельво-Нуарфонтен.

Но не успели мы отправиться в путь, как за мной прилетел самолет «физелер-шторьх», чтобы доставить меня в штаб генерала фон Клейста. Там я получил приказ на следующий день, 13 мая, в 16.00 начать наступление, перейдя Мёз. 1-я и 10-я дивизии к этому времени, разумеется, успели бы занять боевые позиции, но вот 2-я бронетанковая, встретившаяся на реке Семуа с некоторыми трудностями, вряд ли бы успела. Об этом факте я и доложил, подчеркнув, что наши наступательные силы и без того слабы. Однако генерал фон Клейст приказа не изменил, и мне пришлось признать, что определенные преимущества немедленное наступление без ожидания основных сил нам, конечно, принесло бы. Следующий же приказ был еще более неприятным: будучи в неведении о нашей с Лёрцером договоренности, генерал фон Клейст и генерал военно-воздушных войск Шперле приняли решение о массированной бомбардировке, скоординированной по времени с началом артобстрела. Весь мой тщательно продуманный план наступления оказался под угрозой, потому что при таких обстоятельствах долговременная нейтрализация вражеских артиллерийских батарей оказалась бы невозможной. Я стал горячо возражать, предлагая действовать вместо этого по моему изначальному плану, на котором базировалось все предстоящее наступление. Но и это предложение генерал фон Клейст отверг, и новый пилот повез меня на том же «шторьхе» обратно в штаб. Этот молодой человек знал, где находится посадочная полоса, на которой он должен был меня высадить, но найти ее в сумерках не смог, и я увидел внезапно, что мы перелетели Мёз и оказались прямо над французскими позициями на медленном и безоружном самолете. Это было неприятно, и я крикнул пилоту, чтобы он немедленно повернул на север и нашел посадочную полосу; в общем, все закончилось благополучно.

Вернувшись в штаб, я тут же начал отдавать приказы. Ввиду того что времени до начала наступления оставалось мало, нам приходилось пользоваться готовыми бланками

распоряжений, разработанных во время штабных игр в Кобленце, заменяя в них даты и время, и использовать их как приказы. Они очень хорошо соответствовали реальной ситуации. Надо было только заменить время начала наступления с 10.00 на 16.00. Командование 1-й и 10-й бронетанковых дивизий поступило так же, в общем, приказы отдавались легко и быстро (см. приложение 5).

К вечеру 12 мая 1-я и 10-я бронетанковые дивизии заняли весь северный берег Мёза и взяли старый город и крепость Седан. Ночь прошла в последних приготовлениях к атаке; артиллерия корпуса и танковой группы выдвинулась на свои позиции. Основное направление удара лежало в секторе 1-й бронетанковой дивизии. Она была усилена пехотным полком «Великая Германия»; вдобавок ей были переданы артиллерия корпуса и батальоны тяжелой артиллерии двух соседних дивизий. При оценке успехов, которых добились на следующий день эти две дивизии, не следует забывать о том, что их артиллерия была ослаблена.

Штаб корпуса было приказано перевести 13 мая в Ла-Шапель (см. приложение 6).

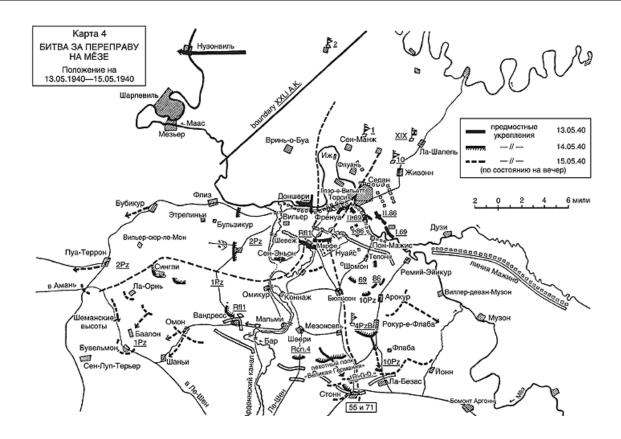
Утром я первым делом побывал в штабе 1-й бронетанковой дивизии, чтобы оценить, насколько дивизия готова к действиям. Затем, преодолев обильно заминированную территорию, которую мои водители очищали от мин, я приехал под артиллерийским огнем французов с дальнего берега реки в расположение 2-й бронетанковой дивизии в Сюньи. Авангард дивизии уже достиг французской границы. К полудню я вернулся в штаб корпуса, разместившийся теперь уже в Ла-Шапель.

К 15.30 под плотным огнем французов я отправился на передовой наблюдательный артиллерийский пункт 10-й бронетанковой дивизии, чтобы лично оценить воздействие на противника нашей артиллерии и самолетов люфтваффе. В 16.00 началась мощнейшая, по крайней мере на наш взгляд, артподготовка. Я в напряжении ждал появления авиации. Самолеты появились вовремя, и я увидел, к своему изумлению, лишь несколько эскадрилий бомбардировщиков; похоже, тактика, обговоренная мной с Лёрцером на штабных играх, была все-таки принята. Передумал ли генерал фон Клейст, или же его приказы не успели дойти до летчиков? В любом случае действия авиации оказались именно такими, какими их хотелось бы видеть, и я вздохнул с облегчением.

Теперь я ждал, когда начнется само наступление. Процесс переправы уже должен был закончиться, и я направился в Сен-Манж, а оттуда – во Флуан, где 1-я бронетанковая должна была форсировать реку. Там я переправился на другой берег в первой же из штурмовых лодок. На том берегу меня встретил храбрый, толковый командир 1 – го стрелкового полка подполковник Балк со своим штабом. Вместо приветствия, он крикнул мне:

- Катание на лодках по Мёзу запрещается!

Эти слова я сам когда-то бросил в сердцах на учениях, когда меня покоробило легкомысленное отношение некоторых молодых офицеров. Теперь мне было понятно, что они правильно оценили ситуацию.

1-й стрелковый полк и пехотный полк «Великая Германия» наступали так, как и отрабатывалось на маневрах. Непрерывные воздушные налеты практически парализовали французскую артиллерию; бетонированные укрепления вдоль Мёза были выведены из строя нашими противотанковыми и зенитными орудиями, а вражеские пулеметчики попрятались от нашей артиллерии. Несмотря на то что наступали мы по полностью открытой местности, потери наши оставались небольшими. До темноты мы достаточно далеко продвинулись в глубь вражеских укреплений. Было приказано продолжать наступление всю ночь без остановки, и я был уверен, что этот приказ будет выполнен. К 23.00 мы заняли Шевеж, часть леса Буа-де-ла-Марфе и добрались, к западу от Вадланкура, до основной линии французской обороны. Довольный и с чувством гордости за увиденное я вернулся в штаб корпуса в Буа-де-ла-Гаран, прибыл в Ла-Шапель, как раз когда начался очередной воздушный налет, и принялся изучать доклады с флангов.

Из 2-й бронетанковой дивизии сражались только передовые части — разведывательный батальон и мотоциклетный батальон при поддержке тяжелой артиллерии. Ввиду столь малого количества войск переправиться им не удалось. Вся стрелковая бригада 1-й бронетанковой дивизии находилась к этому моменту уже на левом берегу Мёза; артиллерия и танки готовы были последовать за ними сразу же, как только наведут мост. 10-я бронетанковая форсировала реку и установила на дальнем берегу небольшие предмостные укрепления. Из-за нехватки артиллерийской поддержки 10-й бронетанковой пришлось нелегко. Особенно досаждал обстрел сбоку, с линии Мажино южнее Дузи — Кариньяна. Однако на следующее утро и 10-я и 2-я дивизии вздохнули с облегчением: за ночь на ближний берег реки была переброшена тяжелая зенитная артиллерия корпуса, поскольку с 14 мая авиацию перебрасывали в другое место.

Ночью я позвонил Лёрцеру, чтобы выяснить, почему был изменен план авиационной поддержки, а заодно – поблагодарить его за эту поддержку, которой мы в столь значительной степени были обязаны своим успехом. Оказалось, что приказ Шперле действительно пришел с запозданием и его не успели донести до летчиков, поэтому Лёрцер и не стал вносить

в план никаких изменений. Потом я известил о наших успехах Буша, который поставил под сомнение способность моих частей форсировать Мёз на совещании у Гитлера. Ответ был весьма лестен. В заключение я поблагодарил своих товарищей по штабу за их самоотверженную работу (см. приложение 7).

Рано утром 14 мая из 1-й бронетанковой передали, что за ночь они проникли еще глубже в расположение противника и теперь продвигались по Шемери. Я отправился туда. По берегам Мёза стояли тысячи военнопленных. В Шемери командир 1-й бронетанковой дивизии отдавал приказы своим подчиненным, и я послушал его. Поступило предупреждение о том, что на подходе крупные бронетанковые соединения французов, и он посылал танки к Стонну, чтобы отрезать наприятеля. Я вернулся к мосту через Мёз, где приказал 2-й бронетанковой бригаде переправляться сразу же за 1-й, чтобы к появлению французов на дальнем берегу было достаточно танков для отражения их атаки. Атака французских танков была отражена: при этом было подбито в Бюльсоне — 20 танков, а в Шемери — более 50. Пехотный полк «Великая Германия» занял Бюльсон и продвигался дальше, на Вилье-Мезонсель. После моего отъезда произошел печальный инцидент — наши бомбардировщики атаковали свою же пехоту в Шемери, нанеся тяжелые потери.

2-я бронетанковая дивизия между тем форсировала Мёз под Доншери и готовилась пробиваться по южному берегу реки. Я съездил туда, увидел, что командиры – полковник фон Ферст и полковник фон Приттвиц – находятся во главе своих войск, и спокойно вернулся к Мёзу. В это время шел сильный воздушный налет противника. Храбрые английские и французские летчики несли тяжелейшие потери, но разбомбить мосты им так и не удалось. Наши зенитчики показали себя в тот день в наилучшем свете. К вечеру количество сбитых ими самолетов противника дошло до 150. Позже командир полка, полковник фон Гиппель, получил за это Рыцарский Железный крест.

2-я бронетанковая бригада продолжала переправу без помех. К полудню, ко всеобщему удовольствию, приехал командующий группой армий генерал-полковник фон Рундштедт, чтобы лично оценить положение. Я доложил ему ситуацию прямо на мосту во время вражеского авиационного налета. Он сухо спросил:

– Здесь что, все время так?

Я честно ответил, что да, все время. На это он произнес несколько прочувствованных слов благодарности в знак оценки достижений наших храбрых солдат.

И я снова поехал в 1-ю бронетанковую, где встретил командира дивизии вместе со своим старшим офицером штаба, майором Венком. Я спросил его, может ли он повернуть всю дивизию на запад, или же надо оставить часть войск на восточном берегу Арденнского канала для охраны флангов с юга. Венк ответил на это моей же любимой фразой «Давить их, а не шлепать!» — что вполне определенно говорило о его решимости. 1-я и 2-я бронетанковые дивизии получили приказ немедленно изменить направление движения, переправиться через Арденнский канал и продвигаться на запад, чтобы прорвать там оборону французов. Теперь я должен был координировать продвижение двух дивизий. Сначала я поехал на командный пункт 2-й бронетанковой, который находился в Шато-Рокан, на высоте над Доншери. С этой обзорной точки открывался хороший вид на местность, по которой 2-я бронетанковая дивизия наступала 13 и 14 мая. Я и раньше удивлялся, почему французская дальнобойная артиллерия с линии Мажино и ее западного продолжения не открыла более интенсивный огонь и не причинили нам больше потерь по ходу наступления. Теперь же, при полном обозрении местности, успех нашего штурма вообще казался мне каким-то чудом.

Во второй половине дня я вернулся в штаб, чтобы скоординировать действия моих дивизий на 15 мая. Севернее моего корпуса располагался XLI армейский корпус (Рейнхардт), изначально следовавший за моими частями, а с 12 мая вовлеченный в боевые действия на правом крыле XIX армейского корпуса в направлении Мезьер – Шарлевиль.

13 мая этот корпус форсировал Мёз (под Монтерме) и с боями продвигался на запад. XIV армейский корпус генерала фон Витерсгейма находился теперь непосредственно позади моих частей и должен был вскоре достичь Мёза.

К вечеру отдельные части 1-й бронетанковой дивизии форсировали Арденнский канал и заняли, несмотря на упорное сопротивление противника, Сингли и Вандресс. Танки 10-й бронетанковой пересекли линию Мезонсель – Рокуре-Флаба, и основные силы ее достигли высот Бюльсон – Телонн, захватив там более сорока орудий противника.

Основной задачей XIX армейского корпуса было захватить доминирующие высоты вокруг Стонна и закрепиться на них, чтобы обеспечить идущим сзади частям безопасную переправу, лишив противника возможности обрушиться на наши предмостные укрепления. Весь день 14 мая пехотный полк «Великая Германия» и 10-я танковая дивизия вели ожесточенные бои за эти высоты. Деревня Стонн несколько раз переходила из рук в руки. Наконец 15 мая наступление завершилось успехом (см. приложение 8).

В 4.00 15 мая я встретился в штабе корпуса с генералом фон Витерсгеймом, чтобы обсудить с ним вопрос смены моих солдат на его части в районе предмостных укреплений у Мёза южнее Седана. Кратко обговорив ситуацию, мы вместе отправились к Бюльсону, в штаб 10-й бронетанковой дивизии. Генерал Шааль находился на переднем крае, во главе наступающих войск. Его заместитель по общим вопросам, замечательный офицер, генерал-полковник барон фон Либенштайн рассказал нам о проблемах, с которыми они столкнулись, и терпеливо отвечал на подробные расспросы генерала, которому мы передавали командование. Наконец мы сошлись на том, что на время смены войск 10-я бронетанковая и пехотный полк «Великая Германия» попадают в распоряжение XIV армейского корпуса до тех пор, пока части этого корпуса не сменят их. Так на следующие два дня под моим командованием остались только 1-я и 2-я бронетанковые дивизии.

10-я бронетанковая, вместе с приданным ей полком «Великая Германия», получила приказ прикрывать южный фланг XIX армейского корпуса вдоль линии: Арденнский канал – высоты в районе Стонна – изгиб Мёза к югу от Вильмонтри. В течение 15 мая к ней продолжало прибывать подкрепление в лице передовых частей 29-й мотопехотной дивизии.

Из штаба 10-й бронетанковой я поехал в Стонн, в штаб «Великой Германии». Когда я прибыл туда, французы предпринимали попытку контрнаступления, и найти кого-либо представлялось проблематичным. Заметно было некоторое общее напряжение, но в конце концов атака французов была отброшена, и я уехал в штаб своего корпуса, расположенный теперь в роще неподалеку от Сапони, на южном берегу Мёза.

Вопреки всем ожиданиям, ночь выдалась неспокойная, не столько из-за действий неприятеля, сколько из-за действий нашего собственного командования. Командир танковой группы фон Клейст приказал прекратить дальнейшее наступление и остановиться на предмостных укреплениях. Я с этим приказом никак не мог согласиться, ведь это означало бы потерять элемент неожиданности и перечеркнуть все достигнутые успехи. Поэтому я лично связался сперва с начальником штаба танковой группы полковником Цейтцлером, а потом, поскольку это не помогло, и с самим генералом фон Клейстом, отстаивая свою просьбу отменить приказ. Разговор шел на повышенных тонах, и мы по нескольку раз повторяли свои аргументы. Наконец генерал фон Клейст разрешил нам продолжать наступление еще в течение двадцати четырех часов, чтобы захватить, таким образом, достаточно пространства для следующей за нами пехоты. Мне пришлось упомянуть в конце разговора о миссии Хенча, напомнив, таким образом, о «чуде на Марне», — вряд ли это упоминание пришлось командиру танковой группы по душе.

Довольный тем, что отстоял свободу движения вперед, я поехал рано утром 16 мая через Вандресс в Омон, в штаб 1-й бронетанковой дивизии. Обстановка на фронте оставалась непонятной. Известно было только, что всю ночь под Бувельмоном шли ожесточенные

бои. Значит — в Бувельмон! На главной улице горящей деревни я встретил командира полка, подполковника Балка, и выслушал от него описание событий прошедшей ночи. Не отдыхавшие с 9 мая солдаты были переутомлены. Боеприпасы были на исходе. Бойцы на передовой засыпали прямо в траншеях. Сам Балк, в ветровке и с палкой в руке, рассказал мне, каким образом удалось взять деревню. Когда офицеры стали просить его прекратить штурм, он закричал: «Тогда я один захвачу деревню!» — и пошел вперед. За ним последовали и остальные. Грязное лицо и красные воспаленные глаза его свидетельствовали о том, что день у него выдался тяжелым, а ночь — бессонной. За эту ночь он получил впоследствии Рыцарский крест. Его противник — хорошая норманнская пехотная дивизия и бригада спаги — сражался храбро. Неприятельские пулеметы еще продолжали где-то вести огонь, но артиллерийского огня не было слышно уже давно, и Балк согласился с моим мнением, что сопротивление практически подавлено.

За день до этого мы перехватили приказ французов, исходивший, если я не путаю, лично от генерала Гамелена, в котором было сказано: «Необходимо остановить, наконец, лавину немецких танков!» Я в очередной раз убедился, что надо продолжать наступление как можно упорнее, поскольку оборонительные способности французских войск вызывали явное беспокойство их Верховного командования. Нельзя было тратить время на колебания, а тем более — останавливаться.

Я приказал выстроить солдат поротно и зачитал им перехваченный приказ, чтобы им стало ясно, насколько важно именно сейчас продолжать наступление. Я выразил им благодарность за достигнутые успехи и сказал, что для завершения нашей победы теперь нужно ударить со всей силы. Затем я отдал приказ разойтись по машинам и продолжить наступление.

Туман войны, скрывавший от нас действительность, рассеялся. Теперь мы действовали открыто и тотчас же видели результаты своих действий. В Пуа-Терроне я встретил старшего офицера штаба 2-й бронетанковой дивизии, обрисовал ему ситуацию и уехал в Новьон-Порсьен, а оттуда — в Монкорне. Во время этой поездки я видел двигавшуюся вперед колонну 1-й бронетанковой дивизии. Солдаты были бодры и полны осознания того, какое великое дело они свершили. Они кричали мне вслед, и выкрики их были слышны порой лишь штабным офицерам из второй машины:

- Отлично, старина!
- Вон он, наш старик!
- Видели? Это ж Быстроходный Хайнц!

И так далее.

Хороший знак.

На рыночной площади в Монкорне я встретил генерала Кемпффа, командира 6-й бронетанковой дивизии корпуса Рейнхардта, чьи части, форсировав Мёз, прибыли в город одновременно с моими. Мы поделили улицы между тремя бронетанковыми дивизиями — 6-й, 2-й и 1-й, — которые заполнили город в своем непрерывном движении на запад. Приказа от командования танковой группы о каком бы то ни было разграничении между двумя танковыми корпусами не поступало, поэтому мы были полны решимости наступать вместе до последней капли бензина. Авангард моих войск достиг Марля и Дерси (65 километров от утренней точки отправления и 90 километров от Седана).

Между тем я приказал своим бойцам прочесать дома вокруг рыночной площади. За несколько минут были собраны сотни военнопленных из различных французских частей, на лицах которых читалось явное изумление, откуда мы здесь взялись. Рота вражеских танков, пытавшаяся прорваться в город с юго-запада, тоже сдалась в плен. Она входила в состав дивизии генерала де Голля; мы уже слышали о том, что генерал находится где-то к северу от Лаона. Штаб нашего корпуса расположился в небольшой деревушке Суаз, к востоку от

Монкорне. Я находился на связи со штабами 1-й и 2-й бронетанковых дивизий. По радио мы доложили об итогах дня в командование танковой группой, и я объявил о своем намерении продолжать преследование противника и на следующий день, 17 мая (см. приложение 9 и карту 36).

В свете нашего грандиозного успеха 16 мая и одновременных побед XLI армейского корпуса мне не приходило в голову, что взгляды высшего командования могут остаться теми же, что и ранее, и что все, что от нас теперь требуется, — это удерживать предмостные укрепления на Мёзе в ожидании пехотных корпусов. Я находился во власти идей, которые я выложил в марте на совещании у Гитлера, стремился к тому, чтобы завершить бросок и не останавливаться до самого Ла-Манша. Не приходило мне в голову и то, что сам Гитлер, одобривший в свое время план Манштейна в самой смелой его версии и ни единым словом не возразивший против моих идей о прорыве, теперь испугается собственной решительности и прикажет немедленно остановить наше наступление. Лишь на следующее утро я понял, как жестоко ошибался.

Рано утром 17 мая я получил от командующего танковой группой приказ о том, что наступление необходимо немедленно прекратить и что я должен лично явиться с докладом к генералу фон Клейсту, который прилетит на наш полевой аэродром в 7.00. Он прибыл точно и, даже не поздоровавшись, с ходу стал жестко отчитывать меня за неповиновение приказам. Ни слова похвалы в адрес наших успехов от него мы не услышали. Когда первая вспышка ярости прошла и он сделал паузу, чтобы перевести дух, я попросил отстранить меня в таком случае от командования. Фон Клейст сначала опешил, но тут же пришел в себя, принял мою отставку и приказал передать командование старшему по званию из офицеров моего корпуса. На этом наша беседа и закончилась. Я вернулся в штаб и вызвал к себе генерала Фейеля, чтобы передать ему командование.

Потом я отослал радиограмму командующему группой армий фон Рундштедту, сообщив ему, что в полдень я передам командование, а сам полечу в штаб группы армий, чтобы доложить о случившемся. Ответ пришел незамедлительно: мне велено было оставаться в штабе и ждать прибытия генерал-полковника Листа, командующего следовавшей за нами 12-й армией, которому было поручено разобраться в ситуации. До появления Листа все части должны были оставаться на местах. Явившийся за распоряжениями майор Венк был обстрелян французским танком и ранен в ногу. Прибыл генерал Фейель, и я объяснил ему ситуацию. Позже днем появился генерал-полковник Лист и спросил, что здесь, черт возьми, происходит? На основании распоряжений, полученных им от генерал-полковника фон Рундштедта, он сообщил мне, что я не должен отказываться от командования и что приказ о прекращении наступления исходит от главного командования сухопутных сил (ОКХ) и, следовательно, должен быть выполнен. Однако причины, побуждавшие меня вести наступление, были ему абсолютно ясны, и поэтому он, с одобрения командования группы армий, отдал приказ продолжать разведку боем, отметив при этом, что штаб корпуса должен оставаться на месте. Ну, это хоть что-то, спасибо Листу. Я попросил его сгладить произошедшее между мной и генералом фон Клейстом недоразумение и приступил к организации разведки боем. Штаб корпуса оставался на своем месте в Суазе, откуда был протянут телефонный провод к моему «полевому штабу», чтобы моих приказов не слушали по радио представители главнокомандования.

Прежде чем 1-я бронетанковая дивизия получила приказ о прекращении наступления, ее части успели взять населенные пункты Рибмон на реке Уазе и Креси на реке Сер. Авангард 10-й бронетанковой, вырвавшись из области южнее Седана, достиг Фрельикура и Сольс-Монклана. Вечером 17 мая на Уазе возле населенного пункта Муа (25 километров от Дерси и 115 километров от Седана) были возведены предмостные укрепления (см. приложение 10).

18 мая в 9.00 2-я бронетанковая дивизия добралась до Сен-Кантена. Слева от нее стояла 1-я бронетанковая дивизия, также переправившаяся через Уазу и продвигавшаяся к Перонну. Утром 19 мая 1-й бронетанковой удалось соорудить возле этого города предмостное укрепление на реке Сомма. В Перонн заявились несколько французских штабов — они хотели на месте выяснить, что происходит. Все сдались в плен (см. приложения 11 и 12).

Полевой штаб корпуса переместился в Вилье-ле-Сек.

19 мая мы прошли по месту, где в Первую мировую было поле боя за Сомму. До сих пор наше наступление пролегало севернее рек Эна, Сер и Сомма, и реки эти прикрывали наш левый фланг, — впрочем, прикрывали его к тому же разведывательные войска, противотанковые установки и инженерные войска. Опасности с той стороны не ожидалось; 16 мая мы узнали о появлении в Монкорне 4-й бронетанковой дивизии французов под командованием генерала де Голля. В течение нескольких следующих дней дивизия де Голля приблизилась к нам вплотную, и 19 мая его танки не дошли до моего полевого штаба, расположенного в лесу Ольнон, лишь милю. Штаб обороняло лишь несколько 20-миллиметровых зенитных орудий, и несколько часов я провел в тревоге, пока неприятель не удалился в другом направлении. Узнали мы и о том, что в районе Парижа французы создают резервную армию из восьми пехотных дивизий. Сложно было представить, что генерал Фрер решится наступать на наши позиции, пока мы сами находимся в движении, — руководствуясь главным принципом французской армии, он должен был сначала собрать о противнике самую полную информацию. Поэтому надо было и дальше оставлять его в догадках; а наилучшим способом сделать это было продолжение наступления.

К вечеру 19 мая XIX армейский корпус достиг линии Камбре – Перонн – Ам. 10-я бронетанковая дивизия занялась охраной нашего донельзя растянувшегося левого фланга, сменяя части ранее осуществлявшей охрану 1-й бронетанковой. В ночь с 19 на 20 мая штаб корпуса переместился дальше, в Марлевиль. В тот день корпус наконец-то вновь обрел свободу действий, получив приказ начать с 20 мая наступление на Амьен. На 10-ю бронетанковую была теперь возложена обязанность обороны нашего левого фланга вплоть до Корби, что к востоку от Амьена. Сектор же, ранее занимаемый ею, теперь заняла 29-я мотопехотная дивизия. 1-я бронетанковая должна была наступать на Амьен; в ее задачи входило как можно быстрее возвести предмостные укрепления на южном берегу Соммы. 2-я бронетанковая получила приказ продвигаться к Абвилю через Альбер, там захватить еще одни предмостные укрепления на Сомме и нейтрализовать все неприятельские войска на участке между Абвилем и морем. Линией разграничения между 2-й и 1-й бронетанковыми дивизиями стала линия Комбле – Лонгеваль – Позьер – Варанн – Пушвиль – Канапле – Флике кур – Сомма.

Оборонительные секторы вдоль Соммы были следующие: 2-я бронетанковая (исключительно) – от устья Соммы до Фликскура;

1-я бронетанковая – от Фликскура до слияния Авра и Соммы (к востоку от Амьена);

10-я бронетанковая – от слияния Авра и Соммы до Перонна.

По моим расчетам, 1-я бронетанковая дивизия должна была занять позиции для наступления на Амьен к 9.00. Я хотел лично принять участие в этом историческом событии и приказал, чтобы мне подготовили машину к 5.00. Офицеры уверяли меня, что это слишком рано и что надо бы попозже, но я настоял на своем и оказался прав (см. приложения 13 и 14).

Добравшись 20 мая в 8.45 до северных окраин Амьена, 1-я бронетанковая начала наступление. По пути туда я заехал в Перонн, чтобы убедиться, что 10-я бронетанковая заняла позиции, и там мне, не стесняясь в выражениях, рассказали о том, как происходила

смена дивизий. Оказывается, части 1-й бронетанковой, охранявшие предмостные укрепления, не дождались подхода смены, потому что командующий, подполковник Балк, боялся опоздать к штурму Амьена, каковой считал гораздо более важным делом, чем охрану укреплений. Преемник Балка полковник Ландграф был разъярен ответом торопливого подполковника на высказанное ему возмущение: «Ну потеряем мы эти укрепления, ну возьмете их по новой. Я же их один раз смог взять, верно?» К счастью, противник предоставил Ландграфу достаточно времени, чтобы тот успел застать укрепления пустующими, а не захваченными противником. Я объехал Альбер, который все еще находился в руках неприятеля, и ехал в Амьен вдоль бесконечных колонн беженцев.

Наступление 1-й бронетанковой продвигалось успешно, и к полудню мы заняли город и установили плацдарм глубиной мили в четыре. Наскоро осмотрев занятую нами территорию и город, с его прекрасной церковью, я поспешил обратно в Альбер, где ожидал встретить 2-ю бронетанковую дивизию. По дороге я вновь ехал мимо колонн наших наступающих войск и толп беженцев. Попадались мне по дороге и вражеские машины – густо вымазанные грязью, они пристраивались к немецким колоннам в надежде добраться таким образом до самого Парижа и не попасть в плен. Поймал я таким образом человек пятнадцать англичан (см. приложение 15).

В Альбере я обнаружил генерала Фейеля. 2-я бронетанковая захватила артиллерийскую батарею англичан, застав ее выстроенной на плацу и укомплектованной учебными снарядами – они никак не ожидали нашего прибытия. Рыночная площадь и прилегающие улицы были забиты пленными всех национальностей. У 2-й бронетанковой практически закончилось топливо, и среди офицеров начались разговоры о том, что можно бы и остановиться, но это я пресек на корню¹¹. Им было приказано немедленно продолжать наступление в направлении Абвиля, и к 19.00 они достигли этой цели, пройдя через Дульен – Бернавиль – Боме - Сен-Рике. Там им немало досадил налет нескольких неприятельских бомбардировшиков. Зайдя к шустрому командиру 2-й бронетанковой бригады, полковнику фон Приттвицу, и убедившись, что он все понял насчет наступления на Абвиль, я направился на северо-восток от Амьена, в Керьо, где теперь находился штаб моего корпуса. Там мы подверглись налету нашей же собственной авиации. Это, наверное, было нехорошо с нашей стороны, но наша зенитка открыла огонь и один из самолетов сбила. Оба члена экипажа катапультировались на парашютах и были неприятно удивлены, встретившись внизу со мной. По окончании малоприятной части нашей беседы я угостил молодых людей шампанским. Подбитый самолет, к сожалению, оказался новейшим разведывательным аэропланом.

Батальон Шпитты¹² из 2-й бронетанковой дивизии прошел в ту ночь через Нуаель и, таким образом, стал первым немецким подразделением, ступившим на берег Атлантического океана.

К вечеру мы уже не знали, куда нам наступать дальше. Фон Клейст и командование танковой группы тоже не имели инструкций насчет дальнейшего ведения операции. Поэтому весь день 21 мая прошел в бесполезном ожидании приказов. Я потратил этот день на поездку в Абвиль и инспектирование переправ и предмостных укреплений на Сомме. По дороге я расспрашивал солдат, выясняя их мнение об идущей кампании.

¹¹ Мнение командира дивизии о том, что горючее закончилось, было ошибочным. После перераспределения топлива внутри самой дивизии оказалось, что вполне можно наступать и дальше. Когда командир заявляет «У нас кончилось горючее» – этому никогда не стоит сразу верить. Обычно его на этот момент бывает еще достаточно. Как только солдаты устают, у них сразу «топливо кончается». Так всегда бывает в наступлениях. Во французскую кампанию реальной нехватки горючего не было ни разу, благодаря хорошей работе штаба. Позже – да, мы сталкивались с проблемой нехватки топлива не раз, по мере разрушения нашей промышленности в целом. Но в 1940 году могли случаться только временные легкоразрешимые перебои с доставкой.

 $^{^{12}}$ Шпитта – фамилия командира батальона.

- Неплохо пошли, - ответил один австрияк из 2-й бронетанковой, - но целых два дня зря потеряли.

Увы, он был совершенно прав.

Захват портов Ла-Манша

21 мая я получил приказ продолжать наступление на север с целью овладеть портами на Ла-Манше. Я хотел, чтобы 10-я бронетанковая наступала на Дюнкерк через Эсдан и Сен-Омер, 1-я бронетанковая — на Кале, а 2-я — на Булонь. Но от этого плана мне пришлось, увы, отказаться, поскольку приказом командования танковой группы, изданным 22 мая в 6.00, 10-я бронетанковая была переведена из-под моего командования в резерв танковой группы. Поэтому, когда в тот же день мы двинулись в наступление, у меня под началом оставались только 1-я и 2-я дивизии. На просьбу оставить мне все три дивизии, чтобы быстрее выполнить задачу по захвату портов, я получил отказ. Получалось, что бросок 10-й бронетанковой на Дюнкерк отменяется. Скрепя сердце мне пришлось изменить планы. Теперь 1-й бронетанковой, совместно с прибывшим тем временем из Седана пехотным полком «Великая Германия», предстояло двигаться по линии Саме — Девр — Кале, а 2-й бронетанковой — в Булонь вдоль побережья.

21 мая к северу от нас произошло знаковое событие: в направлении Парижа попытались прорваться английские танки. Под Аррасом они наткнулись на дивизию СС «Мертвая голова», которая, не имея до того опыта боевых действий, в некоторой степени подверглась панике. Прорваться англичанам не удалось, но зато они произвели определенное беспокойство в штабе танковой группы генерала фон Клейста. Однако на нижестоящие уровни командования эта нервозность не распространилась: 21 мая 8-я бронетанковая дивизия XLI армейского корпуса дошла до Эсдана, а 6-я бронетанковая дивизия того же корпуса взяла Буаль.

Итак, наше наступление продолжилось 22 мая. В 8.00 мы переправились через Оти в северном направлении. Ни 1-я, ни 2-я бронетанковые дивизии не могли задействовать в наступлении все свои силы; часть войск (больше всего из 2-й бронетанковой) должна была оставаться в тылу, охраняя предмостные укрепления на Сомме, в ожидании, пока на смену явятся подразделения XIV армейского корпуса генерала фон Витерсгейма, следовавшие за нами, как это было под Седаном (см. приложения 16, 17).

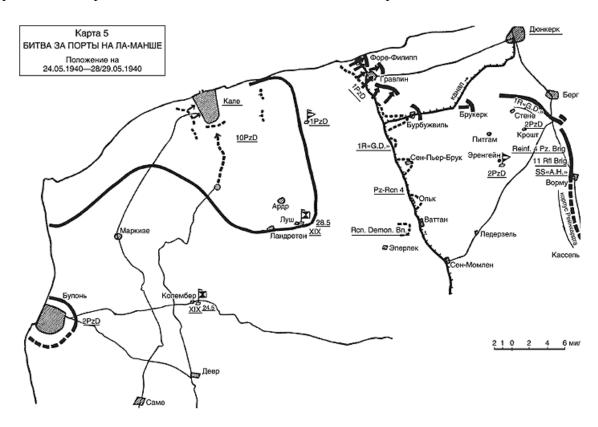
Днем 22 мая разгорелись жестокие бои под Девром, Саме и южнее Булони. Нам противостояли в основном французы, но встречались и англичане с бельгийцами, а в одном месте – даже голландцы. Их сопротивление было сломлено. Но вот авиация противника вела себя очень деятельно, нас и бомбили, и обстреливали сверху, а самолетов люфтваффе что-то не было видно. Мы уже очень далеко оторвались от наших военно-воздушных баз, которым явно не удавалось перебазироваться в необходимом темпе. Но мы все равно пробивались к Булони.

Штаб корпуса переехал в Рек.

Десятую бронетанковую вернули под мое командование. Я немедленно принял решение переметнуть 1-ю бронетанковую, которая уже подошла к Кале, на Дюнкерк, а к Кале вместо нее подошла бы 10-я, двигавшаяся из Дульена через Саме. Особой срочности вопрос захвата этого порта не представлял. В полночь я отправил радиограмму в 1-ю бронетанковую со следующим приказом: «К 7.00 23 мая развернуться боевым порядком к северу от реки Канш, поскольку 2-я бронетанковая дивизия пробилась в Булонь, а во второй эшелон за вами вышла 10-я бронетанковая. 1-й бронетанковой двигаться по линии Одрюик — Ардр — Кале, а затем — свернуть на восток и наступать через Бурбужвиль — Гравлин на Берг и Дюнкерк. 10-я бронетанковая будет следовать южнее вас. Выполнять распоряжения по получении условной фразы «Наступать на восток». Начать движение в 10.00».

Рано утром 23 мая я передал по радио: «Наступать на восток, 10.00. Двигаться к югу от Кале на Сен-Пьер-Брук и Гравлин».

23 мая 1 — я бронетанковая двинулась на Гравлин, встречая на своем пути ожесточенное сопротивление противника, а 2-я бронетанковая увязла в тяжелых боях в Булони и окрестностях. Штурм самого города принял причудливую форму, потому что какое-то время ни танковые, ни артиллерийские орудия не могли пробить древние крепостные стены. Наконец нам удалось проделать брешь в стене, возле церкви, и с помощью найденной в одном из домов приставной лестницы и 88-миллиметрового зенитного орудия ворваться в старый город. В порту кипело сражение, в ходе которого один из наших танков сумел потопить британский торпедный катер и еще нескольким нанес те или иные повреждения.

24 мая 1-я бронетанковая дошла до канала Аа между Ольком и побережьем и возвела предмостные укрепления на канале в Ольке, Сен-Пьер-Бруке, Сен-Николя и Бурбужвиле. 2-я бронетанковая очистила от неприятеля Булонь, а основные силы 10-й бронетанковой дошли до линии Девр — Саме.

Под командование моего корпуса была переведена дивизия лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер». Я отдал этой дивизии приказ наступать на Ваттан, усиливая таким образом бросок 1-й бронетанковой на Дюнкерк. 2-я бронетанковая тоже получила приказ оттянуть из Булони как можно больше войск для броска на Ваттан. 10-я бронетанковая окружила Кале и готовилась к штурму древней крепости на море. Днем я заехал в расположение дивизии и велел им вести штурм осторожно, по возможности избегая потерь. К 25 мая под Кале должна была прибыть тяжелая артиллерия, работа которой в Булони была завершена.

XLI армейский корпус Рейнхардта между тем установил предмостные укрепления на Aa в Ceн-Oмe.

Роковой приказ Гитлера – прекратить наступление!

В тот день, 24 мая, в идущую полным ходом операцию вмешалось Верховное командование, что имело фатальные последствия для всего будущего хода войны. Гитлер приказал нашему левому флангу остановиться на Аа. Переправляться на ту сторону было запрещено. Причины такого решения оставались для нас загадкой. В приказе было сказано (цитирую по памяти): «Дюнкерк предоставить люфтваффе. Если захват Кале окажется тяжелой задачей, этот порт тоже предоставить люфтваффе». Мы просто онемели. Но поскольку нам не сообщили, на каком основании был принят этот приказ, то и спорить с ним было затруднительно. Поэтому пришлось отдать следующий приказ по танковым частям: «Обороняйте линию канала. Используйте выдавшееся время для отдыха и восстановления». 13

Ожесточенные налеты авиации противника практически не встречали сопротивления со стороны наших военно-воздушных сил.

Рано утром 25 мая я отправился на прибрежную полосу посмотреть, выполняет ли дивизия «Адольф Гитлер» приказ о прекращении наступления. Прибыв на Аа, я застал эсэсовцев в момент переправы. На том берегу находилась высота Монваттан. Она возвышалась всего на 235 метров, но на равнине, на которой мы находились, этого было достаточно, чтобы господствовать над всеми окрестностями. На вершине, среди развалин старинного замка, я и встретил командира дивизии, Зеппа Дитриха. На вопрос о причинах неповиновения приказам он ответил, что, находясь на высоте Монваттан, противник держал бы за горло все части, расположенные на нашем берегу канала, и поэтому Зепп Дитрих принял решение 24 мая овладеть высотой по собственной инициативе. Его дивизия, вместе с двигавшимся слева от нее пехотным полком «Великая Германия», продолжали наступление в направлении Ворму и Берга. В свете успешного продвижения дивизии я одобрил решение Дитриха и подумал, что надо выдвинуть ему в помощь и 2-ю бронетанковую.

В тот день мы завершили захват Булони. 10-я бронетанковая сражалась уже вокруг крепости Кале. Ответ коменданта крепости, англичанина бригадира Николсона на предложение сдаться был лаконичен: «The answer is no, as it is the British Army's duty to fight as well as it is the German's»¹⁴. Поэтому брать крепость пришлось штурмом (см. приложение 18).

26 мая 10-я бронетанковая захватила Кале. В полдень я приехал в штаб дивизии и, в соответствии с полученным приказом, спросил Шааля, нет ли у него желания предоставить Кале действию самолетов люфтваффе. Он ответил, что такого желания у него нет, потому что он сомневается в том, что бомбардировки будут эффективны против толстых стен и подземных укреплений. Более того, чтобы авиация могла начать налеты, пришлось бы отозвать войска с подступов к крепости, а потом штурмовать эти подступы заново. Мне пришлось с ним согласиться. В 16.45 англичане сдались. Мы взяли 20 000 пленных, из них 3000—4000 были англичанами, а остальные — французами, бельгийцами и голландцами; по большей части они отказались воевать, вследствие чего англичане заперли их в подвалах.

В Кале я впервые после 17 мая встретил генерала фон Клейста и выслушал от него на этот раз похвалу успехам моих солдат.

В тот же день мы двинулись к Дюнкерку в попытке замкнуть кольцо вокруг этой приморской крепости. И тут пришел новый приказ. Нам было велено остановиться, когда Дюнкерк был уже в пределах видимости! Мы видели, как на крепость налетела наша авиация и как британцы эвакуируют свои войска на кораблях, больших и маленьких.

¹³ Ср. «In Wermarchtsführungstab» фон Лоссберга. С. 81 (Н.Н.Nolke-Verlag, Гамбург).

 $^{^{14}}$ «Наш ответ – нет, ибо долг британской армии, так же как и немецкой, – сражаться» (англ.).

Генерал фон Витерсгейм появился днем в моем штабе для обсуждения вопросов смены частей моего XIX корпуса частями его XIV. 20-я мотопехотная дивизия, представлявшая собой авангард его корпуса, перешла под мое командование. Я расположил ее справа от дивизии «Адольф Гитлер». Не успели наши переговоры завершиться, как произошло одно небольшое событие. Командир дивизии «Адольф Гитлер» Зепп Дитрих по дороге обратно с линии фронта попал под пулеметный обстрел англичан, засевших в одиноком доме, который теперь уже оказался в нашем тылу. Его автомобиль загорелся, и ему с товарищами пришлось прятаться в придорожной канаве. Дитрих с адъютантом заползли в дренажную трубу, проходящую под перекрестком, а для того, чтобы спастись от растекшегося из машины горящего бензина, он вымазал руки и лицо густым слоем грязи. Радист из штабного грузовика, следовавшего за автомобилем Дитриха, передал сигнал бедствия, и мы послали на выручку часть 3-го бронетанкового полка 2-й бронетанковой дивизии, в секторе которой все и происходило. Вскоре Зепп Дитрих появился в моем штабе — его вид, в грязи с ног до головы, вызвал у нас немало насмешек (см. приложение 19).

Только днем 26 мая Гитлер разрешил возобновить наступление на Дюнкерк. Время было уже упущено, и полная победа стала недосягаемой (см. приложение 20).

Корпус был брошен в наступление в ночь с 26 на 27 мая. 20-я мотопехотная дивизия, усиленная дивизией «Адольф Гитлер» и полком «Великая Германия», при поддержке тяжелой артиллерии была брошена на Ворму. Слева от нее продвигалась 1 – я бронетанковая, получившая указание большую часть сил сосредоточить на своем правом фланге, в соответствии с общим ходом наступления.

Пехотный полк «Великая Германия» получил своевременную поддержку со стороны 4-й бронетанковой бригады 10-й бронетанковой дивизии и закрепился на цели своего броска — на высоте Крошт-Питгам. Разведывательный танковый батальон 1-й бронетанковой захватил Брукерк.

Наблюдалось интенсивное движение морских транспортов из Дюнкерка.

28 мая мы дошли до Ворму и Бурбужвиля. 29-го 1-я бронетанковая взяла Гравлин. Но вот Дюнкерк в результате был взят без нашего участия. 29 мая части XIV корпуса пришли на смену нашим частям XIX (см. приложение 21).

Операция завершилась бы гораздо быстрее, если бы Верховное командование не останавливало постоянно XIX корпус своими приказами. Теперь уже невозможно сказать, каким был бы ход войны, если бы мы захватили в плен британские экспедиционные войска в Дюнкерке, но в любом случае военная победа такого масштаба дала бы хорошим дипломатам огромные козыри. К сожалению, из-за нервозности Гитлера такая возможность была утеряна. Свои тормозящие наше продвижение приказы он обосновывал все время одной и той же малоубедительной причиной: мол, местность во Фландрии не годится для танков, слишком много каналов и траншей.

29 мая я с нетерпением ждал возможности выразить моим храбрым солдатам свою признательность. Слова благодарности вылились у меня в следующий приказ:

«Солдаты XIX корпуса!

Семнадцать дней мы сражались в Бельгии и Франции. Шестьсот километров прошли мы после пересечения границы Германии и добрались до Ла-Манша и Атлантики. На этом пути вы сокрушили бельгийские укрепления, прорвались за Мёз, сломили продолжение линии Мажино в незабываемой битве за Седан, захватили господствующие высоты на Стонне, и, не останавливаясь, пробились через Сен-Кантен и Перонн в низовья Соммы, Амьен и Абвиль. Вы увенчали свои успехи захватом побережья Ла-Манша и морских крепостей в Булони и Кале.

Я просил вас сражаться без сна 48 часов — вы делали это 17 дней. Я приказывал вам сражаться, не страшась угроз с флангов и тыла, — вы ни разу не дрогнули.

Вы самоотверженно выполняли все приказы, с непревзойденным самообладанием и верой в свое предназначение.

Германия гордится своими танкистами, и я счастлив командовать вами.

Мы не забудем наших павших товарищей, честь им и слава! Их жертва не была напрасной.

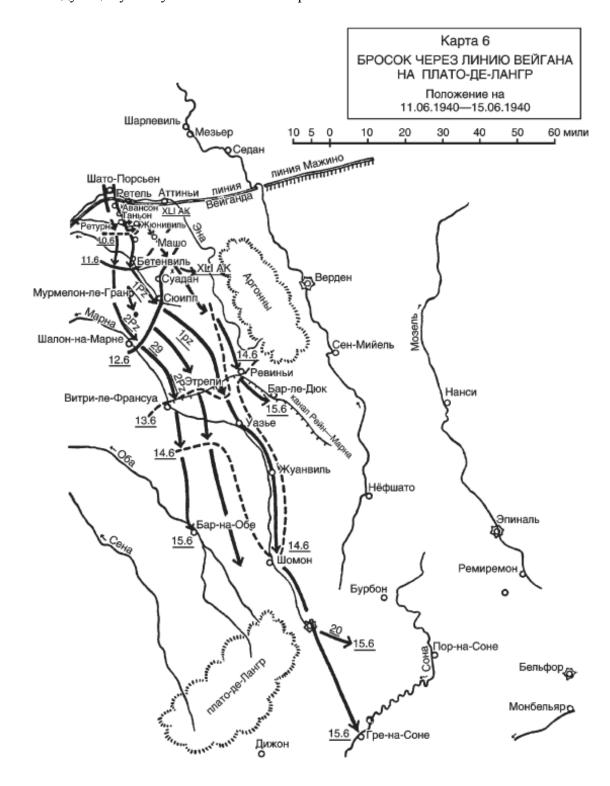
Вооружимся же теперь для новых славных деяний! Слава Германии, слава нашему вождю – Адольфу Гитлеру! Подпись: *Гудериан»*.

В своих воспоминаниях о Второй мировой войне Уинстон Черчилль утверждает, что якобы Гитлер, по предположениям некоторых немецких генералов, сдерживал свои танки под Дюнкерком в надежде, что англичане вот-вот запросят мира. Ни во время самих событий, ни позже я никогда не слышал ни о чем подобном. Предположение Черчилля о том, что Рундштедт сам мог решиться на остановку танковых частей, тоже несостоятельно. Более того, как непосредственный участник происходившего, я могу твердо заявить, что героическая оборона Кале, безусловно достойная всяких похвал, все же не могла оказать никакого влияния на развитие событий под Дюнкерком. Черчилль совершенно справедливо утверждает, что Гитлер, а в особенности – Геринг верили, что превосходство Германии в воздухе окажется достаточным, чтобы предотвратить эвакуацию британских войск по морю. Это было ошибкой, имевшей самые плачевные последствия, – ведь только захват всех британских экспедиционных войск в плен мог бы вынудить Англию к замирению с Гитлером или создать благоприятные условия для успешного вторжения на Британские острова.

Во Фландрии я узнал о том, что мой старший сын ранен, к счастью не смертельно. Второй мой сын получил во Франции Железный крест, как первой, так и второй степени. Он остался невредим, несмотря на то что всю кампанию провоевал в составе разведывательного танкового батальона.

Прорыв к швейцарской границе

28 мая Гитлер приказал учредить под моим командованием танковую группу. Штаб моего корпуса переместился в Синьи-ле-Пти, к юго-западу от Шарлевиля, чтобы готовиться там к следующему этапу кампании. Штаб прибыл на место 1 июня.

Образование «танковой группы Гудериана» произошло в первые дни июня юговосточнее Шарлевиля. Штаб ее был сформирован из офицеров моего бывшего штаба XIX

корпуса. Верный полковник Неринг остался начальником штаба, оперативным офицером (/ а) стал майор Байерлейн, а адъютантом – подполковник Рибель. В танковую группу вошли:

XXXIX армейский корпус (генерал Шмидт), с 1-й и 2-й бронетанковыми дивизиями и 29-й мотопехотной дивизией:

XLI армейский корпус (генерал Рейнхардт), с 6-й и 8-й бронетанковыми дивизиями и 20-й мотопехотной:

ряд подразделений, непосредственно подчиненных танковой группе.

Сама танковая группа входила в состав 12-й армии генерал-полковника Листа.

Марш на наше новое место сосредоточения представлял собой внушительное зрелище, особенно процесс перехода 1-й и 2-й бронетанковых дивизий с берегов Ла-Манша. Расстояние составляло примерно 240 километров, но из-за взорванных мостов некоторым подразделениям приходилось делать крюк, иногда километров по девяносто. Очевидными становились признаки усталости солдат и износа техники. К счастью, у нас было несколько дней на отдых, поэтому перед тем, как приступить к выполнению новых задач, в какой-то степени удалось восстановиться.

Успешное завершение первого этапа западной кампании привело к устранению войск противника из Голландии, Бельгии и Северной Франции. Мы обезопасили свой тыл для проведения операций в южном направлении. Основные силы бронетанковой и моторизованной техники неприятеля были уже уничтожены, поэтому на втором этапе кампании оставалось только разбить остатки французской армии — около 70 дивизий, считая две британские, — и заключить выгодный для Германии мир. По крайней мере, нам тогда казалось именно так.

Наши войска быстрее развернулись боевым порядком на нашем правом фланге, вдоль Соммы, чем в центре — на Сер и Эне. Поэтому армейская группа фон Бока могла начать наступление уже 5 июня, а армейская группа фон Рундштедта — не раньше 9-го.

В секторе армейской группы фон Рундштедта перед 12-й армией стояла задача пересечь реку Эну и канал Эна между Шато-Порсьен и Аттиньи, после чего — продвигаться в южном направлении. Пехотный корпус должен был форсировать реку и канал в восьми местах. После установки предмостных укреплений и наведения мостов танковые дивизии моей группы должны были идти в атаку вместе с пехотой, прорваться на открытое пространство, а затем наступать, в зависимости от ситуации, либо на Париж, либо на Лангр, либо на Верден. Первой нашей целью должно было стать плато Де-Лангр; прибыв туда, мы должны были получить дальнейшие приказы.

Я попросил командующего 12-й армией утвердить моей дивизии конкретные места для форсирования реки и дать нам возможность переправиться через реку самостоятельно. Идея о совместном наступлении с пехотой мне не нравилась — огромные и многочисленные транспортные колонны пехотных подразделений, как правило, наглухо забивали дороги, и я боялся, что это приведет к затруднению командования. Однако командир армии хотел приберечь танковые дивизии для решительного прорыва и поэтому отклонил мою просьбу. Итак, танковая группа сосредоточилась позади пехотного корпуса, и все четыре танковые дивизии готовы были наступать по восьми различным мостам, как только те будут наведены. Обе мотопехотные дивизии должны были следовать за танковыми дивизиями соответствующих корпусов. Для успешного выполнения плана пехоте необходимо было форсировать реку и захватить предмостные укрепления.

Разграничительная линия между XXXIX и XLI армейскими корпусами пролегала по линии Васиньи – Ретель – Жюнивиль – Овине – Оберив – Сюйп – Сен-Реми – Тиллой (зона ответственности XXXIX) – Вано – Соньи – Парньи (зона ответственности XLI).

8 июня штаб танковой группы переехал в Беньи.

9 июня, в день начала наступления 12-й армии, я выехал на наблюдательный пункт, расположенный к северо-востоку от Ретеля, чтобы лично наблюдать за продвижением пехоты и не пропустить момента, когда нужно будет выдвигать войска. С 5.00 до 10.00 не было видно ничего. Тогда я послал своих офицеров на соседние места, где тоже были намечены наступательные удары, чтобы выяснить, вышла ли пехота к Эне там. С обеих точек прорыва вокруг Ретеля я получил донесения, что наступление было отбито и что пехота сумела установить предмостные укрепления только в одном месте, углубившись на полтора-два километра – в окрестностях Шато-Порсьен. Я связался с начальником штаба 12-й армии, моим другом генералом фон Макензеном, и предложил ему ночью перебросить танки на другой берег в этом единственном месте, чтобы на следующее утро они были готовы к броску. Затем я отправился в Шато-Порсьен, заехав по пути в штаб III армейского корпуса генерала Гаазе, где получил краткий обзор ситуации. На месте, осмотрев предмостные укрепления, я направился к командиру моего XXXIX корпуса генералу Шмидту, который находился, вместе с генералом Кирхнером, чуть севернее самого городка. Мы обсудили вопросы продвижения 1-й бронетанковой и ее размещения внутри предмостных укреплений Шато-Порсьен. Было решено начать переброску с наступлением сумерек.

Вскоре после этого я встретил командира армии генерал-полковника Листа. По дороге ему попадались части 1-й бронетанковой дивизии, и он недовольно заметил мне, что многие танкисты сняли кители, а некоторые даже позволили себе купаться в реке. Далее генерал-полковник сердито вопрошал меня, почему мы до сих пор не пошли в атаку через предмостные укрепления. На основе только что полученных мной лично данных я ответил, что невозможно наступать через предмостные укрепления, которые до сих пор не захвачены или не расширены до нужных размеров. Далее я указал на то, что захват предмостных укреплений не входил в задачу моих танковых подразделений. Верный своей рыцарской природе, Лист тотчас же протянул мне руку в знак примирения и спокойно перешел к обсуждению текущих вопросов.

В штабе своей группы я пробыл недолго и вернулся к предмостным укреплениям в Шато-Порсьен, чтобы лично проконтролировать размещение моих танков и пообщаться с командиром действовавшей там пехотной дивизии. Генерала Лоха из 17-й пехотной дивизии я встретил на дальнем берегу, и мы согласовали с ним свои действия. На передовой я оставался до часу ночи, а затем навестил раненых бойцов из моих танковых и разведывательных подразделений, ожидавших отправки обратно через предмостные укрепления, и поехал обратно в свой штаб в Беньи, чтобы отдать распоряжения.

За день было возведено два небольших предмостных укрепления к западу и востоку от Шато-Порсьен. По ним можно было перебросить за реку 2-ю бронетанковую дивизию вместе с частями 1-й.

Наступление моих танков должно было начаться 10 июня в 6.30. Я находился к тому времени на передовой, подгоняя 1-ю стрелковую бригаду, которая отстала от наступающих войск. К моему удивлению, пехотинцы на передовой узнавали меня, и, когда я спросил откуда, выяснилось, что и офицеры и рядовые помнили меня еще с тех пор, когда я командовал 2-й бронетанковой дивизией, находясь в Вюрцбурге, этом некогда прекрасном, а ныне полностью разрушенном городе. Мы были очень рады увидеться вновь. Танки и пехота пошли в атаку одновременно, и все могли полностью полагаться друг на друга. Мы быстро продвинулись через Авансон и Таньон до Нёфлиза, что на реке Ретурн. На открытой местности танки практически не встречали сопротивления, поскольку, согласно своей новой тактике, французы сконцентрировали оборону в лесах и деревнях, а с открытой местности войска убрали вообще, пасуя перед нашими танками. Поэтому нашей пехоте приходилось ожесточенно сражаться на забаррикадированных улицах и среди деревенских домов, а танки, которым лишь доставлял небольшое неудобство эпизодический обстрел французской

артиллерии с позиций, все еще удерживаемых французами на Ретельском фронте — в нашем тылу, — прошли до Ретурн и под Нёфлизом форсировали эту заболоченную реку, перегороженную дамбой. 1-я бронетанковая уверенно наступала теперь по обоим берегам Ретурн; южнее реки двигалась 1-я бронетанковая бригада, а севернее — стрелки Балка. Днем мы достигли Жюнивиля, где противник встретил нас контратакой силами крупного танкового соединения. Южнее Жюнивиля завязалось сражение, закончившееся часа через два в нашу пользу. Ближе к вечеру был взят и сам Жюнивиль, причем Балк лично захватил знамя французского полка. Неприятель был отброшен до Ла-Нёвиль. В ходе танкового сражения я лично пытался подбить французский танк модели «В» из трофейного 47-миллиметрового противотанкового орудия, но тщетно; все снаряды просто отскакивали от его толстой брони. Наши 37— и 20-миллиметровые орудия были против этого противника тем более беспомощны. В результате мы завершили этот бой с тяжелыми потерями.

Вечером произошла еще одна жестокая битва с вражескими танками, на этот раз – севернее Жюнивиля. Французы двигались со стороны Аннель на Перт с твердым намерением начать контрнаступление, но нам удалось разбить их.

2-я бронетанковая между тем пересекла Эну к западу от Шато-Порсьен и наступала в южном направлении. К вечеру ее подразделения дошли до линии Удилькур — Сент-Этьен. Подразделения корпуса Рейнхардта, которым удалось переправиться еще не во всех намеченных точках, двигались вслед за частями 1-й бронетанковой. Данные разведки позволяли предположить, что взятие Жюнивиля в скором времени положит конец сопротивлению противника в Ретеле, и тогда корпус Рейнхардта вновь обретет свободу действий.

Теперь штаб танковой группы расположился в лесу Буа-де-Севиньи, на Эне, к юговостоку от Шато-Порсьен. Там я и заночевал. Я был полностью вымотан, рухнул на сноп соломы и уснул, не сняв даже фуражки. Заботливый, как всегда, Рибель поставил надо мной тент и выставил часовых, чтобы мне дали спокойно поспать хотя бы часа три.

Рано утром 11 июня я был в Ла-Нёвиль, командуя наступлением 1-й бронетанковой дивизии. Атака продвигалась как на учениях: артиллерийская подготовка, наступление танков и пехоты, окружение деревни и прорыв через Бетенвиль, – я хорошо помнил эту деревню по Первой мировой войне. Сопротивление неприятеля было наиболее стойким вдоль реки Сюипп. Противник предпринимал тщетные попытки контратаки, используя для этого около 50 танков, скорее всего, из 7-й легкой дивизии французов. Мы захватили деревни Норуа, Бен и Сен-Илер-ле-Пти.

Вторая бронетанковая дошла до Эпуа, 29-я мотопехотная углубилась в леса юго-западнее этой деревни. XLI армейский корпус Рейнхардта, продвигавшийся восточнее XXXIX, отразил нападение французов с фланга, совершенное силами 3-й механизированной и 3-й бронетанковой дивизий, переброшенных с Аргонн. Расправившись с врагом, корпус продолжил движение на юг.

Днем я получил сообщение, что главнокомандующий армией собирается посетить нашу танковую группу, и поспешил обратно. Когда я прибыл в штаб, генерал-полковник фон Браухич был уже там. Я рассказал ему о ситуации на фронте и о наших планах. Никаких новых указаний я не получил. Вечером штаб переместился в Жюнивиль.

12 июня мы продолжили наступление. XXXIX армейский корпус получил приказ продвигаться на Шалон-на-Марне силами 2-й бронетанковой дивизии и на Витри-ле-Франсуа силами 1-й бронетанковой и 29-й мотопехотной. XLI армейский корпус должен был на своем правом фланге пробиваться через Сомму — Пи на Сюипп.

Наше продвижение затруднялось стремительным движением следовавшей за нами пехоты. Пехотные подразделения добрались уже до Эны и местами упирались прямо в танковые части. Разграничительные линии между дивизиями не были достаточно ясно определены, из-за чего возникали недоразумения. Мы посылали в штаб армии просьбы разобраться

с этой ситуацией — ответа не было. На всех точках переправы через Сюипп наблюдались оживленные сцены. Все хотели идти первыми — и танкисты и пехота. Храбрые пехотинцы шли маршем день и ночь — так им хотелось добраться до врага. Утром мы прошли столь памятные мне по осени 1917 года Шампанские горы. Я побывал в 29-й мотопехотной, которая только что появилась на фронте. Командовал ею генерал барон фон Лангерман; я застал его на северном краю лагеря Мурмелон-ле-Гран за отдачей разведывательному батальону приказов о наступлении на лагерь. Присутствовали все командиры подразделений, и приказы были четкими и ясными. Впечатление на меня это произвело очень хорошее. Со спокойной душой я поехал во 2-ю бронетанковую в Шалон-на-Марне.

Когда я прибыл на место, дивизия только что дошла до Шалона. Авангард наших разведчиков захватил нетронутым мост через Марну, но, ко сожалению, они не проверили мост на предмет мин, хотя и имели на этот счет строгие предписания. В результате мост взорвался под нашими войсками, и мы понесли потери, которых могло бы и не быть.

Обсуждая планы дальнейшего наступления с генералом Фейелем, я получил вызов обратно в штаб, где ждали прибытия главнокомандующего группой армий генерал-полковника фон Рундштедта.

К вечеру 1-я бронетанковая достигла Бюсси-ле-Шато. Солдаты получили приказ наступать на Этрепи, на канале Рейн – Марна.

В этот день корпус Рейнхардта вел оборонительные бои с врагом, нанесшим удар с запада, с Аргонн. Во второй половине дня я побывал в дивизиях этого корпуса, в окрестностях Машо, и смог таким образом лично одобрить принятые меры. Мы захватили Суэн, Таюр и Манр. По дороге обратно в штаб танковой группы я снова стал свидетелем того, как продвижению наших наступающих войск мешает рвущаяся вперед пехота. И вновь мои попытки решить эти проблемы через командование 12-й армии оказались тщетными.

Теперь танковая группа стала ежедневно получать приказы, которые противоречили один другому. То нам предписывалось свернуть на восток, то — продолжать движение на юг... Сначала мы должны были внезапным штурмом взять Верден, затем — продолжать наступление в южном направлении, потом — свернуть на восток к Сен-Миелю и опять вернуться к наступлению на юг. Больше всего от этих колебаний страдал корпус Рейнхардта. Курс, которым следовал корпус Шмидта, я оставлял неизменно южным, чтобы хоть часть войск моей танковой группы могла быть приверженной единой цели.

13 июня я впервые побывал в корпусе Рейнхардта, в его 6-й и 8-й бронетанковых дивизиях, которые все еще сражались с вражескими частями, подошедшими из Вердена и Аргонн. К вечеру я отправился на поиски штаба 1-й бронетанковой дивизии, которая добралась до канала Рейн — Марна возле Этрепи. Командование XXXIX армейского корпуса приказало дивизии не пересекать канала. Я об этом приказе не знал; а если бы знал, то не одобрил бы его. Под Этрепи я встретил Балка, неутомимого командира авангарда 1-й бронетанковой, и спросил его, навел ли он мост через канал. Он ответил, что да, навел. Тогда я спросил, установил ли он на том берегу предмостные укрепления, и он, с некоторой заминкой, ответил, что да, установил. Его сдержанность меня удивила, и я спросил, можно ли проехать к этим укреплениям на машине. Глядя на меня с недоверием, он очень осторожно ответил: да, можно. И мы отправились туда. Среди укреплений я встретил офицера инженерных войск лейтенанта Вебера, который, рискуя жизнью, пытался предотвратить подрыв моста, и командира стрелкового батальона, установившего укрепления, капитана Экингера. Я имел честь вручить этим храбрым офицерам по Железному кресту. Потом я спросил Балка, отчего остановилось продвижение вперед, и только теперь узнал о приказе по корпусу. Вот почему

Балк выглядел так настороженно – он проник дальше, чем полагалось, и боялся наказания с моей стороны.

И вновь, как и в Бувельмоне, наш прорыв был почти завершен. И снова времени для колебаний не оставалось. Балк высказал мне свою оценку неприятеля — в его секторе канал защищали чернокожие солдаты, практически лишенные артиллерии. Я отдал приказ наступать на Сен-Дизье и пообещал лично известить о своем приказе командиров дивизии и корпуса. И Балк пошел в атаку. Я же вернулся в штаб дивизии и приказал немедленно бросить всю дивизию вперед, после чего известил о своих приказах 1-й бронетанковой генерала Шмидта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.